

Пришло время новых сказок!

Михаил Успенский

Невинная девушка с мешком золота

Что ценится дороже?
Золото или невинность?

Михаил Успенский

**Невинная девушка
с мешком золота**

**Что ценится дороже:
золото или невинность?**

Москва
«ЭКСМО»
2005

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
У 77

Оформление художника *С. Ляха*

Успенский М. Г.
У 77 Невинная девушка с мешком золота: Фантастический роман. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 384 с.

ISBN 5-699-09983-2

В некотором весьма странном царстве новопеченный и крайне неопытный царь по пьянке взял да и полюбил обзаклад с иноземным супостатом, что нравственность и законопослушность его подданных достигли столь небывалых высот, что даже невинная девушка с мешком золота способна без ущерба для обоих указанных сокровищ добраться до Рима — куда, как известно, ведут все дороги.

И добро бы на деньги, дурак, спорил, а то ведь на все царство оптом, вместе с независимостью, самкипределением и народным самосознанием. Надо теперь как-то выкручиваться. Собирать золото, налаживать в путь невинную девушку под недреманным оком международных наблюдателей...

Чудеса, чудовища, мудрые и весьма жизненные наблюдения, царство Антихриста, путешествия и приключения, и также «наше все» — прилагаются.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-09983-2

© Успенский М. Г., 2005
© Оформление. (ОО) «Издательство
«Эксмо», 2005

— Передайте вашей невесте,
что она подлец!

Николай Гоголь

Конклав избрал нового папу,
но — ужасное происшествие! —
новоиспечённый папа тут же шмыг-
нул в камин, и римляне увидели,
как он пролетел над Ватиканом,
пользуясь крыльями, напоминаю-
щими самолётные!

Мишель де Гельдерод

Стойте, братья, расскажу вам чудо,
О каком не слыхано ни разу:
Будто где-то в нашем Божьем мире,
За шесть дней Всевышним сотворённом,
Есть иной — невидим он, неслышим,
Рядом он — а не дойти и за год,
Близко он — а пулей не дострелишь.
Населяют эту как бы землю
Как бы люди, нам во всём подобны.
Пьют, едят, работают, воюют,
Пляшут, плачут, пашут и воруют,
Меж собою делятся, как мы же —
Есть там франки, швабы и мадьяры,
Сербы и проклятые хорваты,
Русские братушки и татары,
Сарацины и моавитяне.
Есть у них и Рим — да ведь без Рима
Никакого мира не бывает.
Только христианские народы
Там не знают имени Христова.
А султан, владыка всех неверных,
Слыхом не слыхал про Магомета.
Видно, оттого у них на небе
Нету звёзд — лишь солнышко с луною.
Правда, солнце ходит по-иному,
А луна ушерба там не знает.
(Вот вам, турки, чёртов полумесяц!)
И уж коли сыщется меж нами
Доблестный юнак, что пожелает
Самолично диво то увидеть,
Так трудна ему дорога ляжет:
Путь держать всегда от солнца вправо,
От луны же — влево непременно.
Без проводника крутись, как можешь!
А с меня за слово не взыщите,
Ложью попрекнуть и не пытайтесь:
Мне о том сам Боскович поведал,
А уж он-то знает всё на свете!

Мимица Обрадович из Вуковара

ГЛАВА 1

— Великая Тартария по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут мунгалы, в другой — ниппонцы, в третьей — те племена, которые на их собственном языке называются ерусланцами, а на нашем — тартарами. Тартаров отделяет от ниппонцев река Данаида, а от мунгалов — Тигр и Евфрат. Самые храбрые из них мунгалы, так как они живут дальше всех других от Провинции с её культурной и просвещённой жизнью; кроме того, у них редко бывают купцы, особенно с теми вещами, которые влекут за собой изнеженность духа...

«Ну вот, — подумал молодой дворянин Лука Радищев. — Снова-заново. Дошли наконец до «Слова о полку Кесаревом, Кесаря Александровича». Опять слушать эти позорные римские придумки — как нас Кесарь бил, а мы от него бегали. Хотя все знают, что всё было как раз наоборот. И нынче мы их бьём, и раньше били. И никакие мы не тартары и не мунгалы, не говоря уже об ниппонцах. Может, и народа такого нет — ниппонцы. Кто их видел? И рек таких нет, чтобы звались Тигр и Евфрат, а есть реки Потудань и Посюдань, и даже не реки, а одна река... Ох, напрасно меня

батюшка в эту Церковно-Приходскую Академию отдал... Скорей бы уж Большая Перемена...»

Как видно, мысли Радищева попали как раз в ухо Тому, Кто Всегда Думает О Нас.

Во всех многочисленных церквях стольного града Солнцедаара ударили колокола, а флюгеры на их куполах разом повернулись в другую сторону.

— Большая Перемена! Большая Перемена! — тревожно загудели студенты.

Лектор, отец Гордоний, побледнел, отшвырнул проклятую отныне и до следующей Большой Перемены книгу в дальний угол, достал из-под кафедры чёрную рясу, напялил её поверх светского кафтана, потом ещё раз нырнул под кафедру и обрёл там совсем другую книгу — не какие-нибудь там римские придумки, а «Повесть временного содержания» — исконную и подлинно ерусаланскую летопись. Повесть носила такое название потому, что содержание её постоянно менялось по требованию очередного государя.

Студенты, которым от этого часа и до следующей Большой Перемены надлежало именоваться учениками, терпеливо наблюдали за делами отца Гордония. Многие из них учились тут чуть не по десятку лет и пережили не одну Большую Перемену вполне благополучно, поскольку всё ещё числились в недорослях.

Отец Гордоний самым тщательным образом приклеил полагающуюся по его нынешнему чину наставника бороду, потом усы. Усы были чёрные, а борода — рыжая. Но смеяться никто не стал: уж ГЛАВА Академии, отец Мортирий, с него спросит за путаницу!

— Итак, на котором месте мы остановились? — как ни в чём не бывало спросил отец Гордоний и раскрыл «Повесть» на первой странице. — Отроки! Друзья мои! Счастлив тот, кто знает буквы, которыми эта книга написана; ещё счастливее тот, кто их складывать может; счастливее же всех тот, кто умеет читать эту книгу. Из неё мы узнаем, откуда есть пошла земля Ерусланская.

«Поспать бы, — зевнул про себя Лука. — Перемена-то Перемена, а всё одно да потому... И когда это кончится? И почему, как ни назови нашу землю — хоть Великая Тартария, хоть Гиперборея, хоть Многоборье, хоть Поскония, хоть город Гяупов, хоть город Градов, — всяк в ней без труда узнает Ерусланию? Это просто чудо какое-то... Вон аглицкий сэр Томас Мор, так тот даже «Московией» нас навеличил и черты идеального государства той Московии придал...»

— ...Земля наша велика и обильна, а ни наряда, ни ордера на неё нет! Всех живых князей мы уже перепробовали, осталось к усопшим обратиться. И обратились. И вот восстали из глуби земной три брата, три весёлых мертвеца: Жмурик, Трупер и Синеуст. У каждого из братьев один глаз глядел на нас, а другой — в Арзамас. Это ли не знамение! От старшего и пошёл род царский, Жмуриковичами именуемый...

Между прочим, и сам юный Лука Радищев был маленько Жмурикович, но род их захирел, глаза смотрели как положено, и злобные соседи хихикали над Радищевыми: «Были в гербе три тери, и те улетели!»

Лука с тоской вспомнил старика-отца — вот

он, высохший, облысевший, но всё ещё по-военному стройный, идёт по аллее захудалого их поместья — положить букетик первых сизых подснежников на могилку маменьки, а совсем юный ещё Лука едва за ним, за строевым его шагом, поспевает.

Папенька роняет слезу на серый гранит плиты и в который раз говорит сыну:

— Мир наш, Лука, сходен с толстой премудрою книгою в дорогом переплёте. Но из книги этой вырвано множество страниц — возможно, самых важных и всеобъясняющих. И долг всякого истинно благородного человека — искать эти страницы, хотя бы понадобилось для этого потратить ему всю жизнь и обойти всю землю...

— Я обойду, папенька, я найду, — торопливо обещает Лука. — Хотите, я поклянусь хоть памятью маменькиной, хоть Тем, Кто Всегда Думает О Нас...

— Не надо! — отвечает отец. — Ибо сказано: «А Я вам говорю, не клянитесь вовсе...» Как же там дальше? О, проклятье! Лучше уж вовсе ничего не помнить, чем так... По обрывкам строк...

— Всё равно обойду всю землю! — упрямо говорит Лука.

Оттого-то и попробовал юный дворянин в своё время сбежать и сделаться вольным мореплавателем. Сбежать-то сбежал, а на корабль его не взяли, потому что в морском деле соображать надо. На первый вопрос капитана: «Вы, матросы-моряки, где же ваши снасти?» он ответил бойко и даже блестяще, а вот показать, где среди этих снастей находится ёксель-моксель, так и не су-

мел. На этот вопрос не всякий боцман может ответить. Так и не достиг парень высшего флотского звания «Моряк, красивый сам собою». Вот и приходится теперь полировать лавку, и конца этому не видно, поскольку ни один курс не удаётся завершить из-за этих вот Больших Перемен, которые нынче становятся всё чаще и чаще...

Радищев вздохнул и произнёс про себя Единую и Единственную Молитву:

«О Ты, Кто Всегда Думает О Нас, подумай как следует!»

Не помогло.

Данила оглядел учебное зало. Ученики, недавние студенты, зевали в открытую, иные и спали. Куприян Волобуев даже похрапывал. Арап Тири-томба переводил с разрешенной покуда латыни басню великого Батилла «Енот и Блудница», шевеля губами и ехидно улыбаясь — видно, переклад ему удавался. Неразлучные братушки Редко Редич и Хворимир Супница на последней лавке, неведомо почему именуемой «камчатка», играли в кости. Гордые шляхтичи Яцек Тремба и Недослав Недашковский с помощью зеркалаца любовались своими усами, хотя усишки-то были так себе. Мечтатель-хохол Грыцько Половынка бессмысленно разглядывал висящее на стене изображение Папы-Богородца: величественный старец со все-ленской тоской во взоре держал на руках маленького Цезаря-Сына, а Внук Святой в виде белой и мохнатой летучей мыши осенял их своими крылами. Картину нарочно подвешивали повыше — иначе лихие ученики-студенты непременно подписывали и подрисовывали углем, как и чем именно

должен Богородец кормить своего божественного младенца. Но тут прибежали школьные служки и с помощью длинной палки с крюком картину сняли и уволокли с глаз подальше — до следующей Большой Перемены, когда они снова станут студентами, а флюгарки на куполах церковных повернутся в сторону Рима.

На учёбу в Церковно-Приходскую Академию принимали без различия племён — лишь бы присягнули Единой Ерусланской Анакефальной Церкви и отреклись от Рима. Шляхтичи уже сколько раз отрекались, а всё равно тайком молились по-своему в кельях, а когда после Большой Перемены назначался Левый Галс, то и открыто, ввиду временной свободы. Но сейчас-то начался Правый Галс...

— Радищев! К тебе обращаюсь! Третий раз уже! — рывкнул отец Гордоний.

Лука вскочил и стряхнул полудрёму.

— Я!

— Шомпол от ружья! Что сказал великий Жмурик братьям своим, требующим от него доли собственной в земле Ерусланской?

— Э... О... А! Вспомнил! Он сказал: «Это моё! А и то моё же! И то! И то! И даже вон то — всё равно моё!» И пошли Трупер и Синеуст от него, плача и не утирая слёз и возгрей из носу...

— Верно... Скользкий ты, Радищев, никак тебя не поймает... Волобуев! Волобуев!

— Я!

— Древко от копья! Куда пошли плачущие братья Жмуриковы?

— Дык... Дык... Известно куда!

И спросонья сказал куда именно.

— Вот полста горячих тебе! — обрадовался отец Гордоний. — Чтобы помнил! А пошли они в тратторию... тьфу ты! В кружало они пошли пьянственное, что возвёл им на утешение милостивый старший брат, и обрели там веселие великое...

Тут на ученика Луку накатило — совсем как в тот раз, когда он наладился было в мореплаватели.

Нет, ещё сильнее накатило — он ведь постарше стал.

— Довольно! — вскричал он могучим басом. — Так мы здесь всю юность свою невозвратную проведём! Братья Жмуриковы уж на что в сырой земле протрезвели, и те туда пошли, а нам и подавно пора! В кружало, друзья!

И поднялся тут студенческий бунт, неременный спутник всякой Большой Перемены.

Напрасно отец Гордоний увещевал бунтовщиков и хватал их за полы форменных синих кафтанов. Полетели в него перья и чернильницы, украсились мгновенно стены зала хулительными надписями и запрещёнными знаками. Куприян Волобуев лавку сломал, неразлучники Редко Редич и Хворимир Супница затащили бунташную майскую песню, Яцек Тремба всех рубил воображаемой саблей, а мелочь пузатая старалась не отстать от старших товарищей.

Ближайшее заведение и старейшее в столице именовалось, конечно, «Два весёлых мертвеца», потому что Жмурик в своё время за братьями не последовал, страхась потерять по пьянке только что завоёванный царский престол.

ГЛАВА 2

Народы мира — что дети малые. По отдельности вроде все соображают, а как обретут национальное самосознание, всякая рассудительность из них улетучивается — так много места это сознание занимает.

Любому ребёнку непременно хочется прибавить себе лет, чтобы побыстрее вырасти. Он то отцову шапку напялит, то в батюшкины сапоги по самые уши залезет, то папины награды на грудь нацепит.

То же самое и народ: всякий норовит свою древность доказать перед другими.

Ну, со временем-то это проходит.

Когда объявили весёлого мертвеца Жмурика царём, он сразу же начал строить свою древнюю столицу Солнцедар.

Возведена она была в неслыханные сроки — за один день и одну бедственную ночь.

Правда, после длительной подготовки.

Сперва собрали всех, какие были в Еруслании, гончаров — даже тех, что умели только свистульки детские лепить.

Землепашцам приказали снести и свезти в будущую столицу все дрова, что на зиму заготовили.

Остальным приказали глину копать, благо было её много — и белой, и бурой, и синей, и всякой.

Гончары понимали всю зрящность задуманного, но царской воле перечить не смели.

Землепашцы тоже знали, что зимой придётся в кулак свистеть, но поленницы свои разорили.

Кое-как, используя ивовые прутья для устой-

чивости, слепили и царский дворец, и тюремную башню, и храмы, и гостиные дворы — жильё для людей только не успели.

А потом обложили всё это изнутри и снаружи дровами и подожгли. Дрова горели всю ночь.

Столица получилась такая древняя, что казалась много старше самой матери сырой земли. Во всяком случае — возведённой ещё до сотворения человека, это уж точно. Никто теперь не посмеет назвать ерусланцев молодым народом.

Для верности на городских воротах вывели надпись:

ПУТНИК, ЧИТАЮЩИЙ ЭТИ ЗНАКИ!
ЗНАЙ, ЧТО НАЧЕРТАНЫ ОНИ
ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ НАЗАД,
И НИ ДНЁМ РАНЬШЕ!

Иноземцев это впечатляло. Руины Солнцедара даже объявили одним из семи чудес света.

Правда, жить там не было никакой возможности. Ну, потом-то кое-как устроились. В царском дворце принимали иностранных послов — уж больно приятно было смотреть, как они, согнувшись в три погибели, пытаются пролезть в тронную залу. Да ещё тюремная башня использовалась по назначению.

Когда царя Жмурика наконец-то прихлопнуло куском рухнувшей дворцовой стены, его похоронили не в обычной могиле и не в каменном склепе, а в огромной яме, которая осталась после добычи глины. И завалили гроб не землёй, а тяжёлыми камнями, чтобы никогда больше не вы-

лез весёлый мертвец. Для верности туда же кинули и братцев Трупера и Синеуста. Всё-таки ерусланцы малость повзрослели.

Детей же у Жмурика, даром что мертвец, было великое множество, так что династия основалась.

Одно плохо — не было в Еруслании настоящей веры. «Повесть временного содержания» злостно умалчивала о том, откуда взялись ерусланцы в здешних местах и чем занимались раньше, до призыва мёртвых князей.

Но люди-то кое-что помнили. Не всё, к сожалению, но кое-что. Помнили, как долгие годы скитались они по тёмному лесу в блаженном беспомыслии и бездумье. А может, и не годы — время-то считать вовсе не умели. Что было причиной ухода в лес, каждый толковал по-своему. То ли степняки бешеным набегом загнали туда народ, то ли мор какой нашёл на страну. Да и не поощрялись такие воспоминания, а учёные люди утверждали, что тёмный лес — это всего лишь символ и аллегория проклятого язычества, которое уже давным-давно отвергли.

Язычество отвергли, а истинную веру забыли. Помнили, как надо возводить церкви и соборы, а что рисовать на стенах и потолках, не знали. Помнили, как отливать звонкие, на весь мир, колокола, а в какое время следует звонить, сказать затруднялись. Помнили, как складываются затейливые купола, а чем их венчать, не ведали. Помнили, как надлежит одеваться особам священного сана, а как вести службу — увы. Выбрали священников из самых долгобородых, а они всё никак не могли между собой выбрать главного: время от

времени кто-нибудь из них объявлял себя Владкою, но его быстро посрамляли за незнание службы (как будто сами-то знали!) и выгоняли вон, норовя при этом повредить бороду. Потому-то проклятые ватиканцы-еретики и обозвали Ерусланскую Церковь Анакефальной, сиречь безголовой.

Ходили, правда, слухи, что должны непременно явиться учителя из Царьграда со всеми богослужебными книгами, утварью и божественными изображениями, что иконами зовутся. Но учителя всё не шли и не шли, да и на месте, где по всем соображениям должен был находиться Царьград, торчал, как чирей посередь ягодицы, город Истанбул — самая что ни есть басурманская столица, откуда ничего хорошего ждать не приходилось.

Конечно, Великое Беспамятство коснулось не одних ерусланцев, а всего мира. Но в Риме, на счастье фряжинам и другим немцам, Папа-Богородец Александр взял и под руководством Внука Святого нечувствительно родил сына Цезаря, Спасителя-Искупителя, Господа Живого.

Втроём-то дело у них пошло бойко: живо появилась священная книга «Хочу всё знать», где в самой простой и доступной форме жили ответы на все вопросы. Весьма кстати пришло и книгопечатание.

А говорилось в той книге, что до Великого Беспамятства все народы пребывали в глупости и ереси, не понимая, зачем и для чего живут, строили какие-то бессмысленные сооружения, поклонялись Нечистому в виде голубя, мня его священной Птицей Мира. Но какая, скажите, птица га-

дит больше и чаще голубя, причём норовит попасть человеку на голову? Разве что чайка. Но та хотя бы предупреждает людей противным криком (звуки печали и тоски всегда односложны и пронзительны), а коварный голубь воркует-воркует умиротворительно, а потом раз — и беги полоскать волосню, замывать птичье дерьмо с шапки или кафтана.

Но здесь придётся рассказ наш о верах ложных и истинных прервать, поскольку вырвавшиеся на волю студенты сильно торопятся выпить, а уж это такое дело, что святее не бывает.

ГЛАВА 3

В «Два весёлых мертвеца» компанию не пустили за прежние долги.

Кружало, приютившее юношей из Академии, называлось «У семи нянек Джона Сильвера», и на вывеске его изображена была небритая харя морского разбойника с перевязанным левым глазом, хотя у настоящего Сильвера, как известно, отсутствовала только одна нога. Вывеску эту не трогали и во время Правого Галса, поскольку англичан считали если не единоверцами, то почти союзниками, особенно при последнем государе. С островитянами, не пошедшими на поклон к Ватикану, охотно и широко торговали мёдом, салом, лесом, пенькой и телогрейками. Последние пользовались на Туманном Острове особенным спросом.

По причине охоты на ведьм (перенятой, кстати, у Рима) добросовестные сыны Альбиона пере-

жгли на золу почти всех красавиц, оставив на развод таких уж крокодилиц, зачинать детей с которыми возможно было, лишь накинув на лицо жены или подруги телогрейку. (Вообще всякому чувствительному человеку при виде дочери Альбиона остро и жгуче первым делом хочется задать ей овса.) Никакой другой вид одежды для щепетильного Лондона почему-то не годился, а ерусаланские телогрейки-стёганки были в самый раз.

— Здравствуй многие веки, Ванька Серебряный! — шутовски поклонились студенты вывеске и, галдя, вошли в кружало.

По воле нынешнего государя Патифона Финатича всем было велено искренне увлечься морским делом (недаром и Лука-то наш бегал в матросы), поэтому питейное заведение украсили и обставили соответственно: на стойке целовальника (почему хозяина кружала так называют, тоже забыли и не знали, что именно он должен целовать и кому) водружён был громадный корабельный штурвал, по стенкам развешаны разные водяные диковины. В виде чучел, вестимо. Был тут и Морской Волк, и Морская Душа — всегда молодая, и смертоносная Морская Пехота, и рыба — двуручная пила, и рыба-клюшка, и рыба-пчела, и даже настоящая русалка-кригсмарина, вооружённая медной пушечкой.

И корабельный колокол висел над головой целовальника — тот начинал бить в него, если среди посетителей затевался мордобой. Столы и скамьи в кружале были намертво привинчены к полу, как положено на корабле на случай шторма, поэтому драться приходилось склянками из-под рома и

джина (так здесь именовали любой напиток). Отсюда и пошло выражение «бить склянки».

В знак же того, что ерусланцы в морском деле отнюдь не новички, а наоборот, его основоположники, висела на самом видном месте источенная червями кормовая доска от древнего корабля. На доске какой-то давным-давно сгинувший мореплаватель начертал бронзовым кинжалом вирши, и просвещённые посетители кружала виршии сумели даже прочесть:

Плыли аргонавты,
Вёслами гребли.
Сциллу и Харибду
.....!

Последняя строчка переводу никак не поддавалась, поэтому местные знатоки подписали рядом с ней множество своих толкований:

...В сердце сберегли!
...Приближали как могли!
...Сиренам предпочли!
...В дар царю везли!
...В ступе истолкли!
...В жертву обрекли!
...Видели вдали!
...Умело обошли!
...В тесте запекли!
...Розгами секли!
...Заживо сожгли!
...К слову приплели!
...Беспечно не учили!
...Люлюшеньки люли!

Тут, правда, кончилась стенка и начался пол, сиречь палуба, а ползать по грязным доскам, разбирая чужие каракули, — последнее дело.

Весёлая компания уместилась за любимым

столом, только панам осталось с краешку одно место, но Яцек Тремба с удовольствием уселся на колени Недашковскому. С девками им не везло, а друг с дружкой — вполне. На это смотрели сквозь пальцы: что взять с еретиков.

Зато сильно везло с девками Луке нашему Радищеву. Больше всего на свете любил красавец-дворянин две вещи: девок и свободу, да всё никак не мог между ними выбрать, не решался, отчего и прослыл (до нынешнего дня, как мы увидим) скромником и тихоней.

Вообще-то в кружале «У семи нянек», в подражание морским порядкам, девок никаких не было. Поэтому после гульбы те, кто в состоянии был ещё передвигаться, ковыляли в другое заведение, к матушке Венерее. Но оттуда студентов, как правило, выносили на пинках, потому что являлись они туда уже без денег, а кое-кто и без штанов. Исключение делалось только для красавца Луки и арапа Тиритомбы.

Но Лука, взойдя в светёлку избранной им девки, немедленно начинал томиться и мечтать о свободе, доходя до почти крамольных речей. Мечтами этими он делился с подругой и мирно засыпал под свои же речи и девкин храп. Арап же Тиритомба был куда как хитрее: прочитав для порядку свежую виршу, он, дико вращая глазами, бросался в амурное сражение, победоносно длившееся до самого утра.

...Платил за всех, как обычно, Лука. Деньги ему папенька посылал, сколько мог, а мог он немало: принадлежащая Радищевым деревенька Кучердаевка была захудалой, земля — супесча-

ной, немец-управляющий — вороватым. Но молодой дворянин и в городе никакой работой не гнушался — дрова по дворам колол, возы на базаре разгружал, колодцы копал. Так он чувствовал себя ближе к народу, о свободе которого постоянно думал. А ещё он думал о той, что составила бы для него идеал для обожания.

Целовальник по прозвищу Морган (моргал он непрерывно, но следил за всем строго) со вздохом потряс на ладони жалкие медяки, нехотя велел подать на стол пару скляниц — одну с ромом, другую с джином. Почувствовать разницу между этими двумя напитками можно было только великому знатоку.

— Первая чарка — за батюшку-царя Патифона Финадеича! — хором воскликнули паны-ляхи: во время Восточного Галса они становились патриотами тошней любого ерусланца.

...Покуда морской напиток, выгнанный из гороховой браги, льётся в молодые и голодные желудки, стоит сказать несколько слов и про Патифона Финадеича и объяснить, откуда взялись Галсы.

Молодой царевич Патифон, рано осиротев (не без помощи нескольких верных друзей), возмечтал сделать Еруслань великой морской державой на гишпанский либо аглицкий манер. Нарядившись простым Великим князем, он поехал в город Бристоль, но не доплыл туда по причине лютой морской болезни и вынужден был остаться на континенте. Тогда он накопил на все деньги книг по морскому вопросу, воротился домой и начал их изучать.

Познав корабельное дело, солнечную и лун-

ную навигацию и основы каботажного плавания, он решил перейти к делу, прокопав до ближайшего моря канал, чтобы Солнцедар стал портом ста пятнадцати морей. Тем более что половина работы была уже сделана: глиняный карьер, вырытый ещё во времена Жмурика-Строителя, был сам по себе уже вполне готовой гаванью. Могила предка при этом должна была уйти под воду.

Бояре ворчали, что Еруслань не потянет столь дерзкий замысел: не хватит ни сил, ни людей. Не лучше ли жить, говорили они, как пустынные арапские владыки — лошадей заменить верблюдами (верблюда же недаром зовут кораблём пустыни), устремиться на Восток, навсегда отвернувшись от западных еретиков. Церковь поддерживала это дело, но с оговоркой: чур, не обасурманиться бы.

Надев на себя костюм аглицкого морского капитана, Патифон Финадеич вышел из дворца и широким шагом двинулся в сторону карьера, по-мавая в воздухе тяжёлой капитанской тростью. При малом росте ноги у государя росли, казалось, от ушей, поэтому бояре за ним еле поспевали.

На беду, день, избранный царём для закладки порта (он уже и название придумал — Патифон-Харбор), пришёлся на пятницу, и накануне, естественно, прошёл обильный дождичек — как полагалось по календарю.

Глина размокла, и в ней безвозвратно застрял роскошный капитанский левый ботфорт. Это произошло как раз в тот миг, когда царь изящным движением трости стряхивал с него воображаемую морскую пену.

Второй ботфорт удалось спасти — бояре отта-

шили Патифона к сухому месту, где он, как цапля болотная, униженно стоял на одной ноге, покуда слуги не принесли ему из дворца валенок, укрепленный кожаной калошей. Капитанские сапоги с отворотами были единственными в Ерусалиме.

Бояре сразу же загалдели, что потеря ботфорта — плохая примета, что не видать нам моря, как своих ушей, что лучше бы государь сразу их послушал и мечту свою вовремя похерил...

Но великие люди потому и великие, что никогда не херят своих мечт.

Сперва государь распалился царственным гневом и велел боярам тесать острые колы, чтобы потом добровольно на них усестся. Слуги тут же притащили нетолстые брёвнышки и топорики для их заострения. Бояре, кряхтя, принялись тесать концы брёвнышек, но начали внезапно поглядывать друг на дружку и на царя так уж нехорошо, так уж скверно подмигивать, что на Патифона Филадельфа, стоявшего в непарной обуви, снизошло озарение. С перепугу, понятное дело.

— Стойте, соратники! — воскликнул он. — Сие есть великий омен судьбы, сиречь предзнаменование! Путь наш лежит не на Запад, куда указывает ботфорт, но и не на Восток, куда устремлен валенок. Путь у нас будет свой, и торить его мы станем как раз посередине, промежду ботфортом и валенком!

Бояре прикинули, что располагается у государя промежду ботфортом и валенком, и глубоко призадумались. Царь нередко посылал их в ука-

занном направлении, но то было лишь в иносказательном смысле...

— Государство наше суть могучий корабль в океане мировой истории, — горячо продолжал Патифон Финадеич. Личико его покраснелось, усики встопорщились, голосок зазвенел: — А я — кораблю тому капитан. Но хороший капитан не ждёт попутного ветра. Он приказывает идти то левым, то правым галсом. То западным, то восточным. И доводит судно в гавань своей мечты. А по-простому — будем мы склоняться то к ватиканам-еретиканам, то к безбожным басурманам, сохраняя при том свой путь и свою веру...

— Хитро! — восхитились бояре, кивая бородами. Так и стали жить, метаясь из стороны в сторону.

При Левом Галсе государь начинал привечать ватиканских легатов, посылал подарки Римскому Кесарю, допускал изучение еретических книг, чем Ватикан широко пользовался. Жёнам ерусаланским не только позволяли останавливать коней на скаку, но и управлять повозками. А посланников султана Абдул-Семита держали в чёрном теле и прикрывали торговлю с Азией. Бояр при этом насильственно брили.

Во время Правого Галса бороды у бояр насильственно же отращивали, в чёрное тело перемещали уже западных послов, заламывали неслыханные пошлины на европейских таможенных, соскребали со стен наклеенные гравюры с изображением Богородца, не рисковали щеголять заморскими словечками, носили шальвары, чаще обычного лупили жён, кутавшихся уже не в валансьенские кру-

жева, но в пёстрые персидские шали. Вожжи у жён, разумеется, отбирали.

Но между первой и второй чаркой не принято делать длительной паузы, поэтому арап Тиритомба предложил выпить за торжество разума. Каким образом разум может восторжествовать в тяжёлых условиях кружала, никто не знал, но здравицу подержали.

Не успела ещё жгучая влага ударить по молодым мозгам, как дверь в кружало отворилась и вошёл монах-богодул с большой гремющей кружкой с надписью «На поиски бога истинного».

Да, помнили ведь ерусланцы, что должны быть помимо церквей и монастыри с отдельным общежитием, но вот что должны были делать их обитатели и обительницы, никто не знал. А чтобы не бездельничали отрёкшиеся от мирской жизни, их посылали в бесконечное странствие — бога искать. Потому и звали их в народе богоискателями, или, проще, богодулами.

— Стяжание церковное есть стяжание божье! — провозгласил богодул первым делом (вот уж об этом Ерусланская церковь крепко помнила).

Все замолчали, уныло поставив чарки на место. Встретить богодула было дурной приметой — будет ныть, покуда последние деньги не вытянет.

Монах занялся своим привычным делом — пошёл по кружалу, заглядывая под столы и лавки, ловко запускать свою тощую лапку в такие же тощие кошельки посетителей, обшаривал карманы.

— Тут несть, — пожаловался он и горестно затряс бородёнкой. Потом пошёл к хозяину, но тот грудью пал на денежный ящик и подсунул богоду-

лу склянку с ромом. Богодул единым духом выдул ром (оттого-то и прозвали их братию богодулами), вытряхнул последние капли на пол и даже рукой в донышко поколотил.

— И тут несть, — вздохнул монах и направился на кухню.

Там что-то загремело, зазвенело, раздался возмущённый вопль кухаря:

— Да откуда же он в квашне-то возьмётся?

— А отчего же тогда тесто пузырится? — возразил дотошный монах. — Кто пузыри пускает?

Потом было слышно, как забрякали в кружке монеты — кухарь предпочёл откупиться, чтобы не допустить разорения своего хозяйства.

Монах вышел из кухни, обгладывая куриную ногу.

— Без бога живёте, — традиционно упрекнул он всех собравшихся и направился было к выходу, но хозяин схватил его за рукав рясы.

— Ты бы хоть совесть поимел, — сказал Морган и заморгал ещё чаще обычного. — За выпитое, за съеденное, за выпрошенное. Взял бы да помогил за усопших наших...

Бога в Еруслании пока не нашли, а вот чертей — сколько хочешь. Потому что если кто в чертей не верит, тот и бога сроду не найдёт.

Да и как не верить в чертей? Кто же тогда людям пакостит, хорошей жизни не даёт? Тем более что чертей этих, нечистых диаволов, многие даже видели самолично, на столе, можно сказать, ловили, с тела обирали, а вот до бога никто ещё не допивался.

И, понятное дело, после смерти люди непременно шли к чертям, причём ко всем сразу.

Людам жалко было своих близких, угодивших в пекло. Вот они и просили попов и монахов молиться за них. А поскольку правильно молиться никто не умел, то и молитвы были самодельные. Вот когда обретут странники в чёрных рясах правильного бога, тогда и молитвы будут правильные.

Ром, видать, растрогал монаха, и он затянул нараспев:

— Черти вы черти, черти полосатые, волосатые, бесы хохлатые, хамоватые, демоны чреватые, щербатые, диаволы сохатые, мохнатые, сатаны рогатые, суковатые, вы помилуйте усопших наших, не тычьте в них вилами, ножами, когтями, зонтами, каблуками, не терзайте клопами, шмелями, комарами, не рубите колунами, топорами, мечами, не цепляйте крюками, не режьте ломтями, не палите огоньками, не будьте палачами, погасите пламя под котлами, передохните, усните на многие годы, уплывите в глубокие воды, дайте себе роздыху-свободы... Ну, всё, — добавил он, словно бы прислушиваясь к незримой преисподней. — Вроде бы уgomонились... До вечера... А вечером я ещё разок забегу, на всю ноченьку их замолю...

Моргана от этих слов перекосило, а богодул, чуть заметно пошатываясь, уверенно попал в дверь и направился куда-то — или в богатый купеческий дом, или в другое питейное заведение...

Вдруг да обретёт искомое?

ГЛАВА 4

После такой молитвы студенты заметно приуныли, и даже призыв неутомонного Тиритомбы выпить во здравие всех милых дам не возымел действия: выпили не чокаясь, как на поминках.

Задумывались.

В Академии думать-то навряд ли научишься, а вот задумываться — это да. И то человеку польза.

Да тут ещё обнаружилось, что богодул оставил всю честную компанию без гроша.

— В долг не поверю, — поспешно заявил Морган. — Я на вас и так, почитай, разоряюсь. Оставьте все деньги у девок, а потом и начинаете: Морган, Морган... А меня вовсе и не Морган зовут, Морганом меня только кличут, а от родителей я — Сенофонд Пятеримыч...

— Ну, Сенофонд Пятеримыч, ну, миленький... — застонали студенты.

— Не дождётесь, — сказал жестокий хозяин.

— Тогда придётся опять трясти панычей, — вздохнул тощий арап.

Ляхи, почуяв неладное, наладились бежать, но в них вцепился добрый десяток рук.

Трясти, как всегда, пришлось силачу Луке. Он взял в каждый кулак по панычу, перевернул их кверху дном, отчего обнажились их короткие кривые ножки, затянутые в лиловые чулки.

— Кардиналами будут, — похвалил еретиков Лука и начал трясти.

Звенеть монеты где-то звенели, а сыпаться на пол не сыпались.

— Что за притча? — удивился Лука и хотел

было поставить потрясённых панычей обратно на ноги, но Грыцько Половынка вовремя его остановил:

— Та воны гроши у роте завжды ховають! Бережись, шобы не сковталы!

— А, так вот почему они всё помалкивали! — возмущился такому коварству Лука и легонько столкнул Яцека и Недослава головами.

Потом ещё разок.

Потом посыпались и денежки, да не медные, а серебряные, с гордым профилем Кесаря-Искупителя.

Пристыженные панычи, угрюмо друг на друга поглядывая, вернулись на своё место, причём умудрились уместиться рядом.

— То ж не гроши, — проникновенно сказал Тремба. — То слёзы наши. То стипендия ватиканская...

— Ласковое теля двух свиноматок сосёт, — заметил арап Тиритомба.

— И не подавится, — добавил Хворимир Супница.

— Теперь и на закуску хватит! — воодушевился Куприян Волобуев.

Хватило и на закуску. Обрадованный Морган, самолично подавая на стол, ещё и оправдывался, что рыбный пирог не пышен: проклятый богодул не дал тесту подняться как следует.

И начали молодые люди поглощать ром, с джином смешанный, и заедать его пирогом, кидая рыбы кости в скупердяя-Моргана. Подумаешь тоже, Сенофонд Пятиримович какой нашёлся!

Панычи, рыдая, норовили наполнять себе чар-

ки всклень и сильно частили, поскольку пили-то на свои кровные.

Разгорячённый и безудержный арап звонко запел крамольную латинскую песню — опять-таки им же переложенную на родной ерусланский. Своего арапского он не помнил: Патифон Финадеич младенцем выиграл чёрного сироту у заморского шкипера в очко.

Пейте тут, пейте тут,
В радости и в горе.
В пекле рому не дадут —
Здесь мы выпьем море!
Юность быстро пролетит,
Заведётся простатит
И другие хвори...
И другие хвори...

В благополучии человек сам себя забывает. Но его быстро уняли — не тот нынче Галс, чтобы такие песни горланить. Затянули свою, местную, грустную, ан и та на крамолу под конец поворотила:

Над страной моей родною
Солнце всходит и заходит.
Я не знаю, что со мною,
Только что-то происходит.

Дайте волю остолопу —
В пропасть бросит он Эзопа.
Хоть похоже на Европу,
Только всё же не Европа.

Девки спорили на даче
О фасонах, не иначе —
Хоть похоже на Версаче,
Только всё же не Версаче.

Сразу станет сердцу больно,
Как подумаешь невольно:
Хоть похож возок на «Вольво»,
Только всё же он не «Вольво».

Светит месяц, но не греет,
Потому что не умеет.
Ну а если и умеет,
Так тепла для нас жалеет...

Скажешь слово в укоризну —
Превратится праздник в тризну.
Хоть похоже на Отчизну —
Только больше на Молчизну...

Последние слова пели шёпотом, потому что Морган, по слухам, был известный доносчик.

Верно сказал немецкий мудрец: «Звуки печали и тоски односложны и пронзительны»...

Вот и за столом стало печально и тоскливо. Ниром, ни джин уже не радовали юные сердца, а лишь усугубляли мрачность.

И вдруг Лука Радищев, как допрежь, на занятиях, грохнул по столу кулаком так, что пробили все склянки.

— Я знаю, что делать! И знаю, кто виноват! И знаю, какой счёт предъявим мы человечеству! Никуда наша Еруслания таким образом не придёт, не видать ей светлой гавани! Не Галсами мы движемся, а стоим на одном месте раскорякою, с ноги на ногу переминаясь! Что вчера разрешалось — нынче запрещается. Что вчера запрещалось — нынче разрешается. Так самый светлый ум за самый острый разум зайдёт. Отупеем мы, как наставники наши, от такой жизни! Что нас ждёт, кроме прозябания?

— Так, пан Лука, так! — обрадовался Яцек Тремба. — Только под крылом мудрого Кесаря обретем мы и свободу подлинную, и знание истинное! Бежать надо в Рим, к Папиной гробнице

устами приложиться, Кесарю поклониться, Внука Святого приобщиться!

— Шиш тебе! — вскричал Лука. — Чтобы Ватикан над нами взял власть, инквизицию свою учредил, словно нам своих палачей мало? Нет, не побежим мы никуда с родной земли, а уйдём в суровые тёмные леса и сделаемся там разбойниками! Только мы будем правильные разбойники, с благородными намерениями, народные мстители, угнетателей гонители, свободы Ерусланской родители!

Пьяный кто же в разбойники не готов? Не бывает таких людей. Хитрые паньчи тотчас же подхватили:

— До лясу! До лясу, панове!

— Но сперва всё допьём, чтобы обиды у Моргана не осталось! — заметил рачительный Куприян Волобуев.

И они допили всё, и повторили, и пошли в разбойники. Правда, в дверь они при этом вписывались плохо — посшибали все косяки.

ГЛАВА 5

Про разбойников написано, пишется и будет ещё написано так много, что аж противно.

Простой, честный, тихий человек никому не интересен. Как он там пашет землю, выращивает пшеницу и репу, торгует, рискуя разориться, столярничает, плотничает, ловит рыбу, отливает колокола, шьёт одежду, охотится, грибы собирает — никому нет дела.

Зато про того, кто силой забирает себе все плоды скучного повседневного труда, и песни слагают, и баллады, и былины, и эпосы. Ну и книжки, конечно, сочиняют.

Слушатель или читатель всегда мнит поставить себя на место разбойника, а не жертвы. Ему от этого вроде бы становится легче. Вроде бы на какое-то мгновение в жизни устанавливается справедливость.

Сильные мира сего тоже любят послушать, почитать про разбойников, поскольку сами же из этого сословия и выходят. Все цари-короли, графы и князья, бароны и баронеты в своё время промышляли на сём поприще. Или пращуры их.

Но настоящих молодцев с большой дороги при этом власти земные нещадно преследуют и казнят, чтобы не вздумали занять их, сильных и могучих, законно завоёванное место.

Только всё равно песни в народе слагаются не про лютого воеводу, который с великим трудом, жизнью подчас рискуя, изловил и заточил злодея, а про этого самого злодея — как сидит он в сырой темнице на ржавой цепи и тоскует, и требует: отворите, мол, мне темницу, приведите верного коня и красную девицу для полного счастья...

Может, ему ещё и адвоката в камеру?

К счастью, в Еруслании адвокатов покуда не было, зато уж разбойники водились в неописуемом количестве. Такие трудные годы-недороды случались, что в леса с топором уходила чуть не добрая половина мужского населения, и государи ерусланские изнемогали в борьбе с ними.

Чего стоил, к примеру, один Орден Поджида-

ев, нарваться на которых можно было в любом укромном месте. «Да пребудет с тобой моя сила, а со мной — твоё добро!» — так приветствовали Поджидаи ограбляемых и отбирали всё их добро. Чаще всего добром, а не силой. Никто и не пытался сопротивляться — столь страшные слухи о своих бойцовских качествах распространяли о себе Поджидаи. Они якобы могли одним движением ладони остановить любого противника и в любом количестве, бегать по стенам и потолкам, как тараканы, взлетать на верхушки деревьев и корчевать эти деревья даже мизинным пальцем. Сказочникам и песельникам Поджидаи хорошо платили за воспевание своей дурной славы.

Может, из Поджидаев и новая династия бы сложилась, повергнув Жмуриковичей, кабы не отец нынешнего государя, Финадей Колизеич. Тот не верил никому и ничему в жизни, и даже Патифона долго отказывался признать собственным сыном — мол, мало ли косых! А когда впоследствии признал всё-таки, то жестоко поплатился, но это позже.

Не поверил он и песням с легендами. Финадей воспользовался передышкой между внешними войнами и все свои войска разместил на постой по деревням и городкам. Насидевшись в чащобе голодом, Поджидаи глубокой осенью добровольно вышли из леса, поскольку у них кончились даже грибы.

Оказались они на поверку довольно-таки ладными мужичками, которые ладонями только слабенько отпихивались от воинов, а уж взлететь

на дерево и не мечтали. Они и на виселицы-то взлетали с чужой помощью.

На двойной реке Потудани-Посюдани промышлял лихой Степан Разиня. Прозвище своё он получил за то, что по пьяному делу проворонил пленную персидскую княжну, за которую рассчитывал получить неслыханный выкуп. Княжна оказалась умелой пловчихой, доплыла до берега и показала речным разбойникам, задрав юбки, свои прекрасные бёдра самым оскорбительным образом. Люди Степана, обидевшись, мало того, что нарекли своего атамана Разиней, так ещё и выдали его властям для последующего расчленения.

В степях гулял до поры Емелька Пугач. Он придумал такое оружие, которое стреляло оглушительно, но вреда никому не приносило, ибо заряжалось деревянною пробкою. Эта хитрость действовала, но до поры. Надо ли говорить, что Емельку тоже выдали свои же.

Но после смерти Финадея Колизеича, якобы поперхнувшегося рыбьей костью, лихие люди почувствовали слабинку власти. Тем более что молодой государь подался на Запад за морской наукой.

Так ведь и в Европе тоже разбойников уважали! Тем более что у них имена-то были какие звучные — Ринальдо Ринальдини, Картуш, Лаки Лючано, Голландец Шульц, Марат, Робеспьер, Лоренцо Берья! Опять же Морган либо Флинт.

Воротившийся Патифон долгое время за разбойников не брался всерьёз. Он хотел из них сделать морских пиратов, а добычу (приз по-морскому) обложить налогом. И присвоить каждому атаману шикарное иноземное прозвище. А то что за

дела — Филька Брыластый да Афонька Киластый! Как такими гордиться, перед кем хвастаться?

Он подсылал в леса своих людей с уговорами и подарками. Подарки злодеями охотно принимались, а царские посланцы возвращались в чём мать родила и докладывали, что Филька либо Афонька в море не пойдут, поскольку силу им даёт только родная земля ерусланская, что чужих и непонятных прозвищ воздвигать на себя не желают, а то люди смеяться будут и бояться перестанут (действительно, назовись ерусланец тем же Капитаном Бладом — как такое прозвище народ переосмыслит?), и что вообще всякий разбойник в тёмном лесу сам себе царь. Речные же злодеи моря попросту боялись, так как знали, сколь коварна стихия водная, а уж про санитарную книжку моряка и слушать отказывались.

Патифон Финадеич вздохнул, проклял разбойничью темноту и вернулся к отцовским заветам — правда, с меньшим успехом. Но лиходеев помаленьку всё же отлавливали и даже не казнили — отправляли копать канал до Ближайшего моря. Тёмные леса стали надёжным, хоть и скудным, источником рабочей силы.

...А новоявленные разбойники, ведомые Лукой Радищевым, шли-шли в сторону леса, покуда хмель не свалил их у опушки.

— Ну что, братцы — воротимся да повинимся отцу ректору? — спросил Куприян Волобуев, продрав глаза.

Утро было раннее, отчего лес казался особен-

но тёмным и неуютным даже по сравнению с общежитием.

— Вы как хотите, — сказал Лука, — а я возвращаться не намерен. Благородный муж два раза не решает.

— Да куда же ж нам возвращаться? — всплеснул белыми ручками Яцек Тремба. — Мы же ж по дороге до лясу такого натворили!

— Какого? — испугался Волобуев.

Панычи, перебивая друг друга, стали перечислять безобразия, учинённые начинающей шайкой с благородными намерениями в прошедшую ночь: сожгли в предместье два дома вместе с хозяевами, надругались над семьёю пожилыми богодулками, обчистили церковь (два сундука добра унесли отсюда), разоружили караул ночной стражи, написали на городских воротах дёгтем матерное слово против царя...

Лука стал мучительно припоминать совершённые в первую же ночь преступления, но припомнить никак не мог. Он точно знал, что панычи от жадности были вчера пьянее всех остальных; откуда же им помнить хотя бы тятю и маму? Да и дёгтем ни от кого не пахло...

— А де ж хабар? — спросил Грыцько Половынка.

— Так пан атаман сказал, что будет на карауле сидеть, а нам спать велел! — сказал Недослав Недашковский. — Хабар тут лежал, я, помнится, в меховой шубе уснул... Где та шуба?

— Где наше добро, братушка атаман?! — вскричали Редко Редич и Хворимир Супница.

— Даже скляночки не осталось... — жалобно

молвил арап Тиритомба. Он был почему-то не чёрный, а какой-то сероватый.

Тут Лука понял, что панычи нагло врут. Записных лжецов в Еруслании обычно осаживали доподлинными словами из Священного Писания (ох, мало, мало что помнилось). Слова были такие: «Савл, Савл, что ты гонишь?», но кто был этот самый Савл и кто упрекал его — того и самые учёные отцы-академики не ведали.

Лука этих слов говорить не стал. Ему не хотелось идти в лес одному и в одиночку же благородно разбойничать. Понятно было, что коварные панычи что-то задумали (например, сами возжелали стать атаманами), но разоблачить их всегда найдётся время. Потом, когда прочно обоснуются в дебрях, кто-нибудь сходит в город и проверит... Хотя что там проверять: будь это правда, за ними давно бы наладили погоню и взяли тёпленькими...

— Простите, братцы, уснул! — склонил он повинную голову. — А мимо шли, видно, настоящие разбойники, лишённые благородства, да ограбили нас во сне! Ужо мы найдём этих мерзавцев! Ну да не беда! Ещё наживём!

— С нашим атаманом *не приходится* тужить! — многозначительно сказал Яцек Тремба и обвёл всю компанию внезапно погрозовавшими очами.

Возражающих не нашлось.

ГЛАВА 6

На самом деле жизнь лесного разбойника не легка и неинтересна, поскольку он такой же труженик, как и те, кого он грабит.

Особенно трудна жизнь неопытного разбойника, да ещё с уклоном в благородство.

Кое-как отыскивали маленькую заброшенную лесную сторожку. Никакого дела бывшие студенты не знали, поэтому пришлось Луке самому и щели конопатить, и крышу перекрывать, и дрова рубить, и силки на рябчиков ставить, и щи варить, и в сторожке прибираться, и рванину штопать, чего никакой уважающий себя атаман делать не будет.

Самое главное — оружия не было. Так, пара ножей, топор да бурав, что от прежнего хозяина остались.

А самое страшное — что в лесу было полным-полно настоящих, матёрых разбойников, которых возглавляли настоящие атаманы. Поэтому жили тихо, печку топили только по ночам, чтобы не видно было дыма.

— Скоро лапти плести начнём, — ворчал Куприян Волобуев, глядя на прохудившийся сапог.

Но у новичков есть и своё преимущество — удача. И пришла она в тот миг, когда все уже отчаялись, а на счёту у шайки числился один-единственный грабёж — ехал в город пьяненький возница, вёз сено да несколько мешков овса. На него и напали, да так, что возница ничего и не заметил. Ни телегу, ни клячу брать себе не стали — вдруг скотина заржёт, когда не надо, и тем выдаст разбойничий стан?

Нападение произвели паньчи, и Лука сильно разгневался:

— Опозорили на всю державу! А если бы дедушка телегу навозом загрузил? Его бы тоже взяли?

Панычи пали в ноги атаману:

— Пшепрашем, пан Лука! Ностра кульпа! Ностра максима кульпа! Так мы её, кульпу ностру, икупим!

И с этими словами устремились вон из леса.

— Выдадут, — равнодушно заметил Куприян Волобуев.

— Побоятся, — сказал Лука, но с большим сомнением.

Прошёл день, другой, третий... Искупители не возвращались.

Разбойничью шайку стал долить голод. Здоровым молодым парням да каждый день лопать пустую овсянку стало тошно. И когда на поляну перед сторожкой выбежал здоровенный кабан-секач, Грыцько Половынка не выдержал:

— Сало, сало пришло! Трымай його! — заорал он и бросился на кабана с голыми руками.

Вид у Грыцька был, видно, такой свирепый, что кабан струсил и рванул назад в лесные дебри. Грыцько полетел следом.

— Выдавать побежал, — спокойно определил Волобуев.

— Побоится, — сказал атаман, но сомнения в его голосе прибавилось.

Ещё три дня продержались на голой овсянке и двух рябчиков, попавшихся в силки по большой птичьей глупости.

На четвёртый день Грыцько Половынка выбрел к разбойничьему стану и, пошатываясь, швырнул с плеч на траву тушу секача.

— Так отожд! — сказал он и упал рядом с добычей.

Кабана слопали без соли, поскольку соли взять никто не догадался. Потому и заготовить мясо наперёд, и употреблять помаленьку не удалось. От пережору долго маялись животами, все кусты запакостили.

— Нас ведь тёпленькими теперь взять могут! — сказал Куприян Волобуев.

— Однако ж не берут! — хладнокровно ответил атаман.

Только через две недели воротились Яцек Тремба и Недослав Недашковский. И не с пустыми руками.

Они привели в поводу двух отличных коней, запряжённых в телеги. Одна из телег была нагружена не осточертевшим овсом, но разнообразной деревенской пищей: свиными окороками, ковригами хлеба, бочонками с квашеной капустой, клюквой, доброй брагой. Были тут и мука, и соль, и прочие дары щедрой земли ерусланской.

Во второй телеге было кое-какое оружие: кривые басурманские сабли, несколько пистолей, крепкая одежда и прочные сапоги. Ко всему этому прилагался и тугой кошель с серебром.

Особенно обрадовался Лука Радишев оружию, именуемому «пузея» — из него полагалось стрелять всером от пуза мелкой дробью.

— Ну, теперь мы настоящая шайка! — сказал он. — Теперь не стыдно и на люди показаться! Молодцы, паны-ляхи! Я-то про вас думал, что трусы вы и подлецы, а вы богатыри настоящие!

Но панычи проявили вдруг нечеловеческую скромность.

— То не мы, — сказал, потупившись, Тремба. — То сам народ шлёт дары своим единственным заступникам, особенно атаману их, Платону Кречету, Новому Фантомасу.

— Это кто ж такой? — озадачился Лука.

— Так то ж сам пан и есть! — воскликнул Тремба. — Мы долго этот псевдоним придумывали. Так ведь страшнее, а?

Все согласились, что да, действительно страшнее.

— А мы будем — мстители из Эльзаразо! — добавили панычи.

Так закончилась жизнь, полная тягот и лишений, и началась совсем другая.

Время от времени из ближних, а то и дальних деревень стали приходить и приезжать посланцы — кто с туеском мёда, кто с крынкой сметаны, а кто и с зимними полушубками: народ сообразил, что шайка заступников обосновалась в лесу всерьёз и надолго.

Чтобы разбойники не обленились, Лука заставлял их бегать по лесу, поднимать брёвна, ворочать обросшие мхом валуны. Но никто не мог превзойти в силе и ловкости самого атамана.

Панычи от занятий отлынивали, уходили неведомо куда, но всегда возвращались с какой-никакой добычей. Всё-таки мстители из Эльзаразо!

— Вы хоть оружие возьмите! — напутствовал их Лука.

— Зброя — то бздуря, — отвечали панычи. — Пропагация — ото истинна зброя!

Опыта в разбойном деле у Луки не было. Он думал, что так и полагается: должен ведь и сам народ о своих благодетелях заботиться!

От такой беззаботной жизни атаман и не вспоминал о других шайках, старых и опытных.

Но они сами напомнили о себе.

В один ясный осенний день к сторожке вышли с разных сторон два здоровенных мужика. Подкрались они так тихо, что назначенные в боевой дозор Хворимир Супница и Редко Редич даже прокуковать условным куком не успели.

— Где атаман? Где ваш Платон Кречет — Новый Фантомас?

— Я буду, — гордо сказал Радищев и взялся за рукоять сабли. — Теперь вы назовите себя.

— Филька Брыластый, — сказал мужик с большими брыльями.

— Афонька Киластый, — сказал другой. Никакой килы под штанами, понятное дело, видно не было, но ведь зря такое прозвище тоже не дадут!

— Чего явились? — неприветливо сказал Радищев.

— А того, — ответил Брыластый. — Договариваться пришли.

— Чтобы мы с вами добычей делились? — догадался было Лука.

— Нет, чтобы *мы* с вами добычей делились! — воскликнул Киластый.

— Просто так? — не поверил Лука.

— Отчего же просто так, — с достоинством отвечал Брыластый. — Мы вам часть хабару, а вы взамен нашу славу и все набегии на себя берёте!

Лука глубоко задумался. Сделка выглядела слишком уж странной.

— И думать нечего! — загалдели панычи. — Обычная сделка. За ними хабар — за нами все возможные риски.

— Разве слово «риск» имеет множественное число? — усомнился Лука.

— В деловом мире ещё как имеет! — уверил его Тремба. — Человек один, а рисков у него ой как много!

— Соглашайся, соглашайся! — поддержали панычей остальные разбойники. — Разве худо, сидя на печке, богатеть?

— А кто же тогда за угнетённых будет мстить? — грозно сказал атаман.

— А мы и будем, — ответил Брыластый. — Мало ли мы помещиков на вилы подняли, мало ли усадеб спалили? И везде на пепелище оставляли перо вольного кречета, то есть памятку твою...

— Но у нас ещё ведь и договора не было... — растерянно сказал Лука.

— Заключим задним числом, — прохрипел Киластый. — Ты лучше не упирайся, а то на вас из кустов окрестных три десятка стволов нацелено...

И верно, в кустах кто-то начал неистово ругаться — вяпался, видно, в следы желудочной болезни.

ГЛАВА 7

По условиям договора обязанностей у студентов-разбойников было немного: иногда помаячить на перекрёстке, дожидаться бедного путника и дать

ему мелкую монетку на обзаведение, сочинять и петь по ночам разбойничьи песни, слова же их распространять в народе.

— То есть пропаганда! — твердили панычи.

Пропаганда так пропаганда. Школяры-разбойники парами выходили время от времени на ближайший тракт и нехотя одаряли медяками беднейших прохожих и проезжих. От богатых возков и карет с конвоем благоразумно прятались за деревьями.

В одном месте над дорогой возвышался могучий утёс. Это было место для атамана. На восходе или на закате Лука Радищев взбирался по старому, крошащемуся камню на вершину и стоял там, завернувшись в плащ и нахлобучив на нос широкополую шляпу. Шляпу где-то достали панычи. При утренней или вечерней заре это впечатляло. Луке полагалось ещё временами раздражаться дьявольским хохотом.

— Смотрите, господа! — говорил обычно кто-нибудь из проезжающих своим спутникам. — Вон стоит наш знаменитый Платон Кречет — Новый Фантомас!

— Не ограбил бы он нас! — тревожился кто-нибудь из спутников.

— Нет, не ограбит, — уверенно заявлял бывалый. — Сейчас у него как раз Мёртвый Час — о вечном размышляет. Он же не просто разбойник, а благородный мститель.

— Вот он нам и отомстит...

— Не отомстит! Это у него вроде молитвы...

— Ну и слава Тому, Кто Всегда Думает О Нас!

А в это же время на этой же дороге люди

Фильки либо Афоньки кого-нибудь непременно грабили.

Арапский поэт по ночам сочинял разбойничьи песни. Товарищи на него сердились за то, что он понапрасну переводит свечи, да и до пожара недолго.

Тиритомба отговаривался тем, что вдохновение («этакая дрянь», по его словам) находит на него исключительно в тёмное время суток, и марасть бумагу он умеет лишь под треск свечи.

— А воску пчёлы нам ещё наделают! — утешал он собратьев. — Вы лучше послушайте, какая прелесть получилась:

Пасть ему мы на портянки
В назидание порвём
И «Прощание славянки»
На прощание споём!

— Кому порвём-то?

— Ах, я ещё и сам не знаю! — отмахивался поэт. — Часто бывает так, что вирша складывается с конца, а уж он определяет начало...

— Всё-то у тебя складывается с конца... — ворчали разбойники и засыпали беспокойным сном.

Поэт облегчённо вздыхал и возвращался к переложению басни «Енот и Блудница»:

Блудница как-то раз увидела Енота
И вдруг припала ей охота...

— Нет, не так! — сердился Тиритомба сам на себя и начинал переделывать:

Енота как-то раз увидела Блудница
И ну над ним глумиться:
«Ах, миленькой Енот!
Коль ты не идиот,

Изволь сейчас со мной соединиться...»

«И, матушка, задумала пустое, —

Енот разумной отвечал, —

Ведь Человек — начало всех начал,

Как Протагор когда-то отмечал,

А я — животное простое.

Себя забавами амурными не лыщу,

Но пищу всегда в ручье я полощу.

Ты ж — впрочем, это между нами, —

И за столом сидишь с немытыми руками.

Хоть я и полоскун,

Зато не потаскун!

И то сказать: коль ты Блудница,

Изволь-ка на себя, кума, оборотиться!»

Рыдаючи, ушла Блудница посрамленная...

О, если б так исправиться могла и вся Вселенна!

После этого вдохновенный арап утирал со лба пот и шумно отдувался, осознавая всю глубину и значение своего дара.

Но подобные вирши вряд ли могли способствовать разбойничьей славе: вдруг люди заподозрят лесных братьев в благонравии? Нет, песни нужны либо боевые и кровожадные, либо печальные — в зависимости от того, гуляет ли разбойник на вольной воле или сидит в узилище.

— Сделаем! — пообещал поэт. — Вот к примеру:

Есть в природе утёс.

Он зарос, как барбос, .

Диким мохом и горькой полынью

И стоит сотни лет,

Словно грозный скелет

Меж землёй и небесною синью.

На вершине его

Нет совсем ничего,

Только ветер, как бешеный, воеет...

Да лишь чёрный козёл

Там притон свой завёл

И на нём своих козочек кроет.

Лишь однажды один
Удалой крокодил
До вершины добаться пытался,
Но козёл зорко бдил:
На рога подцепил
И жестоко над ним надругался!

Крокодиловый стон
Услыхал наш Платон,
И житьё ему стало не мило.
Он надел свой камзол:
«Ты ответишь, козёл,
За скупую слезу крокодила!»

Трое суток в пургу,
По колено в снегу,
Поднимался герой по верёвке...
И не ведал козёл,
Что отважный провёл
На скале три холодных ночёвки!

Только в тот самый миг,
Как вершины достиг,
В атамане вся кровь закипела:
«Ты, козёл вороной,
Извини, дорогой,
Что погиб не за правое дело!»

...И доньне стоит
Тот утёс и хранит
Все подробности смертного боя...
Да и мы тут, внизу,
Крокодилью слезу
Вспоминаем, товарищ, с тобою...

Разбойники выслушали эту вдохновенную импровизацию с большим сомнением.

— Так и непонятно, чья в конце победа вышла, — сказал Куприян Волобуев. — И крокодилу в наших краях вроде бы неоткуда взяться...

— Это потому, что вы не знаете законов пиитики! — горячился Тиритомба. — Непременно должна быть некая недоговоренность, незаконченность... А крокодил — это же символ!

— Народ не поймёт!

Арап вздохнул и принялся грызть перо. Гусиные перья для него разыскивали по всему лесу товарищи: всё равно делать им было нечего.

Снова накатывало вдохновение на маленького арапа:

Живёт моя красотка
В высоком терему,
А на окне решётка —
Похоже на тюрьму.

Я знаю, у отрады
Есть грозный часовой.
Но не надейтесь, гады,
Не будет он живой!

— Вот это по-нашему, по-разбойничьи!

Тиритомба продолжал, сверкая белками глаз:

Сразу я часового
И брошусь в ноги к ней,
И вымолвлю два слова
Я о любви моей!

Красотка же на это
Заявит, что я груб,
И не дождусь ответа
Её горячих губ...

— Это почему же? — насторожились злодеи.

— А вот почему:

Скажу я: «Ну и что же?»
Слезинки не пролью.
Пойду в хмельном загуле
Топить любовь свою...

— Что-то не больно складно, — сказал Волобуев.

— Профан! Тут ложная рифма! Не может ведь герой по-матерну выражаться! Слушайте дальше:

И там, в утаре пьяном,
Воскликну: «Наплевать!
Ребята, на фи́га нам
Народ освобождать?

Народ, как та красotka,
Отвергнет молодца:
Ему нужна решётка
И сторож у крыльца!

Школяры-разбойники глубоко задумались.

— Пан поэт, — осторожно сказал наконец Яцек Тремба, — да ведь с такими песнями мы всю нашу пропагандию псу под хвост пустим...

— Точно! — подтвердили сообщники.

Тиритомба обиделся, перекусил перо пополам, дунул на свечку и пошёл к себе в досадный угол, чтобы заспать обиду на духовитом полушубке.

Атаману же Платону Кречету настало время подниматься: уже светало, и надо было идти на утёс, чтобы держать там романтическую вахту. Пузёю он захватил с собой: вдруг да придётся пальнуть для остратки?

ГЛАВА 8

...Вернулся Лука только ко второму завтраку. Шайка лакомилась оладьями с мёдом и слушала разглагольствования Трембы.

Тот, ни много ни мало, излагал внаглую основы ватиканской веры:

— ...и вот после трудов праведных по созданию Вселенной прилёг Папа на лавку, дабы отдохнуть. И подкрался к нему Враг рода человеческого на белоснежных крыльях и накапал в ухо

спящему Креатору своего ядовитого семени, дабы погубить. Но не дремал Внук Святой, налетел на Врага, сел ему на голову вольным орлом и поместил Нечистого, и бежал Дьявол, смердя во мраке...

— Откуда же Внуку взяться, коли Сына ещё не было? — встревожился Волобуев.

— Высшие Существа потому и Высшие, что презируют причинно-следственные связи, — мягко, как дурачку, объяснил Тремба. — Пробудился Папа Александр от нестерпимой боли и горько возрыдал. Но внук Святой утешил его, и тогда родил Папа на защиту себе сына и назвал его Чезаре, то есть Цезарь, а по-вашему — Кесарь. И поклялся тот Кесарь отомстить люто обидчику Отца своего и пособникам его...

Лука стоял за углом сторожки и терпеливо слушал ватиканскую ересь.

— А пособников тех было много: и Орсини, и Сфорца, и Медичи, и Феррари, и Ламборджини, и Фиат убогий, и Альфа-Ромео, и Бета-Джультета, и бессчётные кардиналы. Действовать пришлось и клинком, и ядом — били врага его собственным оружием и на его же территории. Но не дремал и нечистый: перепутал однажды во время дружеской встречи с кардиналом Адриано де Корнето бутылки, и отравленное вино оказалось в бокалах Папы и Сына...

Разбойники на этом месте приужахнулись, то есть в ужасе ахнули.

— Папа Александр от яду весь распух, а Кесарь потерял сознание. Изменники-кардиналы кое-как затолкали Папу в каменную гробницу, но и там продолжал он истекать ядовитым гноем. Чудесное

свойство имела сия жидкость: праведник, поцеловав край гробницы, оставался невредим, тогда как пособник Врага умирал в страшных судорогах...

Тут разбойники даже на туесок с мёдом стали поглядывать подозрительно.

— Но не растерялся Кесарь: погрузил он своё божественное тело в ванну с ледяной водой, и ничего ему не сделалось, только слезла с него вся кожа...

— Как со змеи, — подсказал Редко Редич.

— Верно. Змея же есть символ высшей мудрости. Но не кончились на том испытания Сына-Кесаря: увидавши Папу в гробу, бывшие союзники предали прекрасноликого Чезаре, отняли у него обманом все города и герцогства, наступила година лихая, и вынужден был божественный Сын стать простым кондотьером...

— Совсем как мы, — вздохнул Недослав Недашковский.

— Так, панове, совсем как мы, — продолжал Тремба. — Во искупление чужих грехов пошёл наш Кесарь на службу к королю Наварры — было такое мелкое королевство между Испанией и Францией. Повинуясь приказам жалкого вождя, отряд Кесаря побивал французов повсюду, но...

— Но вражина не спав, а тилькы очи заплющив! — догадался Грыцько Половынка.

— Так, пане Грыцю, верное твоё слово. Ой, не спал вражина, всё думал, как погубить Кесаря. И вот однажды, во время битвы, длившейся уже около трёх часов, Чезаре захотел сам решить исход сражения и вместе с сотней латников налетел на кавалерийский отряд, составлявший главную

силу его противника. К его удивлению, отряд не выдержал первой же атаки и обратился в бегство, направляясь к небольшому леску, где, по всей видимости, хотел найти спасение. Чезаре бросился в погоню, но, оказавшись на опушке, кавалерийский отряд неожиданно развернулся к нему лицом, а из леса выскочило человек четыреста лучников; соратники Чезаре, увидев, что попали в засаду, кинулись наутёк, трусливо бросив своего предводителя.

— Вот козлы! — вознегодовали разбойники. — Да разве бы мы когда оставили своего атамана?!

— ...Через некоторое время его лошадь, изрешечённая арбалетными стрелами, упала и придавила Чезаре ногу. Враги тут же набросились на него...

— И вбылы? — с ужасом спросил Грыцько.

— Все так думали, — сказал Тремба. — Но был у Кесаря верный слуга и клевет, доблестный испанец дон Мигель Коррельо, прозванный итальянцами за праведную жизнь Микелотто. То был подлинный рыцарь клинка и пинка! Не одного противника отправил он в пекло во имя своего господина. Уверенный, что, несмотря на смелость хозяина, с ним случилась беда, Микелотто решил в последний раз доказать свою преданность и не оставлять тело Чезаре на съедение волкам и хищным птицам. Поскольку стало уже совсем темно, он велел зажечь факелы и в сопровождении десятка солдат отправился к лесу на поиски. Каково же было удивление верного Микелотто, когда он обнаружил своего господина не только целым и невредимым, но и окружённым неким потусторон-

ним алым сиянием. Вокруг валялись сотни убитых лучников проклятого французского капитана Бомона во главе со своим предводителем. Было это возле Папой забытой деревушки под названием Виана десятого марта, и день этот с тех пор считается праздничным, как и Первое мая — день рождения божественного Кесаря...

— Вот молодец! Нам бы так!

— И вам, панове банда, будет так, коли примете ватиканскую веру и бычьей головой храмы свои увенчаете... С тех пор дела Кесаря пошли на поправку: незримо хранимый и безмолвно благословляемый лежащим в гробу Папой и парящим в ночи Внуком Святым, он не только вернул отнятые недругами земли, но и покорил всю Италию, всю неверную Францию, а испанский король добровольно признал себя его слугой. Потом пришёл черёд Германских земель и далее на Восток... С тех самых пор и пошла гулять в простом народе поговорка: «Aut Caesar, aut nihil»...

— Погоди, паныч, — с этими словами Лука вышел на поляну. — Ежели твой Кесарь такой победоносный, отчего же ерусланцы всегда лупят его кондотьеров в хвост и в гриву?

— Пан атаман! — вскочил Тремба. — Честь Платону Кречету, честь Новому Фантомасу!

— Слава! Слава! Слава! — тоже вскочили и дружно рывкнули разбойники.

— Атаман спросил, — напомнил Лука.

— Отчего? — Яцек Тремба растерялся, но ненадолго. — Да оттого, что вы воюете неправильно! Где же это видано, чтобы вместе с витязями шли мужики, вооружённые лишь вилами и косами да,

простите, дубинами? Это не война, а нонсенс какой-то... Кондотьеры привыкли к тому, что мужичье при виде их разбегается в страхе за своё ничтожное существование...

— Тем не менее, — сказал Радишев. — И вообще, чему ты моих бойцов учишь, покуда атаман на утёсе себя народу демонстрирует? К чему ты клонишь? Вера у нас своя — пусть покуда несовершенная, зато искренняя. Но ни Кесарю, ни Папе его смердящему, ни Внуку незримому мы не кланяемся... Или забыли наш уговор, панычи? Так я напомню!

С этими словами он схватил Яцека Трембу и Недослава Недашковского за ворота и потащил в избушку. В углу спал поэт, измученный ночным стихосложением.

Будить его Лука пожалел. Панычей же он швырнул в другой угол и навис над ними самым угрожающим образом, как подлинный кречет над жалкими мышами.

— Так вот какую вы «пропагандию» ведёте? Вот к чему клоните? К государственной измене? Что-бы мы, верные ерусланцы, да к Ватикану поганому...

— погоди, пан атаман, — ухмыльнулся Недослав Недашковский. — Лучше подумай, кем бы ты был без нашей пропаганды? Штаны бы протирал в Академии?

— Так, — подхватил Тремба. — Думаешь, Филька, Афонька и прочие к тебе по своей воле пришли? Это мы их на резон наставили. А деньги, думаешь, откуда берутся? А мужикам кто платит за приношения, а оружие откуда? Из Ватикана, от божественного Кесаря всё идёт. Ждёт он, ждёт,

покуда народ вокруг тебя объединится. Тогда и ударим на Солнцедар с двух сторон, и сбросим с трона тирана, и тебя туда посадим как наместника и десницу Кесаря...

— И то если народ примет, — буркнул Недашковский.

— Как же не примет? — возмутился Лука. — Я ли народу добра не желаю, я ли его не стремлюсь освободить от помещичьего гнёта? Я ли не Платон Кречет — Новый Фантомас?

— Вот ты какой Фантомас! — крикнул Тремба и достал из-за пазухи какой-то листок. — Дывысь, атаман, каков ты герой!

На листке большими буквами было тиснуто: «Их разыскивает царская стража». Под надписью искусно пропечатан яркий цветастый рисунок, изображавший отвратительное чудовище — имевшее, впрочем, явное сходство с атаманом. Глаза чудовища были выпучены, в одной руке оно держало пузю, из которой летела в народ крупная картечь, в другой — окровавленную саблю, на конец клинка её надета была девичья голова с полными ужаса глазами. Из оскаленного рта монстра торчали застрявшие между клыков ручки и ножки — не иначе, детские.

Ниже мелкими буквами перечислялись все преступления шайки во главе с атаманом: незаконные казни, грабежи, поджоги, насилия, сношения с Ватиканом и басурманами, работоторговля и, наконец, кошунства в виде ограбления церквей: кража яшмового чудила на бронзовой цепочке, серебряной гумозницы с мощами святой Мав-

родии и золотого шитья перетрахили. За голову чудовища назначена была солидная награда.

Лука и слов таких не слышал, и святой такой не ведал, и что так дорого стоит, не знал.

— Сладко кушал, пан атаман, мягко спал? Пора пришла платить! — с этими словами панычи поднялись и протянули свои лапки к Радишеву.

— Весь ты теперь в наших руках, со всеми потрохами! И шайка твоя давно с нами согласна — никому не охота на плаху идти за чужие злодеяния! А вот достойные паны Филимон и Афанасий зато прослыли подлинными народными заступниками, теперь с ними дело делать будем! Под знаменем Быка!

От шума арап Тиритомба давно проснулся и теперь с ужасом глядел то на панычей, то на Луку.

— Измена! — шёпотом вскричал он, и пораженный Лука пришёл в себя.

— Ну, пока-то вы, мерзавцы, в моих руках! — сказал он и подтвердил слова делом.

Выволок панычей на крыльцо, как следует стукнул головами и швырнул в кусты — пусть полежат до законной народной расправы. Потом обвёл взглядом и Куприяна Волобуева, и Грыцька Половынку, и Редко Редича с Хворимиром Супницею, и мелочь пузатую, и прочих безымянных и бессловесных разбойников — набиралось их изрядно.

— Судить будем изменников! — воскликнул он и пустил в конце петуха, отчего восклицание получилось неубедительным.

— Отчасти они правы, — буркнул Куприян Волобуев. — Дороги-то у нас другой нету...

— Нема иншей дорози, — вздохнул Грыцько.

— Эх, братушки, братушки... — развели руками Редко Редич и Хворимир Супница.

Остальные благородные разбойники глухо и неразборчиво роптали. Несмотря на неразборчивость, произношение было явно матерное.

— Зато как мне здесь писалось! — мечтательно сказал Тиритомба. — Вот это была осень! Она войдёт в историю словесности...

Только сейчас Лука понял, что и сам попал в историю. Вернее, влип. И отвечать за весь разбой заочный придётся ему.

— Вязать его... — неуверенно пискнул кто-то из мелочи пузатой.

Лука метнулся в сторожку и выскочил оттуда с пузеей.

— Стоять, — скомандовал он. — Не то всех положу.

Уйти следовало красиво.

— Я сам отдамся в руки правосудия, — сказал он. — Я не сомневаюсь, рано или поздно правосудие настигнет меня, если так угодно провидению. Я желаю добровольно умереть во имя правды. Вы разбогатели под моим начальством и можете провести остальную жизнь в трудах и изобилии. Но вы все мошенники и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло.

Потом подумал и добавил:

— По дороге сюда я, помнится, разговорился с бедняком. Он работает подёнщиком и кормит одиннадцать ртов... Тысяча золотых обещана тому, кто живым доставит знаменитого разбойника. Что ж, бедному человеку они пригодятся!

С этими словами он сошёл с крыльца и двинулся в сторону тропинки. Его злодеи почтительно расступались перед своим атаманом.

Мельком Лука взглянул на кусты.

Никаких панычей там уже не было, только вонь осталась.

ГЛАВА 9

Драгоценную свою пузею Лука хряпнул об ствол могучего дуба, а для верности ещё и перегнул ствол пополам.

Сдаваться же шёл — не воевать.

Лес вокруг стоял совершенно загадочный. Лес — он всегда стоит загадочный, потому что мало ли кто может прятаться за деревьями. А стояли деревья так густо, что даже при облетевших листьях ничего впереди нельзя было разглядеть. Только тропинка вилась под ногами, и вела она, должно полагать, к людям — точнее, к убогой хижине бедного подёнщика, обременённого одиннадцатью детьми.

Птицы отпели своё — лишь в небесах иногда кричали припоздавшие журавли, выражая тоску свою перед расставанием с родной землею.

Лука же, напротив, расставаться с родной землею никак не собирался, наоборот — полагал в неё лечь по приговору царского суда.

«Плохо, что от народа мы слишком далеко забрались в лесную сторожку, — думал он. — Но дело наше, чаю, не пропало даром. И никакой я не Кречет, а так, птенец. Настоящий-то Кречет

ещё летает, а уж когда падёт вниз, исполненный праведного гнева, то ярмо деспотизма, ограждённого копьями стражи, разлетится в прах! Тогда и обо мне кто-нибудь да вспомнит и прольёт не-прошеную слезу. Хорошо бы это была пригожая девица...»

И не успел он подумать про девицу, как где-то впереди раздался истошный девичий визг.

«Ладно, сдать-ся всегда успею, а пока совершу первый подвиг, он же и последний», — решил Лука и устремился на тревожный зов.

Зов действительно исходил от пригожей девицы. Девица стояла возле мостика через лесной ручей. На плечах у неё было коромысло, на коромысле болтались вёдра — не деревянные кадушки, а дорогие вёдра из тонкой жести. Ловко работая плечами, красавица отмахивалась от невеликого мужичка в иноземном камзоле и шляпе с пером. В одной руке нападавший держал клинок, в другой — длинный кинжал-дагу. Так в Риме обычно вооружались наёмные убийцы.

Но, судя по всему, убивать девушку мужичок не собирался — во всяком случае, не сразу.

— Белиссима синьорита! — восклицал он. — Прего, мадонна! Вир махен аморе!

— Кто смеет в моём лесу обижать сироту? — сильнее грома крикнул Лука. Девушка, возможно, сиротою и не была, но так выходило грознее.

Крикнуть-то он крикнул, да потом пожалел, что рано загубил пузею. Придётся теперь выламывать дрын...

Мужичок повернулся к прославленному атаману и ослабил-ся. Зубы у него были кривые и

жёлтые, чёрные усы стояли торчком, из-под шляпы свисали давно не мытые чёрные же патлы. На кожаном камзоле злодея располагались разные метательные ножи — целый арсенал. Не успеешь и дрын выломать...

— А кто сметь делать препоны другу Великого Кесаря? — спросил наёмник.

— Платон Кречет — Новый Фантомас! — гордо воскликнул Радищев и взмахнул полами плаща, чтобы больше походить на хищную птицу.

— О-о, синьор атамано! Наш союзник! Для чего же вы сразу не сказать? Синьориты хватит для нас обоих, и я уступать вам как хозяин этой сельва оскурра...

— Ага! Ещё я с еретиком девок не делил! — возмутился Лука.

Но делить было уже некого: ушлая сирота перебежала через мостик и скрылась в зарослях.

Злодей досадливо крикнул, но скоро утешился: видно, встреча с Лукою была для него важнее всякого насильного аморе.

— Не-ет, это вы пока что схизматик, синьор атамано, — сказал он. — Вообще-то я идти к вас. Нужно кое-что обсуждать...

— Да кто ты такой, чтобы я с тобой обсуждал?

Неудачливый насильник приподнял шляпу, но кланяться не стал.

— Перед вами, синьор Фантомасо Нуэво, слуга, телохранитель и друг великого Сесара де Борха — дон Мигель Коррельо. Для вас — просто Микелотто. Надеюсь, мы сделаемся друзьями.

— Тот самый Микелотто? — изумился Лука. — Какая же дьявольская сила занесла вас в наши

лесные трущобы? Или в Риме не нашлось применения вашему ремеслу?

— Меня занесло повеление моего патроне. Мы должны оговорить здешний пронунсиаменто, я разумею — свергать порко Патифон...

С этими словами рыцарь клинка и пинка Микелотто убрал шпагу в ножны, а кинжал в рукав.

«Послушаю его для начала, — решил Радищев. — Может, послужу ещё перед смертью любезному отечеству...»

— Да, совсем забывать, — сказал посланник Кесаря. — Я на всякого случая спрашиваю у всех...

С этими словами он полез за пазуху, вытащил потрёпанный свиток и развернул его.

На свитке свинцовым стержнем был выполнен портрет благородного старца с высоким лбом и седой бородой. Старец глядел необыкновенно мудро и печально, но был это совсем не Папа.

— Я разыскую этого человека, — сказал Микелотто. — Это преступник, бежалый от гнева Цезаря. Имя ему — Джанфранко да Чертальядо. Известно, что он бежалый сюда, в Тартария Гранде. Вы его видель, синьор атамано?

Лука покачал головой.

— В этой части леса, синьор Микелотто, вы скорее встретите Ваську Сундеева либо Фешку Кобелева, нежели человека по имени Джанфранко, — сказал он. — Да если бы даже я его и видел, то всё равно не сказал бы — настоящие разбойники друг друга не выдают...

— О, вы джентильомо веро, синьор, — похвалил Радищева пришлый злодей. — Но Джанфран-

ко не бандито. Он малефико, злобный колдун. Он обманул моего патроне и потому должен...

— Говорю же — не видел...

— Бене. Не видель — эрго не видель. Теперь вести меня к ваша банда, я буду сказать ему слово великого Цезаря...

— Нету никакой банды, — развёл руками Лука. — Я их распустил.

— Для зачем распустил? — вскинулся Микелотто.

— Потому что дурные люди сумели обмануть нас и воспользовались нашим именем для обычного грабежа и разбоя... А всё эти панычи с ихней пропагацией!

— Вы иметь в виду папских легатов?

— Их самых. Я их в кусты забросил. Может, ещё живые... А сам вот иду с повинной головой в столицу... Повинную голову, говорят, меч не сечёт...

Чёрные глаза Микелотто повылазили из орбит — или от удивления, или от гнева.

— Ну, синьор Локо...

— Вообще-то я Лука, — поправил Лука.

— Нон, вы именно локо — идиот, безумец, мальчишка! Вы сорвали все наши планы и теперь жестоко за это поплатитесь!

Лука запоздало искал глазами подходящий дрын. Но лес в этом месте уже совсем подходил к людскому жилью, и всё, что не росло, а валялось, давно пошло на растопку.

— Меч не сечь — иль спада проколет! — прошипел Микелотто, обнажая оба клинка.

Лука поспешно обмотал полу плаща вокруг ле-

вой руки — он слышал, что так можно защититься от кинжала. А от шпаги чем?

«О Тот, Кто Всегда Думает О Нас, подумай получше!» — взмолился про себя Лука.

И снова, как на лекции, молитва помогла.

На голову наёмного убийцы, как с небес, опустилось жестяное ведро и окатило слугу Кесаря ледяной водой.

Человек, внезапно ослеплённый и намоченный, обычно впадает на какое-то время в растерянность. Исключений до сих пор не было.

Какого-то времени Луке как раз хватило, чтобы выломить из рук Микелотто оба клинка, после чего он принялся могучими ударами кулаков обминать жесть вокруг головы своего противника. Жесть была мягкая, и у дона Мигеля Коррельо сделалась как бы железная голова, которой он ничего не видел, не слышал и не мог даже закричать — вмятая ручищей Луки жесть послужила кляпом. Да и кричать злодею пришлось бы недолго, потому что последний удар пришёлся на дно ведра и на макушку негодяя.

Железноголовый повалился в жёлтые листья. И только тогда Лука узрел своего спасителя.

Спаситель оказался спасительницей. Вырученная атаманом из беды девушка не убежала, сломя голову. Она выглядела совершенно хладнокровной.

— Ведро жалко, — сказала девушка. — Уж как я их от батюшки берегла. Надо было коромыслом его оглоушить, да чёрт его знает — вдруг у него под шляпой железный шлем?

Одета она была в простое домотканое платье, лицо имела прекрасное, но очень суровое.

— Кто ты, небесное создание? — с дрожью в голосе спросил Лука. — Уж не плод ли моих тайных юношеских грез?

— Если бы я была плодом твоих тайных юношеских грез, — отвечала суровая девушка, — то звали бы меня не иначе как Дунькой Кулаковой. А так я Аннушка Амелькина.

— Спасибо тебе, красавица, — и Лука отвесил ей полновесный земной поклон. — И не бойся меня, Аннушка, я — Платон Кречет, Новый Фантомас.

— Не благодари, убивец, — сказала Аннушка Амелькина. — Только потому я тебя выручила, что ты меня от этого зверя уберёг. Но ты ведь и сам зверь, каких поискать! Так возвращайся в свою берлогу, зверь, продолжай грабить и убивать добрых поселян, влачи свою жалкую жизнь в крови и разврате! Кречет нашёлся! Стервятник ты, ворон пакостный! Прочь с глаз моих, не боюсь я тебя!

— Навет! — страшным голосом вскричал Лука и закрылся от срама полой плаща. — Никого мы не убивали, не грабили! Это Филька с Афонькой!

— Стыдно, баринок, на простых мужиков свою кровь стряхивать! Вся Еруслания знает, кто ты таков есть!

— Это панычи-предатели свою пропагандию вели... — всё ещё пытался оправдаться несчастный, но уже насмерть влюблённый Лука.

— А вольно ж тебе было с кем попало связываться! — свирепела красавица. — Ещё и оправ-

дываешься, срамник! Сколько ты душ загубил, девок обездолил!

— Никого я не губил, — горячо сказал Лука. — Даже этот гад, кажется, ещё шевелится...

— Не подходи! — Аннушка замахнулась коромыслом, сама приблизилась к поверженному Микелотто, ловко сломала, наступив ногой в маленьком пёстром лапте, оба клинка. Потом вытащила из петель на камзоле все метательные ножи и высыпала в уцелевшее ведро.

Атаман Платон Кречет, Новый Фантомас, не смел к ней шагу ступить.

— Ты ещё здесь? — возмутилась Аннушка.

— Я ведь сдаваться шёл... — пробормотал Лука.

— Кому сдаваться? — не поверила красавица.

— А этому... Бедному подёнщику, у которого одиннадцать детей. За меня ведь большая награда назначена, деньги ему не лишние будут...

Аннушка рассвирепела ещё сильнее, хотя, казалось, свирепеть было уже некуда.

— Бедный подёнщик, — наконец вымолвила она, — это мой батюшка. Подёнщиком его кличут потому, что пьёт каждый день, и бедные мы по той же самой причине. Батюшка, конечно, в доме всё уже пропил. А вот только совести он не пропивал! И ты, змей подколодный, полагал, что мы тебя царской страже выдадим? Мы, Амелькины? Ах ты, титька тараканья!

С этими непригожими для девицы словами она таки схватила коромысло и принялась охаживать им несчастного Луку. Ответить ей атаман,

конечно, не мог, поэтому он со злости изо всей силы пнул железноголового Микелотто, который надумал было подняться.

— Ах, так ты ещё и лежачих бьешь? — заорала Аннушка и погнала Нового Фантомаса коромыслом по тропинке.

Лука бежал и всё пытался увернуться от неотвратимых ударов.

— Чести нашей никому не дадим! — кричала Аннушка. — Мы царю-извергу не пособники! Пусть тебя народ судит!

Лука быстро понял, что народный суд будет гораздо суровей и уж, конечно, намного скорее царского.

Он бежал и бежал, не разбирая дороги, а безжалостное коромысло всё ходило да ходило по его спине.

Так они летели по лесу, покуда не упёрлись в убогую хижину бедного подёнщика.

Подёнщик стоял в дверях и почти не шатался.

А рядом стояли десятка два царских стражников, облачённых в синие форменные кафтаны.

Перед стражниками бегали туда-сюда панычи, непонятным образом опередившие Луку на пути к искуплению.

— Вот он! Вот он! — радостно вскричали панычи. — Една тыщонца злотых с пана царя!

Командир стражников поглядел на запыхавшегося Луку, на растрёпанную Аннушку, на её коромысло, на ведро с ножами...

— Взять всех, — приказал он. — Там разберутся.

ГЛАВА 10

«Душа моя Радищев!

Пользуюсь случаем передать тебе весточку во мрачное твоё узилище с верным человеком, потому что люблю тебя — и ненавижу деспотизм. Мне хочется, душа моя, написать тебе целый роман — последние месяцы моей жизни.

Негодяи-панычи стали едва ли не национальными нашими героями: согласно государеву указу, они, переодевшись простыми мужиками, завели наше многотысячное (sik!) войско, двигавшееся с предательскими целями к Солнцедару, прямо в засаду. Большинство из нас якобы перебили; если бы так!

Участь товарищей наших ужасна: государь приказал всех их отправить на строительство канала, и там, в грязи и холоде, наверняка они скоро закончат своё земное бытие. Меня же милостивый Патифон Финадеич вознамерился отправить за Рифейские горы в тёмные и холодные леса, оживляемые лишь рычанием хищников и предсмертными воплями их жертв. Но Тот, Кто Всегда Думает О Нас, заставил деспота припомнить, что я — его единственный за всю жизнь карточный выигрыш. Кроме того, проигравший меня шкипер сказал ему: «Берегите этого парнишку, герр Патифон, ибо он — ваше всё». Царю, видимо, стало жалко потерять наше всё, поэтому он приказал посадить меня в возок с двумя стражами по бокам и отправить по Кольцевой дороге вокруг столицы. Так и кружу я, словно ребяческая юла, от почтовой станции Анучкино до почтовой станции Ки-

слое, переменяя лошадей. Скука смертная! На каждой станции выбрасываю из коляски пустую бутылку и таким образом имею от скуки какое-нибудь занятие.

Замкнутое путешествие моё лишь недавно оживилось забавным и вместе трагическим происшествием. Инвалид, ведающий шлагбаумом у станции Кислое, оказался непроворен и не успел вовремя поднять сие полосатое бревно, тогда как наша удалая кибитка неслась вскачь, ибо запасами вина, возобновляемыми на каждой остановке, я щедро делился не только со стражами своими, но и с ямщиком. Мало того, что пришлось сменить погибших лошадей и ямщика: шлагбаум снёс головы и стражам моим, и я впервые в жизни благословил свой невеликий рост.

Бежать я не решился: трудно скрыться арапу в стране белых людей. Покуда не прислали новую кибитку и новую стражу, я через прекрасную дочь станционного смотрителя решил передать тебе сие послание. Быть может, оно хоть на миг скрасит твоё заточение! Не печалуйся, милый Лука! Что тут страшного? Люди — сиречь дрянь. Плюнь на них, да и квит. Но крепко надеюсь на милость царскую к тебе — да и к себе.

Вдохновение же моё пиитическое не оставляет меня и в скорбном круговом пути, причём под воздействием некой славной настойки оно стало жить своей жизнью, не подчиняясь моему рассудку. Строки, выходящие из-под пера моего, столь неожиданны для меня самого, что даже курчавая шевелюра моя распрямляется и встаёт дыбом. Суди сам:

Ночь. Улица. Фонарь под глазом.
 Куда как чудно создан свет!
 Уже заходит ум за разум,
 Хоть с виду кажется, что нет.

Живи ещё сто лет иль двести,
 Будь ты холоп иль государь,
 Но всякий раз на том же месте
 Ночь. Улица. Кулак. Фонарь.

Уж не сошёл ли я с ума?

Впрочем, что это я всё о себе? Держава наша по-прежнему держится Восточного Галса, что вызывает понятное раздражение у Римского Кесаря. Нищebroды и богодулы на станциях говорят, что он готовит большой поход противу Еруслании, присовокупив к войскам римским солдат из Гишпанской, Французской и Германской кардиналий. Я проклиная своё второе отечество за деспотию и непоследовательность, но горе тому иноземцу, кто посягнёт на его свободу и независимость! Многие дворяне в страхе покидают столицу и едут в свои поместья.

Прости, друг! Я пьян и не сказал тебе того, что должен был сообщить первым делом. Батюшку твоего царская стража не тронула, но государевой опалы он, разумеется, не минул. Этим и воспользовался сосед ваш, небезызвестный Чурила Сысоевич Троегусев. Подкупленные им судейские ярыжки откопали где-то (а скорее всего подделали) бумагу, согласно которой деревенька ваша, о которой ты столь много мне рассказывал, испокон веков принадлежит ему, мерзостному Чуриле Сысоевичу. Наехали судебные исполнители; несчастного старого воина хватил удар, и он в три дни умер, призывая тебя по имени. Об этом рас-

сказал мне убогий странник — настолько убогий, что выдумать историю сию он никак не мог. Увы! Никаких вестей о тебе отец не получал, да и мало кто знает, что за участь готовит Новому Фантому — проклятый деспот. Крепись, друг! Восходя на эшафот, выскажи тирану и сатрапам его всё, что о них думаешь! Жертва твоя не будет напрасной! Я напишу возмутительную поэму «Путешествие из Анучина в Кислое», и тогда бунт Пугача покажется детскою забавою!

Прощай, прощай — и помни обо мне, бедном поэте.

Твой Тиритомба».

ГЛАВА II

Человек привыкает к чему угодно на удивление быстро.

Лука, очутившись в тюремной башне (которая была самым прочным и надёжным строением в столице), уже через три дня называл тюремщиков «томильцами», камеру свою — «кандейкой», постель — «храпилищем», приносимую еду — «тош-няком», бадью для нечистот — «ксюшей».

Самое любопытное, что все эти особые тюремные слова ему пришлось придумывать самому, поскольку перенять их было не у кого: грозного Платона Кречета поместили в одиночку. Единственным источником света здесь было круглое окошко (а по правде сказать — дыра) под самым потолком. Через дыру можно было узнавать смену дня и ночи и отмечать царапинами на стенах, но стены были уже давно исцарапаны прежними узниками.

Никто его здесь не допрашивал, не пытал и не мучил — с ним и так было всё понятно. То ли Патифон Финадеевич измышлял, да всё не мог никак измыслить для него подходящую кару, то ли надеялся в грядущей войне обменять кесарского шпиона на какого-нибудь попавшего в плен ерусланского воеводу. Всякая душа — потёмки, а царская в особенности.

Днём в кандейке было нестерпимо жарко, ночью — нестерпимо же холодно. Томильщик Водолага притащил ему тулуп — или из жалости, или велено ему было беречь заключённого до казни.

Вернее — последнее, поскольку никакой жалости у Водолаги не было отродясь. Принося миску с тошнякам, томильщик норовил опрокинуть её на пол, но гордый Лука с полу ничего не поднимал, а уморить его голодом не было приказа.

Ещё Водолага любил рассказывать Луке о разных способах казни, практикуемых в Еруслании, — с мельчайшими подробностями, не торопясь. Он был томильщик потомственный — предок его заступил на почётную вахту в башне со дня её основания. Особенно гордился Водолага тем, что именно его прашур придумал украсить ворота тюрьмы словами, ставшими на много лет наставлением для всех томильщиков:

МЫ В ОТВЕТЕ ЗА ТЕХ, КОГО ПРИЩУЧИЛИ!

— Нынче разве казни! — говорил томильщик, развалившись на храпилище. — Вот раньше были казни так казни! Старики рассказывали: вынесут на тюремный двор длинный стол, покроют его зелёным сукном, поставят графин с водой...

— И что же тут страшного? — спрашивал Радищев. Он рад был и таким разговорам.

— Да как же не страшно-то! — удивлялся Водолага. — Одни названия казней чего стоят! Вчуже мороз по коже идёт!

— И что же это за казни, добрый Водолага?

— А казни в те лютые времена были вот какие. Одному назначали простой выговор, другому — строгий, да ещё с занесением, третьему — вот где ужас! — ставили на вид, четвёртого исключали без права поступления, пятого лишали тринадцатой зарплаты, шестому выносили общественное порицание, седьмого бросали на низовку, восьмого отправляли в вынужденный отпуск с последующим увольнением...

— Разве может отпуск быть казнью? — не верил Лука. — А где же были дыба, кол, колесо, плаха с топором, виселица?

— Их потом уже придумали, когда нравы смягчились...

— А те-то, прежние, как осуществлялись? — любопытствовал узник.

— Этого сказать не могу, — сокрушался томильщик. — Сколько я прадеда своего ни расспрашивал (а мы, томильщики да палачи, до-олго живём!), старик твердил одно: рано, мол, Водик, тебе об этом знать, может сердечко твоё детское не выдержать... А потом он всё-таки помер и тайну старинных наказаний с собой унёс. Может, оно и к лучшему...

— Ладно, — говорил атаман. — Иди уж отсюда... Водик... Это моя кандейка, а не твоя!

Водолага хмыкал, но уходил. А на следующий день всё повторялось.

Лука исхудал и начал падать духом. Он, может, и не дожил бы до казни, но тут другой томильщик, глухонемой Бурдыга, принёс ему письмо от Тиритомбы и показал руками да зубами, что послание следует по прочтении съесть.

Хорошо ему, видно, заплатили.

Лука сперва выучил письмо поэта наизусть, а потом уж съел. Письмо было вкусное, сохранившее запах добрых щей, которыми Тиритомба на почтовой станции захлёбывал вино. Вином тоже припахивало.

С тех пор думу о неизбежной смерти сменила другая.

Дураку понятно, что имя этой думе было — месть. Реванш, земста, revenge, vindicta.

Мстить хотелось всем — негодьям-панычам, помещику Троегусеву, томильщику Водолаге и, наконец, самому Патифону Финадеичу.

Только на Аннушку Амелькину он зла никакого не держал, хоть она и разукрасила Нового Фантомаса коромыслом. Да и где она, Аннушка? Лука надеялся, что её освободили, во всём разобравшись, а быть может, и наградили за нанесение увечий страшному злодею... Хотя нет, милая Аннушка не приняла бы награды... Что, если она тоже здесь, в башне? И всё по его, Луки, вине...

Узник больше думает о побеге, чем тюремщик, это всем известно. У тюремщика есть личная жизнь, семья, сотоварищи по грязному делу, здоровье... Узник же владеет лишь отпущенным ему временем.

Проклятый Водолага уносил с собой и миску, и ложку, хотя ложка была гнучая, оловянная.

«Да ведь и глина — не камень!» — думал Радищев. Но тут он малость ошибался. Тюрьму обжигали с особым тщанием, по всем правилам, и от страшного жара глина так прочно спеклась, что и никакого камня не надо.

Но Тот, Кто Всегда Думает О Нас, подумал и о Луке.

Однажды ночью сон бежал от узника. Он ворочался на своём храпилище с боку на бок весь в мыслях о побеге и Аннушке Амелькиной.

И тут что-то кольнуло его в живот.

Видно, тулуп, в который он заворачивался, принадлежал другому узнику. А того, видно, плохо обыскивали или с воли кто передал...

Словом, в руках Нового Фантомаса оказалась острая вязальная спица. Спица была из лучшей британской стали.

«Теперь посмотрим, кто кого!» — сказал атаман стене...

... — И как ты не обопьёшься? — удивлялся Водолага, принося очередную кадушку с водой.

Тошняка томильщики жалели, но воды давали вдоволь. Кадушка была деревянная, следовательно — безопасная.

— Жар у меня внутри, — хрипел Радищев.

Капля камень долбит, одолеет и глину.

Для начала Лука прикинул, в какую сторону следует копать. Крепко надеялся, что не ошибся. И начал свою безнадёжную работу.

Сперва он поливал глину водой из кадушки. Потом не погнушался и жидкостью, в которую вода превращалась у него внутри. Всё равно вредный Водолага поставил ему ксюшу без крышки. Никто и не заметит в общей воню. Кроме того, та же ксюша скрывала и место подкопа.

— Ты бы её ещё рядом с кроватью поставил, — ехидничал Водолага.

— Сил нет добраться, — стонал атаман.

Мало-помалу глина стала поддаваться.

Глиняные крошки Лука сметал в ксюшу, которую всё-таки время от времени томильщикам приходилось опоражнивать. Но никто ведь не будет интересоваться её содержимым, надёжно прикрытым сверху!

Томильщики вообще распустились, поскольку из этой тюрьмы побегов не было. Да обычно и не задерживались в ней узники.

«Глядишь, к старости и докопаюсь», — уныло мыслил Радищев, но лежать без дела уже не мог.

Спица, терзавшая размягчённую глину, издавала звук, напоминавший пение сверчка. Сверчки в тюрьме водились и тоже срока своего не знали. Звуки, ими издаваемые, были односложны и пронзительны.

И вдруг сверчку откликнулся другой сверчок.

ГЛАВА 12

— О горе! О проклятье! Напрасно доверился я старому компасу! Я совсем забыл, куда он здесь показывает!

Старец говорил по-испански, но Лука худо-бедно его понимал, так как знал и латынь, и, маленько, итальянский.

Оказалось, что старец и ерусланским владеет.

— Кто ты, мой юный собрат по несчастью? — спросил старец. Одежды на нём почти истлели, а лохмотья держались только на золотом шитье.

— Я — народный мститель Лука Радищев, Новый Фантомас, — сказал наш герой, но уже не с гордостью, а даже с какой-то неуверенностью.

— Не слышал, — скупое заявил старец. — Знай же, о молодой союзник, что видишь перед собою, возможно, последнего и единственного представителя прежнего мира...

— Какого это прежнего? — удивился Лука. — Разве до нас тут что-то было?

— Увы, мой бедный друг, было, да ещё как было-то! Мир был куда более богат и пространен, нежели нынче. Приготовься же услышать страшную правду — да только не всю, поскольку я крепко опасаюсь за твой рассудок...

— Не бойсь, дедушка, — покровительственно сказал Радищев. — Уж коль скоро я в тюрьме не спятил, то как-нибудь выдержу.

Тут он вспомнил о правилах приличия.

— Прости, почтенный, что назвал тебя дедушкой, поскольку не знаю твоего имени...

Старик выпрямился, и по стати его сделалось видно, что он явно непростого роду-племени.

— Знай же, юноша, что перед тобой лицензиат Саламанкского университета дон Белисарио Бермудо де Агилера-и-Орейро, знаменитый в прежнем мире путешественник и первопроходец,

сподвижник великого Алонсо де Охеды, открывателя многих земель и царств Нового Света!

Лука, как и остальные школяры, знал, как устроены учебные заведения в еретических странах, и потому усомнился:

— А не староват ли ты для лиценциата?

Дон Агилера страшно сверкнул на него грозными очами.

— У меня не было возможности защитить даже докторскую степень... Но всё это — пустой разговор. Постараюсь изложить заключения свои в доступной для тебя форме. С тех пор как адмирал Моря-Океана дон Кристоаль Колон открыл Новый Свет...

— Эге, это что за новости? Какой такой новый свет?

— Не перебивай! В том, прежнем мире, как я уже говорил, земля была обширней и разнообразней. Адмирал Кристоаль, поддержанный святейшими царственными супругами, королевской четой Испании Фердинандом и Изабеллой, отправился на трёх кораблях в поисках нового морского пути в Индию...

Но Луку не проведёшь! Он и в картах разбирался.

— Почтеннейший, да ведь в Индии и есть Край Света! А дальше — обрыв, омываемый Единым Океаном!

— ...Это у вас, нехристей, обрыв, а у нас ведь и сама земля была круглой, как надутый бычий пузырь!

Лука знал, что с безумцами лучше не спорить, но не удержался:

— Какими такими нехристями ты нас обозвал?

Лицензиат Агилера не рассердился, а, напротив, заговорил мягко и ласково:

— Основы истинной веры я растолкую тебе потом, постепенно, иначе твой неокрепший разум вполне может помутиться от непривычных и поражающих истин...

Лука-то знал, у кого разум из них двоих помутнённый, но согласно кивнул и всем своим видом выразил глубочайшее внимание, не преминув, однако, заметить:

— О, мудрый дон Агилера, ведь я — неслыханный кровавый разбойник и за свою недолгую жизнь навидался такого...

— Да? — ехидно сказал путешественник и первооткрыватель. — По лицу твоему, пусть и осунувшемуся в заточении, этого не скажешь. А я за долгие годы странствий научился разбираться в людях. Злодеев же и душегубов перевидал великое множество; ты на них не похож.

Радищев положил себе больше не возражать. Лучше уж слушать сказки безумца, чем заунывное стрекотание сверчка.

— Итак, вслед за доном Кристобалем в Новый Свет хлынула толпа бродяг и авантюристов со всей Европы. Немало было среди них и подлинных смельчаков. Сам же я пустился в плавание не от хорошей жизни: в честном поединке я убил большого подлеца, бакалавра Кинтанилью, а тот возьми да и окажись шпионом святейшей Инквизиции...

Лука понимающе кивнул:

— Значит, и у вас Инквизиция водилась... Мы здесь, в Еруслании, не больно-то её любим, а шпионов вообще на кол сажаем...

— И правильно! Так и надо! — обрадовался старец. — Правда, у вас за таковых шпионов часто принимают вполне порядочных людей — увы! Но слушай далее. Наша бригантина вышла из Кадиса ранней весной... впрочем, год тебе пока ничего не скажет. Благополучно миновав все штормы и штили, мы через положенное время прибыли в гавань Санта-Крус...

«Странное название — Святой Крест», — подумал атаман, а задавать вопрос не стал, потому что открыл рот и заслушался.

Заслушался — и мысленно перенёсся в неведомую землю, населённую странными краснокожими племенами, диковинными зверями, заросшую буйными непроходимыми лесами, пересечённую мутными водообильными реками, украшенную странными городами, в центре которых возвышаются ступенчатые пирамиды, созданную жестокими богами, постоянно требующими кровавых жертв...

Но тут за дверью раздались шаги — то злобный Водолага либо мягкосердечный Бурдыга разносили по камерам тошняка.

Дон Белисарио Бермудо Агилера-и-Орейро, лицензиат Саламанкского университета, ловко пролез в проделанный им подкоп, а Лука успел вовремя заслонить дыру смрадной ксюшей.

ГЛАВА 13

Так и получилось, что вместо свободы Лука Радищев обрёл собеседника — но уж зато такого, который знал ответы на все вопросы, владел множеством языков, поднаторел во всех науках. На

инные вопросы седой лицензиат не отвечал, говоря, что всё разъяснит потом.

Особенно Луке понравился в его рассказах дон Эрнандо де Кортес — ведь он с горсткой воинов сумел покорить могучую державу короля Монте-сумы, не то что некоторые. Опечалила его судьба мятежника Лопе де Агирре, который послал все власти ко всем чертям и вознамерился сам основать в лесных трущобах своё государство. Тут Лука несколько утешился: не всегда и не всем отважным везёт.

— Что же случилось, дон Агилера, с бедным Понсе де Леоном? Открыл он источник бессмертия? — спросил Лука во время очередной встречи.

Узники к тому времени изыскивали надёжнейший и остроумнейший способ скрывать от томильщиков свои встречи и сам подкуп; способ этот настолько прост и очевиден, что описывать его здесь не стоит. Чего доброго, все злодеи его узнают и станут плести по тюрьмам заговоры да совершать побеги ещё чаще, чем нынче. И на взятки тратить не надо!

— Увы, дон Понсе умер от старости, так и не достигнув острова Бимини, — сказал лицензиат. — Но все эти повести Нового Света уже достаточно надорвали моё измученное сердце. Лучше я перейду к своей собственной истории. Итак, я сражался, как солдат, и преследовал истину, как учёный. Я брал в плен грозных царей; я сам бывал в плену у жалких бесштаных племён; я владел несметными сокровищами; я проматывал своё золото в портовых кабаках и нимало не жалел о том,

ибо Новый Свет изобиловал этим презренным металлом.

— Отчего же это презренным? — заступился за золото Лука.

— Дело в том, юноша, что золото, поступавшее в королевскую казну столь щедрым потоком, грозило обесценить самоё себя. Испания, моя славная родина, рисковала впасть в полное ничтожество... Впрочем, она и впала — но по другой причине.

— От золота — и в ничтожество? — изумился Лука.

— Да, мой бедный друг. Когда оно достаётся даром, то неизменно губит своего обладателя. Разумеется, народ перестанет работать, хлеб и предметы роскоши начнут ввозить из-за рубежа, ремёсла придут в упадок, а там, глядишь, и мятежные баски обнаглеют, и жадная Франция устремится за Пиренеи, но армия к тому времени наверняка уже станет полностью наёмной, а следовательно, ненадёжной...

— Это так, — согласился Лука. — Мы, ерусаланцы, по золоту не ходим, зато кондотьеров неизменно побиваем.

— Вот и я о том же думал, — сказал старец. — И, тревожась о судьбах отчизны, составил особую записку на высочайшее имя. Отдать её в чужие руки я не рискнул, а потому, с великим сожалением оставив судьбу вольного конкистадора, купил на последние золотые побрякушки место на ближайшем корабле. О, как рыдала моя возлюбленная — кстати, дочь самого Монтесумы! — когда я прощался с ней!

Тут сентиментальный лицензиат и сам прослезился — старческие слёзы текут часто и охотно.

— А я даже и не попрощался, — вздохнул Радищев.

— Трюмы нашей «Санта-Барбары» были битком набиты золотыми слитками, — вздохнул дон Агилера. — Да, мы, словно древние варвары, переплавляли чудесные золотые изделия тончайшей работы. Падре Диего де Ланда говорил, что нельзя везти в католическую землю языческие кумиры. На самом деле так поступали потому, что слитки занимают меньше места. Сезон штормов прошёл; капитан Эскамильо был опытен; команду он держал в таком страхе, что никто из этого сброда даже и не помышлял о бунте. Единственно чего мы опасались, так это британских каперов, поскольку шли вовсе без конвоя, надеясь лишь на удачу капитана.

А на третью неделю наш компас взбесился!

(Лука уже был знаком с этим бесполезным устройством.)

— Капитан позвал меня как учёного, чтобы я разобрался, в чём дело. Я охотно согласился, ибо никогда не любил быть обузой для других. Но тут-то и я пришёл в ужас. Ладно, компас можно вывести из строя, подложив под него, к примеру, топор. Но каким образом можно повредить секстан и астролябию? Разве что расплющив тем же самым топором... Провозившись на палубе весь день, я пришёл к ужасному выводу: солнце на небе перемещалось не так, как ему положено, словно мы находились где-то на экваторе...

— Да в морском деле и слов-то таких нет! —

рассердился Лука: даже бреду безумца должны быть какие-то пределы! Испокон веку корабли во всём мире ходили, стараясь не терять берег из виду; при чём тут какие-то инструменты!

— Но самое страшное было впереди, — лицензиат не обратил внимания на слова союзника. — У меня вся надежда была на Полярную звезду, и я дождался ночи...

— На что надежда? — снова встрял Радищев.

— В том-то и дело! — воскликнул Агилера. — Ты не знаешь и не можешь знать, что такое звезда, потому что никогда не видел звёздного неба, Млечного пути, Большой Медведицы и Ориона!

— Видел я медведиц, только обходил подальше: ведь медведица страшней всякого медведя, если деток стережёт!

— Как же ты глуп, бедное дитя! — вздохнул путешественник. — Но и я рыдал, как ребёнок, не увидев привычного неба. Да и вся команда, услышавши вопли поражённого рулевого, высыпала на палубу. Эти безбожники и головорезы упали на колени и принялись возносить молитвы Пречистой Деве и святому Яго, потому что поняли: началось светопреставление!

— А, светопреставление! — махнул рукой Лука. — Только ведь это когда было-то? Давным-давно!

— Да, это было светопреставление. Сбывались пророчества Апокалипсиса. Даже луна, ещё вчера бывшая узким серпом, сияла над нами во всей своей красе, опередив положенную ей фазу на две недели...

— Когда же это луна была серпом? Ей всегда надлежит быть круглой! Иначе как же быть но-

чью? И при луне-то плохо видно: штудировать науки, к примеру, никак невозможно, приходится свечи палить, фонари зажигать...

— Прости, добрый юноша, — вздохнул учёный дон. — Я напрасно назвал тебя ребёнком: у тебя живой и острый ум, но совершенно другой жизненный опыт. Прими одну истину: у нас всё было не так. И солнце восходило по другим законам, и луна двигалась иначе, меняя своё обличье и вновь к нему возвращаясь... Прими и не задавай бессмысленных вопросов. Пречистая Дева услышала наши молитвы... Только не вздумай спрашивать, кто она такая! Об этом узнаешь в своё время!

— А кто она такая? — сразу же нарушил завет собеседника Лука.

— Богородица — вот кто! — рявкнул старик. — Иже Спаса родила!

— Постой, постой... Вот про Богородца я знаю, ему в Ватикане поклоняются и нас к тому же мечтают принудить... Разве могла женщина родить Того, Кто Всегда Думает О Нас? Кто же тогда о ней самой думал?

— Да ты схоласт, юный кабальеро! Тебе бы в университетских диспутах витийствовать... А потом, ясное дело, на костёр...

— Уж лучше на костёр, чем таковую безлепицу слушать!

— Невежда! Неуч! Хуже язычника! Вот ваша вера как раз и нелепа!

И собеседники отвернулись друг от друга.

Но ненадолго.

Напарника в тюрьме не выбирают. Уж кого Тот пошлёт.

— Погоди, понемногу ты всё поймёшь и примешь, — зашептал старец. — А потом убежишь отсюда и понесёшь свет истинной веры в народ... Именно в этом мой христианский долг...

— Никуда отсюда не убежишь и ничего не понесёшь! — убеждённо сказал Радищев. — Да, вера наша убога и несовершенна, об этом люди поумней меня говорили. Но настанет день, когда Тот, Кто Всегда Думает О Нас, подумает как следует, и мы вспомним всё! И припомним всё и всем!

Дон Агилера хмыкнул.

— Забавное *credo*, — сказал он. — Но на первых порах сойдёт и такое. Главное — не верьте Ватикану, не верьте проклятому Сесару де Борха...

— Да мы и не верим! — гордо воскликнул атаман. — И Папу его поганого ни во что не ставим. У нас даже про него загадка есть: «Хоть я в Риме не бывал, а его в гробу видал». Кого видал? Папу. Есть загадка и про самого Кесаря, но уж больно похабная, не при твоих сединах будь загадана... Но есть и поприличней: «Подчинил он всю Европу, а родился через...»

— Оставим богословские прения, — устало молвил дон Агилера. — Слушай дальше и, ради всего святого, моё сокровище, не перебивай!

— Да, ради всего святого, — кивнул Радищев.

— В конце концов к утру все опомнились и стали думать, как плыть дальше. Британские каперы волновали нас в последнюю очередь. Я предложил капитану намертво закрепить штурвал и отдаться на волю Всевышнего, потому что были мы, по моим расчётам, уже в тех местах, где тече-

ния и ветры благоприятны... Уж лучше бы повернули назад, на верную гибель...

— Отчего же на гибель? Ведь в Новом Свете вам нехудо жилось!

— Потому что не было уже никакого Нового Света, хоть мы об этом ещё не знали. Потому что мечтали вернуться на родину героями и богачами. Потому что припасов наших не хватило бы на обратный путь. Достаточно? Ну так слушай дальше.

Небеса смилоствовали над нами, и мы в конце концов увидели пик Тенерифе. Но заходить на Канары не стали. Тем более что и заходить-то было некуда: все испанские поселения исчезли. Вы даже до Канар не доплыли, проклятые трусы! Проклятое ваше береговое плавание! Но и нам, лишённым возможности определяться в море, пришлось держаться в виду африканского берега. А ведь берберийские пираты похуже британских! Только мы к тому времени были смертельно злы от пережитого и смертельно опасны даже для них, а канониры наши были убийственно метки...

На рейде Кадиса нас уже встречали боевые галеры. Сперва-то мы подумали, что встреча будет торжественной... Но нашу старую добрую «Санта-Барбару» зажали между бортами, и на палубу горохом посыпались не солдаты и не матросы — служители Святой Инквизиции...

— Нашли святую! — гневно сказал атаман. — У нас ещё не додумались царскую стражу называть «святой». Все они — ябеды и ярыги позорные...

— Самое подходящее для них слово, мой бедный дон Лука. Весь экипаж — от капитана до юнги — связали и первым делом в рот каждому

сунули кляп. Очень им не хотелось, чтобы мы говорили... Хотя зря старались: нам бы всё равно никто не поверил.

Так мы очутились в застенках Инквизиции. От нас требовали одного: сказать, где взяли золото. Речам о Новом Свете никто не верил — их просто пропускали мимо ушей. Впрочем, говорю я только о себе, ибо спутников своих увидеть мне уже никогда не случилось. Думаю, что пытали их столь же усердно, как и меня...

— Зря вы всё-таки побрякушки переплавили в слитки, — заметил атаман. — Вот бы и доказали.

— Я тоже сперва так думал, — ответил дон Агилера. — В моём матросском сундучке была, впрочем, одна вещица — подарок моей покинутой возлюбленной. Золотая бабочка тончайшей и преискуснейшей работы. Наверняка отцы-инквизиторы тут же расплющили её молотком, дабы не смущать умы, а золото, конечно же, пропили.

— Это как водится, — согласился Лука. — Это у нас первым делом. Как и у вас.

— Меня допрашивал сам Великий Инквизитор Торквемада. Я-то думал, что проклятый кровавый пёс давно сдох... Как же, сдохнет он! И сейчас, поди-ка, жив!

— Живёхонек, — подтвердил Лука. — Может, и не Торквемада он вовсе, а просто имя его принял...

— Да, выглядел он на удивление молодо для своих лет. Но это был он, и я впоследствии понял, кто и как продлил его гнусный век... Но об этом потом. Что-то в коридоре гремит — не ключи ли нашего стража?

ГЛАВА 14

Верно заметил великий эллин Антидот: вся-то наша жизнь есть борьба отвратительного с омерзительным. В самую точку попал.

Быть царём трудно, а царским сыном ещё труднее.

Государь царь Всея Великия, Малыя, Белья и Пушистыя Еруслании, Патифон Финадеич, не смотря на малый рост и малые способности, имел великое множество жён. Церковники ещё спорили, сколько супруг достойно иметь царю: семь или семижды семь? Точной цифры никто не помнил, но вроде бы семёрка там фигурировала.

Патифон Финадеич раз и навсегда постановил, что — семижды семь и ещё разок на семь умножить. Он крепко завидовал султану Абдул-Семиту и многое у него перенял.

Да он и у самого себя многое перенял: ведь сам, почти что своими руками, спровадил в пекло родимого батюшку, Финадей Колизеича. Конечно, тех, кто запихал в горло царю Финадею хорошо смазанную ядом рыбью кость, давно уж не было в живых (после такого дела жить — это, знаете, даже как-то неприлично), но дурной пример заразителен.

Так что Патифон, подобно своему басурманскому собрату, сильно сыновей опасался. И ведь надо же — у такого сморчка получались именно мальчишки!

Другой бы сидел в окружении весёлой оравы косоглазых озорников да радовался на их детские проказы, а у Патифон Финадеича одна была заботушка, одна думушка: изведут, низвергнут!

Жён-то можно перечислить в монахини и тем самым из мирской жизни вычеркнуть, а что делать с сыновьями, коли их полсотни? И все на виду, как возможные престолонаследники?

«Вот как почую, что смерть подступает, так заделаю напоследок ещё одного пацана, — думал царь. — Вот он пускай моё наследие и расхлебывает. Ничего, управится: наша кровь, холодная, чёрная, густая, жмуриковская. Всегда обходилось и сейчас обойдётся. А я мужчина ещё хоть куда и хоть кому — могу ерусланским манером, а могу и французским».

Но с остальными-то что делать? Со всеми этими изведунами да низвергальщиками?

Решение подсказал случай.

Всех матерей с сыновьями разослали по разным городам и деревням обширной Еруслании — во-первых, с глаз подальше, во-вторых, к народу поближе. Пусть сперва жизнь узнают, а потом уж за престол цепляются!

И вот из города Сосковца прискакал гонец со страшным известием. Старшенький из детей, уже почти совершеннолетний Андон, пошёл во двор поиграть с малыми детьми в свайку. И тут приключилась с ним падучая, он и упал, да так неловко, что свайка вонзилась в шею. Малые дети от ужаса разбежались, а когда прибежали взрослые, царевича уже и в живых-то не было. Мать же царица Проскудия в отчаянии наложила на себя руки.

Бедный гонец полагал, что его за дурную весть царь тут же велит казнить, но Патифон Финадеич неожиданно прижал вестника к тощей груди и дал

золотую денежку. Сам царь при этом неуместно хихикал и потирал ручки.

С тех пор то из одного, то из другого места, где поселились несносные наследники, скакали гонцы и докладывали одно и то же: малые дети, свайка, падучая, умертвие, наложение рук.

Гонцов хотя и не казнили, но вместо золотой денежки давали медную, потому что весть не неслась в себе ничего нового.

— И в кого они припадошные такие вышли? — недоумевал прилюдно Патифон Финадеич. — Не везёт мне, увы, мне, Патифон Финадеичу... Один я, как перст!

Однако с последним сыном, Липунюшкой Патифонушем, вышла промашка.

Прискакал гонец, как и в предыдущие разы. Весть была, на гонцово счастье, утешительной, да не совсем, поскольку в городке Куличе всё случилось не совсем так. Вернее, совсем не так.

Маленький Липунюшка родился до того хилым и немощным, что играть в свайку ну никак не мог: младенцы в свайку не играют. И по хилости да немощности бабки-ведуньи присоветовали старый проверенный способ: запечь недоноска в тесте и поставить в печь, дабы придать ему несколько живости.

Потом стряпуха поставила получившийся каравай на окошко, чтобы маленько остудить.

Но за сплетнями и прочими разговорами бабки позабыли про охлаждающегося младенца, а когда кинулись к подоконнику, никакого каравая там не было. То ли проходивший мимо богодул стащил, то ли звери хищные, которые, по словам

иноземцев, свободно бродили по улицам градов и весей ерусланских.

А царица-мать, Восьмирамида Акулишна, налагать на себя рук не захотела. Вместо этого она повыла над окном, приказала страже перебить всех бабок-ведуний и сбежала в неведомые земли с конюхом по прозвищу Бирон, прихватив при этом все деньги и драгоценности.

Этого Патифон Финадеич никак не ожидал, и гонец не получил вовсе никакой награды. Царь даже впервые нарядил в городок следствие. Дознатчики ничего не дознали, хоть и перемучили всех оставшихся жителей. Переловили всех окрестных богодулов и нищевродов, допрашивали до смерти, но следов младенца так и не нашли.

Эта трагедия подвигла простой народ на сложение известной сказки про дедушку с бабушкой, которые по сусекам скребли да по амбарах мели.

Патифон Финадеич горевал страшно, поскольку боялся, что младенец на самом деле жив. Эта Восьмирамида Акулишна была баба хитрая, ушлая и дошлая. Надо же — даже рук на себя не наложила!

Царь до того дошёл, что вышел к народу и тут же, на площади, разодрал на себе одежды — правда, выбирал что поплоче.

Он посылал за рубежи доверенных людей — узнать, не объявится ли где баба с маленьким претендентом. Но люди-то были доверенные и по этой причине глупые. В землях, подчинённых Ватикану, их сразу же узнавали по частым матерным словесам и бросали в застенки Инквизиции.

Кто-то из них, видно, проболтался, несмотря

на царское доверие, и возможного царевича стали искать уже в Европе — совсем другие люди и с гораздо большим успехом...

ГЛАВА 15

...Всем хороша истинная любовь, но есть в ней два недостатка: во-первых, встречается редко, во-вторых — кончается плохо.

Сказки врут по-другому: жили они, дескать, долго и счастливо и умерли в один день.

Переделали по-своему прохиндеи-сказочники древнюю истину, да так, что она совсем забылась, а звучала она иначе: «Были они влюблены и счастливы, и умерли в один день — в день свадьбы».

Вот и у нас ничего хорошего. Аннушку Амелькину взяли под арест вместе с родным батюшкой и разбойничьим атаманом да посадили в ту же самую тюремную башню. Лука-то был твёрдо уверен, что с Аннушкой и непутёвым её отцом разберутся быстро и по справедливости, а потому немедленно отпускает.

Старика Амелькина и правда отпустили, поскольку сообразили, что от него никакого толку не добьёшься без опохмела, а опохмелялся старик неправильно, отчего сразу перекатывался на другой бок.

По совести, думал Лука, Аннушку не только отпускают, но и наградят за поимку опасного государственного преступника и, возможно, даже сделают при дворе какой-нибудь фрейлиной.

Но Аннушку не отпустили и тем более не сде-

ляли фрейлиной, зато немедленно сообщили государю об её выдающейся красоте.

Патифон Финадеич сильно в штанах оживился (чего с ним давненько не случалось) и велел тотчас привести девушку к нему.

Долго разглядывал царственный сморчок белое девичье лицо, золотую косу, губы алые, грудь высокую... Опять же бёдра, сарафаном обтянутые...

— Хочешь, красавица, ерусланской царицею стать? — предложил он без всяких предисловий. А к чему они? И так понятно: девица тотчас зардеется, скромно потупит небесные свои очи, прикроет алые губы ладошкой и прошепчет:

— Да как же не хотеть, надёжа-государь? Ведь об этом всякая мечтает — от Понта Чёрного до Рифей-горы... А я тебе богатыря рожу!

Хоть и невелика была голова у государя царя Всея Великия, Малыя, Белыя и Пушистыя Еруслани, но как-то и он ведь сообразил, что перестарался в неустанной борьбе с наследниками, а надо ведь царство на кого-то оставить. Цари с королями вообще-то полагают себя бессмертными до тех пор, покуда не начинают на ровном месте спотыкаться и забывать лица слуг, физиономии стражников и рожи бояр.

А после девичьего согласного шёпота он бы, Патифон Финадеич, и объявил бы ей день свадьбы — то есть нынешний день. А что тянуть-то? Мало ли что?

Виделась уже ему широкая постель с пуховой периной, семью подушками мал мала меньше и одеялом из лоскутов самых драгоценных тканей...

Только не стала красна девица краснеть — на-

оборот, побелела и небесные свои очи не потупила, а нахально вытаращила, и ротик ладошкой не прикрывала, а разинула, как уж могла.

— Ах ты, прыщ ватиканский! Ах ты, вошь лобковая, неуместная! Мерин бесхвостый! Кошак холощёный! Титька тараканья! Думаешь, не осталось твоими стараниями в Еруслании ни чести, ни гордости девичьей? Да я лучше за разбойника лютого пойду, какого сгоряча да сдуру под твою ручонку костлявую подвела! Он хоть на мужика похож! Ты давно ли на себя в зеркало-то глядел, жаба бородавчатая?

Стражники, приволокшие пред государевы очи дерзкую девицу, от ужаса попадали на пол — только алебарды сбрыкали. Они и уши себе заткнули, дабы не слышать таких охулительных речей. Будь при Аннушке верное её коромысло, так окончить бы Патифон Финадеичу свои деньки до срока.

Но не было при Аннушке Амелькиной коромысла, да и руки ей на всякий случай связали.

Патифон Финадеич, противу ожидания, не разгневался, но умилительно улыбнулся:

— Огонь-девка! Зелье-красавица! Такая царица и нужна в царстве нашем! Твёрдая, неуступчивая, чтобы все боялись! Кроме меня, конечно. А что я тебя маленько постарше буду — так это не беда! Лекари говорят, что от зрелого мужчины и молодой девицы дети на редкость удачные выходят. Стерпится — слюбится. Ещё и спасибо скажешь да повторить попросишь. А кроме того, написал я из Ватикана особого мастера-молодильщика. Он мне кожу на лице подрежет, на затылок

натянет, в узелок завяжет — и я словно двадцать годов сброшу! Все в Ватикании так делают — и кардиналы, и легаты, и нунции. Вражескую науку обратим на пользу Отечеству!

Но не порадовала Аннушку возможность выйти за подтянутого красавца.

— Тебя, дедушка, не на роже, а в другом месте подтягивать надобно. Только, боюсь, и целый полк того не в состоянии сделать: про нестолиху твою всему миру известно! Семью канатами не подымеешь!

Такие слова для всякого мужчины — что пинок промеж ног. Но только не для царя.

Патифон Финадеич продолжал улыбаться.

— Верно ты, красавица, печёшься о здоровье моём и силе. О будущем мыслишь, в завтрашний день заглядываешь! За это люблю тебя ещё крепче и выбор свой верным полагаю! Обо всём я позаботился! Везут, везут мне из Ватикана особую горькую пилюльку: проглочу её, и помолодею не только лицом, а и всем остальным добром! Тебе подруги да фрейлины завидовать станут, и понесёшь ты с первой же ночи, мне и всему народу на радость...

— Может, и понесу, — неожиданно согласилась царская невеста. — Тебя понесу из опочивальни, дохленького. Присплю я тебя, как младенчика... Тут уж точно будет народу радость!

От этого в государе и кончилась всякая умильность.

— Дура деревенская! — завизжал он. — Блаженства своего не понимаешь! Верно говорят, что

народ к счастью железной метлой надо подгонять. Вот отдам тебя моим молодцам...

— Ладно, — сказала красавица. — У молодцев, может, чего и получится, хотя и в этом я сильно сомневаюсь...

Она пнула пёстрым лаптем валявшегося рядом стражника.

— Вот видишь — правильно сомневалась. Из этого уже течёт, да только не кровь молодецкая...

— В башню её! — кричал Патифон Финадеич. — Сиди там и жди лютой казни заодно со своим разбойником! Передумаешь — скажешь. Я не тороплюсь, у меня ещё всё впереди...

Тут он, конечно, ошибался, но Аннушку действительно утащили в башню, сунули в одиночную камеру — точно такую же, как у Луки Радищева. Только приставили к ней не тюремщика-томильщика, а тюремщицу Флегетоновну, рябую и щербатую. Была она верной женой Водолаги. Царь поощрял семейственность в их рядах. Коли родители всю жизнь за злодеями надзирают, так и детки их пойдут тою же стезей. А то со стороны набирать — себе дороже: разве пойдёт хороший и верный человек на такую должность?

Аннушке в тюрьме пришлось куда солонее, чем Луке. Он-то привык в своей школярской и разбойничьей жизни к неудобствам. А она была девушка чистоплотная, несмотря на бедность. И понимала, что в застенке-то красота её быстро увянет, и станет она противна самой себе. Мужики об этом как-то не задумываются, о красоте, а которые задумываются, так те и не мужики вовсе, а так, лишнее бремя в штанах таскают.

«Помучится — и согласится. А куда ей деваться?» — рассуждал Патифон Финадеич. Но всё-таки велел давать ей воды побольше, да мыло душистое, да гребешок, да зеркальце — только не ватиканское, стеклянное, а медное, чтобы не зарезалась осколком. Желал он ей и косу отрезать — вдруг удавится? — но не решился, не хотел красоту портить. А то потом покупай ей за рубежом парики — одно разорение выйдет!

По-государственному мыслил государь.

Аннушка же о государстве и не думала — во-первых, не женское это дело (а в тюрьме сидеть — разве женское?), во-вторых, думала она о Луке. И чем дольше думала, тем тошнее становилось. И никаким он ей не злодеем представлялся — слишком у него лицо было простое для злодея. А для суженого — в самый раз.

Увы, бывает, что истинная любовь не только плохо кончается, а и начинается неважно.

ГЛАВА 16

Ум Луки Радищева уже не находил себе места в атамановой голове.

Слишком многое открылось ему.

Кроме того, лицензиат Агилера всё излагал так складно и ладно, что постепенно Лука начал ему верить — хотя не всегда и не всему.

Новых весточек от доброго Тиритомбы не приносили: то ли Патифон Финадеич отправил бедного пииту за Рифей, то ли случилось что похуже.

— Не томись — уже скоро! — ободрял его Во-

долага. — Скоро твои мучения кончатся. Вместе с тобой. На Злобном месте. Государь никак не может тебе достойную кару придумать. Говорят, всех палачей собрал и остался недоволен. Вздохнул батюшка наш, говорят, и молвил с великой печалью: «Опять придётся к Западу на поклон идти, просить у Кесаря самолучшего палача, платить ему золотом...» Вот такие, как ты, и разоряют нашу державу! Оттого и землепашец беден, и ремесленник в обносках, и солдат голоден, и семьи тюремщиков недоедают...

Рожа у Водолаги была шире, чем у Луки, раза в три.

— Так ты то, что у тебя в доме не доедают, сюда принеси, — устало сказал Радищев.

Известие о ватиканском палаче его не порадовало. Он-то надеялся, что Аннушка придёт к Злобному месту, хотя бы из любопытства, а он выкрикнет ей напоследок что-нибудь красивое о своей любви. Может быть, даже по-латыни. Что-нибудь из Овидия. И ей стыдно станет, и поймёт, глупая, кого потеряла...

А кесаревы палачи, по слухам, вырывают у казнимых язык, чтобы они не лягнули какой красмолы и могли только вопли да стоны издавать на страх прочему народу.

— Ты не о брюхе, а о своих провинностях думай! — назидательно сказал Водолага и пошёл прочь, гремя ключами.

Ничего не оставалось, как позвать дона Агилеру. В самом деле, не о своей же мнимой вине размышлять! Так ведь и до того можно додуматься, что и вправду виноват!

— Не теряя присутствия духа, мальчик, — сказал дон Агилера. — Когда подойдёт твой срок, я дам тебе утешение, и ты поймёшь всё...

— А что же я должен понять? — в который раз спросил Лука.

Они сидели на топчане в полной темноте, даже лунный свет не мог пробиться в крошечное окошко.

— Может, никакой казни и не будет, — загадочно сказал дон Агилера. — Провижу я, что выйдешь ты на свободу. Ещё не знаю как, но выйдешь. И в руках твоих окажется великое богатство...

— Откуда бы ему взяться?

— Ах, я ещё сам не знаю, — отвечал дон Агилера. — Видение мне было, причём странное видение... Девушка... И золото... Много золота...

— Ого! — воскликнул Радищев. — Понимаю! Ты мне укажешь свой клад! Так всегда порядочные узники делают!

— Да! Верно! — обрадовался лицензиат. — Я нарисую тебе карту, по которой ты близ города Куско без труда отыщешь... О горе мне! Годы заточения помutilи мой разум! Ведь нету в этом дурацком мире никакого города Куско! И карту я уже чертил — только не для тебя, а для стражников Алькатраса... С её помощью я и бежал из этой крепости...

— Ну-ка, ну-ка! Может, и мне что-нибудь удастся?

Лицензиат вздохнул.

— Нет, Великая Тартария не похожа на мою бедную Испанию — вернее, на то, во что превра-

тил её проклятый Сесар Борха! И люди там другие...

— Да ну, люди везде одинаковы, — уверенно сказал атаман. — Помани их золотом, так они тебя из любого застенка сами на руках вынесут.

— А вот и нет. Тогда, в Алькатрасе, я нарисовал карту и разорвал её на четыре части — по числу охранявших меня поочерёдно альгвасилов. Я чертил её собственной кровью, мальчик! И каждому из моих сторожей рассказывал о несметных богатствах несуществующего ныне города. Они, должно быть, думали, что он находится где-нибудь в Гранаде или Андалусии... Болваны! Но они устроили мне некоторые послабления, которые я использовал с большим толком. И я бежал! Это был первый и, боюсь, единственный побег из Алькатраса!

— А стражники? Я чаю, их сурово наказали?

— Да, — кивнул дон Агилера. — Но самое забавное, добрый мой дон Лука, что это сделали они сами.

— Как?

— Да попросту поубивали друг друга из жадности. Последний, бедняга Начо, явился ко мне в камеру со всеми четырьмя обрывками карты, чтобы получить последние наставления, а потом тихонько задушить меня подушкой...

— У тебя и подушки были... — завистливо сказал атаман.

— Но этот каброн был уже смертельно ранен и даже не смог запереть дверь камеры. Он тихо истёк кровью — прости, Пресвятая Дева, я ему ещё немножко пособил. Потом я переоделся в его форму, тело положил на свой топчан и прикрыл одея-

лом. Потом вышел из камеры и тихонько запер её. Потом пришёл в караульню, где все были пьяны. Божий промысел вёл меня! И вышел за ворота, поглубже нахлобучив шляпу. К тому времени я зарос, как простолудин, и на меня никто не обратил внимания. Так очутился я на свободе, вернее сказать — в более обширной тюрьме!

— Можно ли сравнивать свободу и тюрьму? — возмущился Радищев.

— Я очутился в незнакомом мире, — сказал Агилера. — Это была не моя Испания. Это был ад, где уже всю распоряжался его владыка, князь мира сего, Сесар Борха! Я увидел церкви и соборы, увенчанные бычьими головами! Я увидел чудовищные росписи на стенах и куполах! Это же школа великого Босха, деревенщина, говорили мне. Я увидел алтари из чёрного камня! Но нигде не видел я ни образа Спасителя нашего, ни пречистой Матери его! И прихожане храмов сих не осеняли себя крестным знамением, но показывали друг другу рога из приставленных к вискам пальцев! Я слышал кошунственные мессы и заутрени! Я слышал проповеди, в которых были призывы к расправам и кровопролитиям! Но нигде я не слышал колокольного звона, да и самих колоколов не было, потому что Сатана бежит священного звона! Я встречал людей, которых звали Хесус, Хосе и Мария, но несчастные не имели представления о том, чьи имена они носят! Более того, исчез целый народ, пусть доселе и гонимый их католическими величествами. Нет, иудеев не истребили и не изгнали — их попросту никогда не было в вашем проклятом мире!

Старец замолк и закрыл лицо руками. Губы его беззвучно шевелились.

«Тронулся», — решил Радищев и тихонько сказал:

— Дон Агилера, возможно, пытки и лишения действительно поколебали ваш светлый ум? Какая пречистая Мать? Какие иудеи? В учении я был одним из лучших и могу хоть сейчас перечислить народы, населяющие мир. Иногда, правда, иудейским называют страх, но никто из наших наставников не мог объяснить значения этого слова...

— Бедный, бедный! — воскликнул дон Агилера, протягивая руки к Луке. — Никогда тебе не достичь спасения! Несчастны люди, населяющие ваш мир, — все они пойдут прямо в преисподнюю...

— Но это же очевидно, — сказал Лука. — Куда же нам ещё идти? Да ведь для того Тот, Кто Всегда Думает О Нас, и учредил молитвы богодулов — чтобы ослабить страдания мучеников...

— Ерусланцы — чистые сердцем язычники, — вздохнул испанец. — Но ваша убогая вера всё-таки ближе к истине, чем богопротивная Ватиканская. Вы что-то сохранили в себе, хотя и не понимаете, что именно.

— Мы вспомним, дедушка, мы обязательно вспомним! — горячо воскликнул юноша.

— Нет, — сурово сказал старик. — Прежде чем вы вспомните, Сесар Борха наложит свою когтистую лапу и на вас. Да и как вы можете вспомнить, когда уничтожены сами основы истинной веры! Уповаю на тебя, — с этими словами он схватил атамана за руку. — Может быть, тебе удастся

немыслимое и ты вернёшь мир в его прежнее состояние, потому что больше никому!

— Это верно, — согласился Лука, поскольку знал, что с безумцами лучше во всём соглашаться. Но дон Агилера словно услышал его мысли.

— Ты узнаешь всё, — сказал он. — И поверишь во всё. Да, в нашем прежнем мире творилось немало ужасных дел и преступлений. Да, мы коснели во грехе, но хотя бы знали, что он есть и за него придётся отвечать. Да, Зло всегда лицемерно прикидывалось Добром. Но здесь, у вас, даже это лицемерие отброшено! Злу нет преград, и, значит, нет и нужды прикрываться красивыми словами!

Луке очень хотелось хоть чем-нибудь утешить старого узника.

— Ну, выкрутимся понемножку, — сказал он. — Конечно, Кесарь — злодей и тиран и всё такое. Так мало ли сволочей в мире? Сволочи приходят и уходят, а народ остаётся. И войско ватиканское мы в три шеи прогоняли и ещё прогоним...

— Всех не прогоните, — сказал дон Агилера. — Не хватит сил. Враг уже не при дверях — он просто хозяйничает в вашем доме.

— А ведь ещё есть и басурмане, — сказал Радищев.

— О, — махнул рукой старик. — Я был бы нынче рад и верящим в Магомета — пусть они и понимали Добро и Зло по-другому. Но это были живые люди, достойные противники, знавшие и милосердие, и благородство, и честь. Сам Сид Кампеадор не гнушался подать руку достойному мавру, поверить его слову, даже попить с ним. Так нет — вместо Магомета на здешнем Востоке по-

явился некий пророк Басур, чье учение вообще ни в какие рамки не лезет...

— Это уж точно, — сказал атаман. — Чудной народ басурмане. Но мы с ними больше торгуем, чем воюем... Так ты говоришь, раньше мир был другим?

— Сант-Яго! — вскричал взбешенный старец. — Так я тебе об этом каждый день толкую! Вокруг нас не Божий мир, а лишь его жалкий огрызок, который устроил для себя проклятый Сесар Борха с помощью столь же проклятого Джанфранко да Чертальдо!

— Слышал я уже это имя, — насторожился Лука. — Его, этого Джанфранко, один лиходея искал.

— Какой лиходея? — насторожился и дон Агилера.

— Как его... Ага, Микелотто! Правда, я примерно наказал злодея...

О той, которая ему помогла, неблагодарный атаман умолчал. Да и не хотелось ему посвящать старика в свои сердечные дела.

— Микелотто... Этого не так просто убить. Как, впрочем, и самого Сесара Борху...

— Да кто он такой, наконец, Кесарь римский?

— Боюсь, юноша, что это слово ничего тебе не скажет. Он Антихрист.

ГЛАВА 17

Чезаре Борджа проснулся среди ночи, хотя мог бы и совсем не ложиться — ибо сон есть удел слабых людей. Просто иногда во сне приходили к

нему картины прежней жизни, когда он, весёлый, озорной, златокудрый и зеленоглазый, чувствовал себя повелителем всей Италии и готовился стать уже владыкой всего христианского мира.

Теперь он владыка всего мира вообще. Князь Мира Сего. Только отчего же ему так тошно?

Движением пальца он возжёт все чёрные свечи в опочивальне. Всё было как раньше, только чего-то не хватало. Алые атласные портьеры колыхал прохладный ветерок, доносившийся с Тибра.

Он встал с постели и подошёл к окну. Вечно полная луна озаряла Вечный Город — и площади его, и фонтаны, и Собор Папы, и Колизей, до сих пор заполненный призраками, которых один незадачливый некромант вызвал по заказу столь же незадачливого ювелира, да так и не смог отправить обратно. По реке, пересекая лунную дорожку, плыли трупы — достойные плоды ночного Рима.

Князь Мира Сего размышлял, с чего начать нынешний день: удавиться или повеситься? Или выпрыгнуть из окна? Или вогнать себе в солнечное сплетение добрый толедский клинок, поразивший немало врагов? Или выпить кубок вина пополам с кантареллой? Обычный человек от такой дозы немедленно окочурился бы в муках, предварительно заблевав и загадив драгоценный хорасанский ковёр.

Но ничего не хотелось, даже боли, предваряющей неизбежное воскрешение. В первые дни Чезаре самоубивался каждое утро, проверяя, не оставила ли его чудесная сила, обещанная ему Настоящим Князем Настоящего Мира в тот страшный день в овраге.

Сила его не оставляла, но всё-таки Отец Лжи обманул его!

Он задрнул портьеру и позвонил в колокольчик. Трясущиеся от вечного ужаса слуги одели Князя-Кесаря в обычную чёрную рубаху, натянули узкие чёрные штаны, застегнули на все крючки багряный камзол, обули в старые разношенные кавалерийские сапоги, прицепили перевязь, на которой болталась бессмысленная и бесполезная шпага.

Спавший у порога Микелотто тотчас же вскочил, но Чезаре махнул рукой, и верный пёс покорно вернулся на место. Всё-таки основательно изувечили его в Великой Тартарии! И до того был не Аполлон, но теперь...

Он покинул замок, носивший некогда имя Святого Ангела, не воспользовавшись подземным ходом. Кого ему было бояться в этом городе ночных убийц и грабителей? Они сами разбегались, едва завидев в розовом лунном свете знакомую фигуру.

Скоро взойдёт солнце, и небо над Римом станет багровым. Трус, холуй и дурак Джанфранко да Чертальядо полагал, что угодит заказчику, сделав из Вечного Города некое подобие Града Подземного. Идиот! Настоящий ад должен быть в душах людей, а не вокруг!

Нет, всё-таки надо было уговорить Леонардо. Но мастер из Винчи тоже предал его, Чезаре, в час падения, а предательство в семействе Борджа не прощают. Хотя предатели, как известно, угодны дьяволу.

Леонардо был настоящий мастер. Но ведь он, разумеется, сперва загоревшись масштабами и ве-

личием замысла, быстро бы охладел к новому заданию и стал изобретать какую-нибудь дальнобойную пушку... Беда с этими художниками! Каждый мнит себя Творцом, каждый дьявольски самолюбив, а дьявольское самолюбие нынче — прерогатива его, Чезаре, и больше никого.

И эта его нелепая форма для швейцарской гвардии Ватикана... Шуты гороховые с алебардами, да и только.

Форму Чезаре менять не стал, но приказал заменить здоровенных и румяных швейцарских парней швейцарскими же крестинами, зобатыми и пучеглазыми. И тех, и других альпийские края рождали в изобилии. Так смешнее. Он даже изволил хохотнуть, когда впервые увидел свою новую охрану.

Но больше он не смеялся, хотя полагалось бы ему по чину то и дело разражаться сатанинским хохотом.

Прежние попы утверждали, что Тот, Другой, тоже никогда не смеялся. Но кто теперь вспомнит Другого? Нету Его и никогда не было.

Зловоние, исходившее из Собора Папы, разносилось по всей громадной площади. Крестин, охранявших вход в Собор, приходилось то и дело менять, чтобы не дохли, как крысы. Но и без них не обойтись. Со всей Европы собирались в урочные дни паломники, чтобы приложиться к мрамору гробницы Папы, Александра VI, Родриго Борха, Александра Предтечи, последнего понтифика, великого злодея, блудника, сребролюбца и отравителя, искренне считавшего себя наместником Божиим на земле. На Прежней земле. Настоящей.

Здоровья это паломникам не прибавляло, некоторые даже падали замертво, и смерть эта считалась почётной и желанной...

Гробница стояла на том месте, где полагалось быть алтарю. Мраморные фигуры по углам её щетинились рогами и вилами.

Надпись, высеченная на гробнице, гласила:

НА ВСЕ ВОПРОСЫ ОТВЕЧАЕТ ПАПА.

Под мраморной крышкой что-то булькало, иногда из щелей вырывались клубы вонючего пара. В этом бульканье иные фанатики и вправду слышали ответы на свои дурацкие вопросы.

Себя Чезаре дураком не считал, ибо Князь Мира Сего находится по ту сторону ума и глупости. А вот поди ж ты — приходил сюда в какой-то нелепой надежде на ответ.

— Хорошо тебе, папа Родриго, — негромко сказал он, но голос тотчас усилился под куполом, расписанным картинами Страшного Суда. Только они и остались от фресок Микеланджело — остальное Джанфранко украсил своими ремесленническими перепевами мастера Буонаротти.

— Хорошо тебе, — продолжал Чезаре. — Лежишь, ничего не знаешь, не чувствуешь... Завидный удел! Прав был неистовый мастер: отрадней спать, отрадней камнем быть... Но ты и не камень теперь, а так, субстанция... Обманул ты меня, папа. Все меня обманули и предали. Ты обещал, что я наследую Землю, а я получил только жалкий её кусок, населённый либо злобными куклами, либо безмозглыми болванами...

Бульканье в гробнице усилилось.

— Что? Оправдываешься? — прошипел Чезаре, и рука его привычно потянулась к шпаге. — А не ты ли присоветовал мне взять в помощники этого ублюдка Джанфранко? Он-де не уступает самому Леонардо! Уступает! Кишка тонка у него оказалась! А я-то уделил ему часть своего могущества! Он даже не смог зажечь созвездия на своём рукотворном небе! И тем самым обездолил толпу восхитительных шарлатанов, именующих себя астрологами! Он не смог толком населить отдалённые земли, которые я должен покорить! Он лишил меня всех сокровищ Нового Света! И я, по замыслу всезнающий и всеведущий, не знаю и не ведаю, чего мне ожидать от всех этих тартаров, басурманов, катайцев и жителей Индии... Моих лазутчиков там либо убивают, либо они возвращаются с какими-то совершенно вздорными донесениями. Мои воины то и дело терпят поражения от каких-то грязных дикарей. Правда, удаётся кое-чего добиться и в Великой Тартарии, но всё это длится так долго, мучительно долго...

Под мраморной крышкой что-то пискнуло.

— Терпеть и ждать? — вскинулся Чезаре. — Я-то надеялся в одно прекрасное утро проснуться демиургом, а пришлось стать всего лишь жалким баронишкой, владеющим кучкой разбойников, земледельцев и ремесленников. Да, владения мои не уступают владениям Карла Великого. Но и не превосходят же! Я даже не могу отыскать мерзавца Джанфранко! Когда он убедился, сколь убого и несовершенно наведённое им заклятье, он в страхе бежал куда-то на Восток, и следы его затеря-

лись... Клянусь, я не тронул бы его и пальцем, если бы только он сумел воссоздать мир, равный прежнему. Я сам повёл бы каравеллы на открытие Нового Света! Я, правда, назначил награду за его голову, но ведь любую голову можно разговорить...

Князь Мира Сего устало опустил на плиты пола.

— Но дело даже не в этом, — прошептал он. — Я ошибся в главном. Торопиться мне некуда, и я в конце концов покорю всех этих царей, султанов, мандаринов и раджей. Но нет мне в этом мире равного соперника, без которого жизнь теряет смысл. В мире, где всё дозволено, нет и не может быть Бога. А следовательно, нет ни богохульства, ни богоборчества... Даже Чёрную Мессу некому служить! Он обманул меня тогда, в смертный час, когда стрелы французских лучников вонзались в мою слабую плоть! Как раз именно он и почувствовал во мне соперника, и выбросил за пределы прежнего мира, запер в этом адском зверинце! И теперь не у кого спросить мне совета!

В гробнице прохлюпало в том смысле, что ещё, мол, не вечер, а совсем наоборот.

— Хорошо тебе, папа! — напоследок повторил Чезаре. — А я-то зачем остался жить на свете да мучиться!

В этот миг лучи багрового света хлынули в Собор.

ГЛАВА 18

...Как ни странно, но средство, применённое бабками к слабосильному младенцу Липунюшке, оказалось действенным. Даже чересчур.

Липунюшка у себя в каравае прогрелся и окреп настолько, что выпростал из хлебной мякоти ручки и ножки, проковырял дырочки для глаз, поглядел на белый свет. Белый свет ему настолько понравился, что Липунюшка соскочил с подоконника и побежал по улице..

К счастью или к несчастью, по дороге он не попался на глаза ни богодулу, ни нищевроду, так что зря их царские прихвостни запытали. Прочие же люди глазели на бегущий хлеб и приговаривали: чего только спяну не примерещится!

Царевич благополучно добрался своим ходом до дремучего леса. Ножки у него быстро устали, он втянул их назад, и, после нескольких неудачных попыток, весело покатился по тропинке.

Вопреки сказке, ему не пришлось отвлекать зайца, волка и медведя звонкой песенкой, да он и не сумел бы её спеть.

Бедные звери попросту в ужасе бежали от непонятного создания.

С лисой, правда, так не вышло.

Лиса была старая, опытная, голодная. Она живо обгрызла хлеб и с удивлением воззрилась на полученного младенца. Липунюшка Патифоныч её нисколько не убоился и погладил по рыжей спинке. Потом, на эту же спинку опираясь, пошёл за лисой в её нору.

Учёные утверждают, что ребёнок, воспитанный дикими зверями, зверем же и становится, и среди людей жить ему будет несносно. Много они знают! Конечно, волки там, или медведи, или даже премудрые слоны не могут научить ребёнка жизни по людским понятиям.

А лисы — другое дело. Недаром в далёком Катаяе про них сложено немало легенд. Тамошние лисы запросто могут прикинуться неслыханными красавицами, чтобы изводить учёных студентов, или наоборот — учёными студентами для изведения красавиц.

Катайцы зовут их лисами-оборотнями, и неверно зовут, поскольку лисы людьми не оборачиваются, а только лишь прикидываются. Владеют эти существа особым прикидом.

Ерусланские же лисы не умеют прикинуться учёными студентами — это в Еруслании не всякий человек-то может. Но кое-что умеют.

И этого вполне достаточно для плодотворного сотрудничества с человеческими детёнышами.

Лисье молоко много полезней и питательней материнского. Скоро Липунюшка стал отрабатывать кормёжку для своей новой семьи. Конечно, лес полон опасностей, но зато уж тут никакая падучая в сочетании со свайкой ему не грозила.

Липунюшка выходил к деревне, выбирал с краю избу побогаче, сажал дворового пса на цепь (ведь собаки детей не трогают), потом укладывался на крыльцо и начинал жалобно, с переливами, орать.

Сердобольная поселянка открывала дверь, восклицала «Охти нам!», брала младенца на руки и тащила в дом.

В доме самоподкидыш разражался таким жутким рёвом, что немедленно будил всю семью. Спросонья все затыкали уши и не могли потому услышать переполоха, царящего в курятнике. А рыжие и хвостатые родственники Липунюшки возвращались в лес, отягощённые богатой добычей.

Не промах был и сам Липунюшка. Он, конечно, выбирал хозяев богатых, малолетних или бездетных вовсе. Бездетные счастливцы весь день возились с капризкой, тетёшкали его, совали в ротик ярмарочные сладости, пеленали мягкой тканью.

Липунюшка без усталости орал, надёжно перекрывая заполюшенный лай дворового стража. Потом хозяева сами себя корили, что позабыли спустить собаку на ночь.

Под вечер маленький злодей утихал, и его измученные усыновители пластом падали на скамьи да лежанки. Они и не чуяли, что подкидыш вылезает из колыбельки, подвешенной к потолку.

В течение дня он не только орал, но и зорко смотрел, что и где в избе плохо лежит. Потом собирал всё приглянувшееся, в том числе и деньги, заворачивал чужое добро в пелёнку и с узлом на плече покидал гостеприимный кров.

Если же дворовый пёс попадался подозрительный, ребёночку приходилось прикидываться лисом — и скорость больше, и привычней рыжему собак со следу сбивать. Узел при этом он не выпускал из зубов.

Ворованное мальчонка ташил не в нору. Лисам несъедобные вещи ни к чему.

Узел он приволакивал в некую лесную избушку на столбах. Туда ни одна тропинка не вела.

В избушке жила старая ведьма Синтетюриха. Она жила там давно — с тех самых пор, как из Ватикании просочилась в Ерусланию зверская мода охотиться на ведьм.

Чаще всего ведьмами объявляли красивых одиноких женщин. Как и в Европе, как и в Британии.

Синтетюриха же была не только красивой и одинокой, но к тому же ещё и учёной. И не простого рода была Синтетюриха. Многое она знала и умела. Только своё настоящее имя словно бы забыла, чтобы случайно не проболтаться заплутавшему доброму молодцу. Заплутавших добрых молодцев она кормила, поила и спать с собой укладывала. А вот есть она их не ела, это неправда! И не каталась, не валялась, их мясца поевши! Клевета!

Просто всякий молодец, переночевав в её избе, ни на что другое уж более не годился. Его можно было на хлеб намазывать.

Добры молодцы хранили гробовое молчание об лесном ночлеге; чтобы не позориться перед людьми. Да они и не нашли бы нипочём обратного пути!

Кормилась ведьма приношениями лесных зверей, над которыми получила большую власть. От зверей же она узнавала, что там творится на белом свете. Узнала и про Липунюшку.

Красавицей она к тому времени быть перестала, но вот одиночества не избыла. Самые лютые зимы Липунюшка переживал не в норе, а в тёплой избе. Слушал сказки про добрых зверей и злых людей, узнавал тайны трав, ход Луны и Солнца.

А в тихую морозную ночь выходила старая ведьма на крыльцо, обращала сморщенное лицо вверх и причитывала:

— Где вы, где вы, ясны звёздочки? Вы почто людей оставили? На кого вы их покинули? Оттого люди озлобились и едят друг друга поедом! Вы вернитесь, путеводные, воротитесь, негасимые!

— А что такое ясны звёздочки, бабушка? — спрашивал мальчик.

Старуха не отвечала, только плакала.

Добрых молодцев она уже, понятно, не привечала, только глаза отводила, так что вместо избушки на столбах они видели или волчью стаю, или рассерженного медведя. А медвежья болезнь свойственна не только медведям, но и добрым молодцам. Не такие уж они молодцы. Ещё неизвестно, из-за кого эту болезнь величают медвежьей.

Зато уж летом нельзя было Липунюшку в избе удержать нипочём. Только сходили снега, он мчался из родной избушки к родной же норе — поиграть с молодыми лисятами, пособить по хозяйству лисице-кормилице, пограбить добрых людей. Рыжехвостое племя, его приютившее, а ныне им опекаемое, расплодилось невероятно.

Предусмотрительная Синтетюриха велела молодым лисьим парам уходить подальше, искать новых мест и угодий, чтобы разорительные куриные грабежи не навлекли на эти края облаву.

Липунюшка рос жестоким и хитрым: иначе в лесу не выживешь, а среди добрых людей — тем более. Ведьма всё время напоминала ему об этом.

Иногда она пела песни на незнакомом, но красивом языке. Липунюшка слов не понимал, а запоминал крепко. Особенно одну: «Нель меццо дель камин ди ностра вита...»

Подкидыш вырос и окреп, он уже не мог прикидываться младенцем. Приходилось униженно проситься на ночлег. А прикидывался теперь он просто дурачком — это гораздо проще, чем лисом.

Однажды хозяева среди ночи проснулись, и

незадачливому грабителю пришлось уносить ноги. С большим трудом и явным чудом.

Тогда Синтетюриха стала давать ему в дорогу яд, именуемый непонятным словом «кантарелла». Чтобы сварить такой яд, нужна была живая свинья. Свинью пригнали знакомые волки, потеряв при этом в боях с волкодавами половину стаи, но рыкнуть на ведьму ни один не посмел.

Что бабка делала со свиньёй, Липунюшка не знал, только чушка при этом долго и отчаянно визжала.

Полученную отраву мнимый побирушка-побродяжка щедро и незаметно капал в посуду своих гостеприимцев, не забывая и про собачью плошку. Хозяева больше не просыпались среди ночи. Не просыпались они и утром, даже в самую жаркую страду.

Слухи о странных семейных смертях поползли по округе. Но люди обычно виноватили грибки.

А слухи ползли, ползли и приползли куда следует...

...Этому доброму молодцу не удалось отвести глаза мнимыми волками, а настоящие серые на зов не отозвались — охотились далеко-далеко отсюда.

Да пришелец и сам походил на волка. Только зубы у него были кривые и жёлтые. Их бы прятать, а он вежливо оскалился в дверях:

— Бона сэра, синьора!

Синтетюриха ахнула — она узнала незваного гостя.

К счастью, он её не узнал. Да и не её он искал.

ГЛАВА 19

Древний греческий мудрец Зенон придумал много хитрых вопросов. За хитрость их заслуженно и метко прозвали апориями.

Апории про стрелу и про Ахилла с черепахой знают все. А одна так и не дошла до нас, подзатерялась в столетиях безмыслия и варварства.

Называлась она «парадокс близнецов» и говорила о том, что в тюрьме и на воле время течёт по-разному.

Некогда жили два брата-близнеца. Не то в Авлиде, не то в Херонее. Скорее всего именно в Херонее, потому что добрую землю Херонеей не назовут.

Один из братьев прогневал местного царя, и тот заточил беднягу в тюрьму, но почему-то не казнил. Забыл, наверное. Или забыл, за что посадил. Но не отпускать же парня, не терять же лицо!

Двадцать лет прошло. Царь правил, правил и помер. Помереть он, хвала Зевсу, не забыл.

Новый царь на радостях помиловал и освободил всех узников. Так делают все новые цари, даже не очень хорошие.

Освободился и наш бедолага. Куда ему было идти, как не к родному брату? Вот приходит бывший узник в свою деревню и говорит:

— Где тут живёт Демокрит?

— А на что тебе Демокрит? — спрашивают в ответ люди.

— Так я брат его — Гераклит. Или вы меня не узнали?

Да где же узнать! Стоит перед ними старый

старик, седой, облысевший, морщинистый, ветром шатаемый. Кликнули Демокрита на всякий случай.

Приходит Демокрит — здоровенный цветущий мужик, чернобородый, густоволосый.

— Ты тоже не узнаешь меня, брат? Я же Гераклит!

Долго не мог его узнать Демокрит, а когда узнал, то горько заплакал.

Тут и поняли люди, что дни и годы в тюрьме текут очень медленно, а мчатся очень быстро. Год за два, а то и за три. Уж такой парадокс произошел в Херонее.

Потом обо всяком сомнительном случае стали в народе говорить: «Вот ведь херонея какая случилась!»

Потому-то, покуда Лука вёл неспешные беседы с доном Агилерой, узнавал многие удивительные вещи про окружающий мир и ещё более удивительные — про мир прежний, Настоящий, в окружающем мире происходили с великой поспешностью разнообразные события.

Тревожные вести приходили с рубежей Еруслании. Будто бы на далёкой окраине, в Буферных Землях, в замке гетмана Пришибейко, объявился пропавший царевич Липунюшка. Очевидцы клялись, что у самозванца налицо все признаки подлинного Жмуриковича — один глаз глядит на вас, а другой в Арзамас. Ко двору гетмана стали стекаться разнообразные бродяги, смутьяны и авантюристы. Да и в самой Еруслании мало кто был доволен правлением Патифона Финадеича...

... — Так наконец я в странствиях своих доб-

рался и до Еруслании, — продолжал свой рассказ лицензиат Агилера. — И везде — на постоянных дворах, на ярмарках, в грязных воровских притонах — я расспрашивал об одном: не видел, не встречал ли кто богомерзкого колдуна Джанфранко да Чертальдо. Мне казалось, да и сейчас кажется, что негодяй знает, как воротить мир к прежнему его состоянию. К тому времени я уже изрядно овладел наречием вашим — после языка ацтеков меня уже ничто не могло смутить.

Одного только я, к несчастью, не ведал — что Сесар Борха тоже разыскивает презренного Маэстро и что ватиканские агенты под видом нищих и богодулов наводняют вашу державу. Разумеется, меня приняли за одного из них и немедленно донесли! Я был схвачен, когда ночевал в стогу близ какой-то жалкой деревеньки. Но господь не попустил быть мне тут же повешену без суда. Видя мою великую учёность и благородную внешность, стражники доставили меня в столицу, и государь ваш соизволил допрашивать меня лично.

— А я вот его так ни разу и не видел, — признался Лука.

— Ты ничего не потерял, юноша. Слабый ум принцепса Ерусланского был не в силах понять ничего из моих речей о Новом Свете, о Прежнем Мире — в общем, обо всём том, что я тебе поведал со всей страстностью и убедительностью. А вот в то, что я могу предсказывать судьбу, он поверил очень охотно! Ведь я безошибочно рассказал дону Патифону о его прошлом. Правители вообще полагают, что могут существовать так называемые государственные тайны. Какой вздор! Да, каждый

подданный в отдельности может их и не знать. Но зато все вместе знают всё! И всякий разумный человек в состоянии сложить мозаику из разрозненных кусков.

Тогда государь потребовал, чтобы я составил его гороскоп. Слова такого он, разумеется, не знал. И я, дабы обезопасить себя от его минутных капризов, прибегнул к обычному приёму всех придворных астрологов...

— То есть звездословов... — мечтательно сказал Радищев.

Притча об огоньках, сияющих в ночном небе, крепко запала в чувствительную его душу. Он даже попробовал сложить виршу: «Ночь тиха. В небесном поле ходит полная Луна... Но она там не одна! Круг неё светила бродят, хоры стройные заводят...» Но далеко ему было до друга Тиритомбы!

— Впервые в жизни пришлось мне составлять гороскоп лишь по движению Солнца и Луны... Признаюсь честно, мироздание бракодела Джанфранко устроено столь примитивно, что у всех людей, его населяющих, один гороскоп и, следовательно, одна судьба. А такого быть не может. Но меня это нисколько не волновало. Короче, я предсказал государю, что он умрёт в один день и час со мной.

— Ловко! — восторгнулся Лука.

— Ловко, да не очень, — вздохнул дон Агилера. — Я-то предполагал, что меня тотчас освободят, обласкают и начнут всячески оберегать. Со временем я, несомненно, стану первым министром или главным советником, и уж тогда-то я не спеша, со знанием дела разыщу окаянного Джан-

франко и вытрясу из него все колдовские тайны. Не тут-то было! Ваш Патифон Финадейро оказался настолько труслив и суеверен, что распорядился держать меня здесь под неусыпным надзором. Правда, пища моя была не так скудна, как у прочих узников, — да ты и сам в этом убедился...

— Да, чёрной икры мне доселе пробовать не доводилось, — вздохнул Радищев.

— А кроме того, меня регулярно пользуют здешние лекаря, — сказал Агилера. — И они не так плохи, как я боялся.

— А девушек к тебе водят? — спросил атаман в тайной надежде, что ему тоже что-нибудь обломится, вроде как с чёрной икрой.

Лицензиат вздохнул.

— Я не хотел тебе об этом говорить, — признался он. — Ведь в твоём возрасте воздержание переносится весьма болезненно. Да, я коротко познакомился с воспитанницами матушки Венереи, особенно с Муркой Астральской — откуда бы взяться здесь такой фамилии? Ведь «астра» значит «звезда»!

Лука вспомнил Мурку и вздохнул ещё тяжелее. Про неё он тоже пробовал сложить виршу: «Там сидела Мурка в обществе ярыжек, а в руках держала протазан!»

...Тем временем вести с границы становились всё более тревожными. У самозванца уже скопилось изрядное войско, а воины Патифона Финадейча всё ещё безуспешно отлавливали по лесам настоящих разбойников — Брыластого да Киластого. Вот уже пал к ногам Лжелипунюшки пер-

вый порубежный город. Царю доносили, что вместе с претендентом едет Восьмирамида Акулишна и её возлюбленный конюх Бирон, и они на пару повсеместно подтверждают подлинность гнусных притязаний, особо подчёркивая разногласящие глаза. «Да нешто мать чадо своё не признает!» — говорили в народе и верили, потому что Восьмирамиду Акулишну не признать было нельзя: второй такой ни в Еруслании, ни тем более в иных землях быть не могло...

— Оно бы всё ничего, — жаловался дон Агилера. — О таком содержании на старости лет я и мечтать не мог. Но бездействие бесило и тяготило меня! И днесь тяготит! Как вспомню я собор Нотр-Сир-де-Пари, где святые и апостолы помещались местами с химерами и горгульями, так и начнёт меня колотить! — при этих словах старика и впрямь заколотило.

— Ну, химер с горгульями мы знаем, — сказал атаман. — Их тайком привозят купцы, и кое-кто им даже тайно поклоняется, такие они страшные!

— Наше счастье, что они ещё не оживают! — сказал Агилера. — Не всемогущ проклятый Сесар Борха, и я даже догадался, почему...

— Почему? — оживился Лука.

— Да потому, что Джанфранко да Чертальядо — бездарность! — яростно воскликнул старик. — Пути своих жалких светильников, которые вы именуете Солнцем и Луною, он расположил таким образом, что их орбиты, а вернее сказать — параболы, по которым они движутся, образуют в небесах незримый крест!

— Ну, это-то всякий образованный человек знает, — важно сказал Радищев. Он всё ещё не мог привыкнуть к мысли, что мир его создан не Тем, Кто Всегда Думает О Нас, а каким-то незадачливым итальянским механиком.

— А может ли быть всеильным Антихрист, коли над ним вечно нависает святой символ?

— Ну никак не может, — на всякий случай согласился Лука.

— Верно сказал блаженный Тертуллиан, что душа по самой природе своей христианка, — обрадовался старик.

Лука уж давно с ним не спорил...

...Узнав о поражении под Вязьмой, Патифон Финадеич впал в отчаяние. Он решил прибегнуть к последнему средству. Плевать уже было государю царю Всея Великия, Малыя, Белья и Пушистыя Еруслании на державу свою и народ, на планы грандиозные и затеи неслыханные. Левый глаз его смотрел теперь отнюдь не на Арзамас, а на столицу Британии, где жила королева-девственница Бритни Спирс.

Царь живо накорябал ей послание, в котором предлагал руку, сердце, все иные органы и тайные уды. Причём соглашался на свадьбу в самом городе Лондоне. Там он рассчитывал и переждать опасные времена. Рано или поздно свободолюбивый ерусланский народ, мнил государь, поймёт, что перед ним самозванец. Мало ли в мире косых! И тогда сбросят Лжелипунюшку с раскату, и труп его воровской сожгут, а пеплом набьют пушку да и выстрелят прахом поганым в ту сторону, откуда

его принесло на нашу голову! А для будущей супруги он уже приготовил в качестве свадебного подарка шитую золотом и камнями телогрейку...

— Крепко на тебя надеюсь, — говорил дон Агилера. — Некому мне более передать истину. Найди Джанфранко да Чертальдо и принудь его рассказать тебе всё. Он где-то здесь, у вас. Я уже почти напал на его след...

— Для того сперва надобно из тюрьмы выйти, — резонно заметил Радищев.

— Это легче легкого, — сказал лицензиат Агилера. — Из снадобий, которыми пользуют меня здешние лекаря, я составил своё, особое... Я его приму и стану как бы мёртвым. Узников здесь хонрят в мешках, вывозят за ворота и бросают на свалку. Ты заменишь меня в мешке...

— Ага, — сказал атаман. — Много ты знаешь, благородный дон, большого ума мужчина. Не знаешь только самой малости — здесь всякому мертвяку прежде выноса башку разбивают деревянной киянкой для верности...

Старец узловатыми руками ощупал голову молодого героя.

— Может, обойдётся... — неуверенно сказал он. — Может, твоя и выдержит. Явственно чувствую под пальцами шишку удачи...

Письмо пришлось Патифон Финадеичу отправлять не с посольской почтой, а через дерзких и вольных северных рыбаков-поморов. Да так оно и быстрее будет.

Поморы и в самом деле довольно быстро доставили не только послание, но и ответ британской властительницы. Войско самозванца ещё неспешно продвигалось с боями к Солнцедару, сильно отвлекаясь на грабежи и самоволие.

Патифон Финадеич дрожжащими руками сломал королевскую печать со львом и единорогом, развернул свиток...

Послание королевы-девственницы было кратким:
«ОН, YES!»

Верно подметили знатоки языка ерусланского:
«Уж замуж невтерпез!»

Патифон Финадеич был сильно взволнован. Знать-то он заморские буквы знал, но вот сложить их в слова по причине перепугу никак не мог правильно. И оттого пришёл в великий гнев.

— Кто ohyes? — вскричал он. — Я ohyes? Ах ты, пошлая девица Бритни Спирс! Да я своё родословие от самого Жмурика веду, а чрез него — от древнего Юлия Кесаря! Да ты недостойна у меня в отхожем месте полы шоркать! Да я велю тебя медведями затравить! Да я...

Тут глаза его косые затянуло багрянцем, забегали в них несчастные косоглазые же мальчики со свайками...

Царь повалился с лавки и захрипел.

Лекаря отворили ему кровь, но это лишь ускорило кончину...

— Знай же, о юноша, что вначале было Слово...

Вдруг дон Агилера-и-Орейро выпучил глаза и начал задыхаться. Губы его посинели, но всё ещё шевелились.

— Вот нагадал на свою голову... Спешу, сын мой, спаси этот несчастный мир из-под власти Сесара Борхи... У тебя получится, я знаю...

Лука понял всё и закричал:

— Дедушка! Не умирай! Как я без тебя? Ты мне ещё не все истины открыл! Как мне из тюрьмы-то выйти?

— Амнистия... — прошептал лицензиат. — И ещё помни: все люди тут ненастоящие, поэтому никого не жалею. И себя не жалею...

И закрыл навеки очи.

Тут-то потемнело в глазах и у самого Луки.

Тут-то он по-настоящему и понял себя сиротой. Одно горе наложилось на другое.

Атаман ещё нашёл силы добрести до двери и загрохотал в неё кулаком:

— Лекаря! Лекаря быстрее!

О подкопе он уже и не помнил.

А когда очнулся, никакого подкопа в стене не было. Не было и следов от него. И ксюша зловонная стояла на положенном ей месте. И не было здесь дона Агилеры, словно никогда не существовал он на свете. На этом свете.

И томильщики его ни о чём не расспрашивали.

ГЛАВА 20

Когда умирает великий государь (а Патифон Финадеич при всех своих пороках таковым всё же считался), другие великие государи считают своим долгом проводить его в последний путь. Этот обычай заведён издревле.

Кроме того, другие великие государи съезжаются главным образом за тем, чтобы посмотреть, нельзя ли по такому случаю чего-нибудь себе оттяпать от осиротевшей державы. И зачастую их надежды оправдываются. Недаром же воры кражу в доме покойника называют «халтурой», а самих халтурщиков считают ворами последнего разбора.

Бояре Патифона Финадеича, болея за безвластную отчизну и ожидая друг от друга всяческих подлостей, сочли за благо признать Липунюшку законным наследником. Деться-то им было некуда! Да и Восьмирамида Акулишна была самая что ни на есть настоящая. Она по старой привычке таскала бояр за солидно отросшие бороды и даже сделала попытку посадить на опустевший трон любовника своего, конюха Бирона.

Тут уж бояре не стерпели.

Бедняга Бирон так любил лошадей, что даже питался вместе с ними из яслей овсом и ячменём. Пришлось, вздыхая о скотине, накрошить туда грибов.

Схоронили его ночью и втайне на скотомогильнике.

Восьмирамида Акулишна рыдала искренне, так что даже высокопоставленные гости ей сочувствовали и прослезились. Султан Абдул-Семит — так тот собственноглазно всплакнул о своих погубленных сыновьях. А королева-девственница Бритни Спирс — та вообще рыдала в объятиях Восьмирамиды, полагая себя точно такой же скорбной вдовицей. Вместе с Патифон Финадеичем она хоронила и свою последнюю надежду выйти замуж. Британская владычица слегка утешилась, когда ей

преподнесли свадебную драгоценную телогрейку. Изроняли скупые слезы порубежные гетманы и магнаты, нунции и легаты, кардиналы и епископы ватиканские. Они теперь были в Европе и за королей, и за герцогов, и за графов.

Прибыл, чего никак уж не ждали, и сам Князь Мира Сего, Сын Папы, Кесарь Ватиканский. Охраны с ним было немного, да и та состояла из швейцарских кретинов и верного Микелотто, рыцаря клинка и пинка.

Жёны и девы ерусланские сочли Чезаре Борджа красавчиком.

— А что не плачет, не рыдает — так с чего ему горевать? — рассуждали они. — Наш Патифон Финадеи́ч ему никто, у Кесаря-дролюшки своё горе: Папа-то у него и жить не живёт, и помирать не помирает.

— А кто это у него на плече, что за тварь?

— Не тварь, дурища, а Внук Святой! Беленький!

Чезаре Борджа и в самом деле не горевал, а уж по Папе тем более.

Когда верный Микелотто нашёл наконец в ерусланских лесах таинственного юношу-лиса, Чезаре отнюдь не приблизил претендента к себе, он понимал, что ерусланский народ нипочём не признает ватиканского выкормыша. Хватит и того, что его матушка находится всецело под его, Чезаре, влиянием.

Липунюшка и вправду воспитывался в ерусланских понятиях при дворе порубежного гетмана Пришибейко. А вот сам гетман давно принадлежал Кесарю со всеми потрохами. Гетман втайне

надеялся выдать за будущего государя Еруслании свою дочь Параску. Она даже встречалась со своим суженым у фонтана, но впечатления на Липунюшку не произвела, поскольку не была ни рыжей, ни косоглазой. Ну да ничего, думал гетман, всё ещё впереди.

Сам Липунюшка, несмотря на хитрость свою и коварство, чувствовал себя среди людей неважно, временами взлаивал, норовил спать под кроватью, продолжал по привычке воровать кур и поедать их живьём. Даже встреча у фонтана не достигла своей цели только потому, что из розария некстати выгребся павлин. Липунюшка задавил и павлина, а бедная Параска в ужасе убежала, бросив загодя принесённую перину.

Восьмирамиду Акулишну Липунюшка называл матушкой лишь при людях, а наедине с родительницей поминал совсем другую матушку. И бабушку. О ней, старой Синтетюрихе, он тосковал ужасно, хотя и помнил, что в самый трудный час она придёт к нему на помощь — надо только сказать трижды верные слова.

Амнистии Липунюшка покуда не объявил, потому что и слова такого не ведал. Правда, узников выпустили в оковах на смотровую площадку башни — полюбоваться на похороны, так что они даже оказались в выигрыше по сравнению с прочими зрителями, пусть и венценосными — тем достался только площадной помост, да и то не больно высокий.

Узников, правда, вывели не всех...

Гроб с телом Патифон Финадеича стоял перед помостом на двух табуретках. В головах у него

убивалась Восьмирамида Акулишна, в ногах — королева-девственница Бритни Спирс. Британская самодержица до пояса была в трауре и под чёрной вуалью, успешно заменявшей телогрейку, а ниже пояса в каких-то синих, в обтяжку, портах. Обтянутое синими портами ерусланцам сильного пола сильно понравилось.

Первым взял слово Чезаре Борджа, и никто не возразил.

— Прощай, мой бедный царственный друг, — начал он по-еруслански.

В толпе одобрительно зашумели. Папин Сын прекрасно понимал — не приглянись он этой толпе дикарей — затопчут и не посмотрят, что Князь Мира Сего! Потом-то он, конечно, оживёт, но всё равно неприятный осадок останется.

— При тебе, — продолжал меж тем ватиканский владыка, — Великая Тартария стала воистину Великой! Ты верно служил своему народу! Ты принял державу с деревянной сохой, а оставил с каменным топором! В окне твоего дворца всю ночь не гас огонёк как знак твоих неустанных трудов на благо своей державы. Одной рукой ты карал врагов, а другой возводил свой Канале Гранде — неслыханное в мире сооружение, достойное египетских пирамид. Когда ты входил в зал моего придворного Совета Европы, то сильные мира сего вставали в знак почтения — даже парализованный кардинал де Аксинья! Ты заставил считаться с собой даже меня! Меня, который... — тут Чезаре Борджа закашлялся, поняв, что перегнул палку, да и Внук Святой предупредительно вонзил свои коготки в плечо. — ...который всегда был твоим

верным другом и братом! Между нами, не скрою, были трения и разногласия, как случается в любой семье, даже в семье народов. Но зато при тебе в мире был порядок. Покойся с миром, дорогой товарищ по власти! Заклинаю всех дьяволов преисподней, чтобы они были к тебе милостивы, водили к тучным пажитям и чистым источникам вод...

«Откуда бы там взяться пажитям да источникам?» — усмехнулся он про себя ещё и тому, как ловко и богохульно ввернул в свою речь эти слова.

— ...и чтобы нежное дьявольское пение сопровождало тебя повсюду! — закончил наконец Папин Сын.

Швейцарские кретины, взяв алебарды под мышку, захлопали в ладоши. Ерусланцы такого обычая не знали и потому оконфузились, стали было кричать здравицы покойному, но оконфузились ещё сильнее.

Лука с изумлением увидел, что сходить Кесарю помогают не кто иные, как предатели-панычи! Вон как возвысились!

Следующим был султан Абдул-Семит.

— О ты, неверная соба... — начал было он, но вовремя опомнился от пинка сапогом. Пинок принадлежал, ясно, Папиному Сыну.

— О ты, неверная и жестокая судьба! О приятель Солнца и близкий родственник Луны! Вот и к тебе пришла Разгонятельница Собраний и Прекратительница Наслаждений! Вот и ты вошёл в чертоги Пророка Басура как герой и победитель, и к твоим услугам будут прекраснейшие юноши, ароматнейшие дурианы, перебродившее кокосовое молоко и афганский гашиш превосходной очист-

ки! Ты будешь упиваться муками своих врагов, как упивался ими при жизни! Ты будешь охотиться на серн и тигриц, покоряя их своей мужеской воле! Пророк Басур посадит тебя у сердца своего, а может быть, даже уступит тебе своё место!

«Жди, жди, неверный пёс! — думал султан. — Уже сейчас ты, тысячекратно размноженный, горишь в тысяче огней и испытываешь боль тысячи человек! Проклятье, как чувствительно пнул меня этот султан всех шайтанов, мерзкий Даджжаль!»

— Настанет день, и мы встретимся с тобой в чертогах Басура, забудем все мелкие распри и станем вкушать мёд и нектар!

Басурман ерусланцы не любили, но не так сильно, как ватиканцев, так что султан заслужил даже некоторое одобрение.

А ветхий старичок, бывший на этот день микрополитом Ерусланским, лишь и смог выдать:

— Паки, паки... Иже херувимы... Житие мое...

И зарыдал.

И все зарыдали. Вот что значит найти верные слова!

Наконец настала очередь наследника. Языком Липунюшка владел довольно погано. Правда, речь его сочинил сам Кесарь, только записана она была хоть по-еруслански, но латинскими буквами. Даже хорошо грамотный человек не сумеет с ходу прочитать...

— Смерть вырвала... — произнёс он лающим голосом и замолчал, а достать его пинком Папин Сын не смог — мешала туша султана.

Царевич — да какой царевич, уже законный

царь! — собрался с силами, но сумел только повторить:

— Смерть вырвала...

Тут Лука не выдержал, словно на лекции, бывало. И про амнистию даже забыл!

— Это как же надо жизнь прожить, чтобы даже Смерть — и ту вырвало! — вскричал он зычным своим голосом, повергавшим в трепет бывшую шайку.

С минуту ещё длилось онемение толпы, а потом раздался такой хохот, что не только вороны, но и Внук Святой в страхе взмыли в воздух.

Хохотал даже Князь Мира Сего.

ГЛАВА 21

Поминки в Еруслании зачастую переходят в гулянку, а иногда, местами, даже в свадьбу. Правда, собачью.

О чём шли разговоры в застолье, молодой царь не помнил совершенно. Потому что к людской жизни его приготовили не до конца. Ни старой Синтетюрихе, ни гётману Пришибейко не пришлось в голову познакомиться питомца с зелёным вином и с тем действием, которое оно оказывает. Ему ни разу в жизни не подносили даже малого стаканчика.

Очнулся Липунюшка только на третий день, когда оттремели все поминальные речи, отзвучали все здравицы и отъехали все гости.

Бедный лисёнок остался наедине с огромной державой и огромным похмельем.

— Мама, мама! — позвал он.

Но не ткнулся привычно ему в щеку холодный носик, не погладила по волосам жилистая коричневая рука. Будила его, грубо теребя, совершенно посторонняя женщина — родная мать Восьмирамида Акулишна. По бокам её стояли, гнусно ухмыляясь, Тремба и Недашковский.

— Поднимайся, сынуля, — мрачно сказала Восьмирамида Акулишна. — Пора дела сдавать.

Восьмирамида Акулишна была одновременно и красивая, и страшная. Живи она в другое время и в Настоящем мире, про неё непременно сказали бы: «Вот оно, звериное лицо феминизма!»

Но здесь сказать такое было некому.

— Я царь или не царь? — поинтересовался Липунюшка из-под одеяла.

— Пока царь, — загадочно сказала Восьмирамида. — А там посмотрим.

— Пану Липунюшке ничего не угрожает! — поспешно утешил Тремба.

— Пан Липунюшка находится под непосредственным покровительством Кесаря! — добавил Недашковский.

Липунюшка с ужасом вспомнил всепроникающие зелёные глаза своего соседа за столом. О чём-то они с Кесарем весело спорили... Только вот о чём?

И ещё одно вспомнил Липунюшка — то, что постоянно твердила ему ведьма Синтетюриха:

— Бойся Кесаря! Не верь ни единому его слову! Правь так же, как прежний царь правил! Прикинься дурачком! Пусть он сам тебе поверит! А дальнейшее тебе лисье чутьё подскажет...

Пока чутьё ничего ему не подсказывало, а в голове гремели пушки, а во рту ночевали кошки.

— Как всё славно сложилось-то, сынуля! — продолжала Восьмирамида. — Не бойся, Кесарь тебя не тронет. Он хороший, добрый! Вон какие словеса ласковые про Патифошку сплетал! Ты сиди пока себе на троне, а править буду я. Я это очень хорошо умею...

Государственное устройство Липунюшке при дворе гетмана объяснили со знанием дела и даже дали денек погосподствовать при гетмановской вотчине. Он теперь знал, как следует наказывать нерадивых слуг, понимал, что следует соблюдать всяческие договоры, пакты, ордонансы и соглашения до тех пор, покуда не придёт час их нарушить.

Лисья натура велела ему покуда слушать нелюбимую чужую тётку.

— Лекаря... — прохрипел молодой наследник престола Ерусланского.

— Не сдохнешь, — сказала мама.

— С нами всегда так бывает! — уверили панычи. — И ничего — живы!

— Вон отсюда, холопы! — приказал Липунюшка.

— Ха, — ответила Восьмирамида. — Нашёл холопов! Я регентша есмь, а се — нунции, сиречь легаты кесаревы. Мы и сами тебя отсюда попросить горазды...

Липунюшка высунул голову на белый свет.

В царской опочивальне было душно и смрадно. Стражники у двери лупили zenки, но в разговор высокий, конечно, не вмешивались.

— Поднимайся, — продолжала мама. — Гора суд вершить праведный.

— Над кем? — не понял царь.

— Да над теми, кто погубил батюшку твоего названного, Биронушку милого...

Лиса, конечно, не волк, но лошади их тоже не любят. Заодно с лошадьми невзлюбил пасынка и Бирон, всяко его шпынял, отнимал пойманных кур и даже стегал арапником.

— Вели бросить в темницу боярина Лягушату да банкира Филькинштейна! — распорядилась мама. — А потом — на кол их!

Тут лисья натура начала действовать. Липунюшка сполз с кровати, ласково обнял маму, потом резко её оттолкнул и бросился к стражникам.

— Хватайте её! — приказал он. — Мама, мама! Что-то я не помню руки твои, хотя вроде и должен!

— Да как вы... — начала Восьмирамида Акулишна, но стражники словно бы ждали такого приказа всю жизнь. Как ни билась, ни орала возможная регентша, а скрутили её, выпихали за дверь и потащили, а куда — стражникам виднее.

— Теперь их, — кивнул царь на панычей.

Панычи в ужасе прижались друг к дружке.

— Нас нельзя! Мы священны и неприкосновенны! Договоры должно соблюдать!

Стражники вопросительно посмотрели на владыку.

— Ступайте к дверям и никого не пускайте, — распорядился Липунюшка. — Да велите найти боярина этого... и второго, кого она сказала...

Выглядел царь не по-царски: ночная рубаха вся в пятнах, глазки мутные и глядят вообще не пойми куда.

— И что мне с вами делать? — спросил он у панычей.

Перед волком лиса трепещет, но не перед гусями же! И прикидываться косноязычным дурачком было уже не перед кем...

Панычи явно растерялись.

— Н-надо выполнять уговор, — вымолвил наконец Тремба.

— Пора надошла, — уточнил Недашковский.

— Какой уговор?

— А тот самый, — сказал Тремба, — который вашамосць с Кесарем подписать изволили...

— Да ничего я не подписывал, — решительно заявил Липунюшка.

В голове у него прояснилось, и он понял, что угодил в какой-то капкан. Лисовин в таких случаях отгрызает себе лапу и умирает обескровленный, но свободный.

Царю отгрызать было нечего.

— Ничего я не подписывал, — повторил он.

— А это что? — и Недашковский вытащил из-под рясы, сверкнув лиловыми чулками, толстый свиток.

На самом-то деле Липунюшка читать умел очень даже неплохо — и по-еруслански, и по-итальянски. Синтетюриха постаралась. Это было весьма кстати, потому что уговор был составлен на двух языках. И подпись свою Липунюшка доподлинно признал — недаром столько раз упражнялся. Но ведь не подписывал же!

— Подписывал, подписывал! — заверил его Тремба. — На второй день поминок.

Царь-лисовин попробовал собрать разбегающиеся перед глазами буквы.

— Вашамосць может не читать, — сказал Тремба. — На словах будет понятней.

Оказалось, что бедный Липунюшка спьяну и сдуру заявил за столом, что в Еруслании, стараниями батюшки Патифона и при его, Липунюшки, самом деятельном участии наведён такой образцовый порядок, организовано такое правовое пространство, что невинная девушка с мешком золота пройдёт всю державу, не утратив при этом ни золота, ни невинности. То же самое касается и владений Кесаря, где порядок торжествует по определению. А коли пропадёт хоть одна монетка или не соблюдено будет девство, то он, Липунюшка Патифоныч, государь царь и великий князь Всея Великия, Малыя, Белья и Пушистыя Еруслании, по доброй воле отдаёт державу свою под начало Светлейшего Кесаря, Князя Мира Сего.

Ежели же означенная девушка пребудет благополучна и непоручена, то Светлейший Кесарь не только откажется от всяких притязаний на Ерусланию, но даже прибавит к ней от щедрот своих целых три города за пределами Великой Тартарии — Плюхнув, Трахнув и Вшистка Едно.

— Так нечестно... — в ужасе прошептал начинающий царь.

— Честно-честно! — загалдели панычи. — Вот и подпись, и печать, и свидетели руку приложили — султан басурманский и королева британская! А епископам с аббатами и счёту нет! Мы же будем осуществлять международное наблюдение — и всё то в ордонансе прописано!

Голова у Липунюшки продолжала болеть, но резко прояснилась.

— Ступайте с миром, — сказал он панычам. — Дальше моё дело.

— Девственница должна отправиться в путь не позже Вальпургиевой ночи! — напомнил Тремба.

Не прощаясь, панычи гордо вскинули небольшие свои головки и плавно пошли к дверям. В дверях они дерзко растолкали плечами стражников.

Липунюшка, оставшись наедине со страшным свитком, долго и внимательно изучал его.

Он попал в капкан — и даже не одной, а всеми четырьмя лапами.

Можно было бы, конечно, прикинуться лисовином и бежать в лес. Но бежать придётся через весь дворец, более того — через весь город, а в городе полным-полно собак, до которых собачья почта уже давно довела сообщения их сельских собратьев о нахальной рыжехвостой зверюшке...

Да и жить царём, не считая похмелья, было совсем неплохо. К этому его Синтетюриха и готовила.

«Выкручусь! — решил Липунюшка. — Всегда выкручивался. Люди слишком много о себе воображают».

Если бы ему сейчас перекинуться в лиса, то получился бы не лис, а седой песец.

— Ну, где там эти... — сказал он. — Зовите. Требую.

ГЛАВА 22

Ближний боярин Лягушата Исполатьевич Краснодевкин-Небитый был старый опытный царедворец. Он крепко приложил в своё время руку в деле устранения царя Финадея, но ухитрился при этом не оставить ни малейшего следа. Более того,

он был в большом доверии у свежепогребённого Патифона, он даже бороду свою сумел приспособить к царским капризам — она у него была словно бы выдвижная: в нужный момент исчезала и вновь вырастала. И никаких чужих волос, никакого клея! Больно, правда, было, ну да можно и потерпеть.

«Переживу и этого дурачка», — думал боярин.

Придворный же банкир Филькинштейн был и не совсем банкир, и не очень-то Филькинштейн. Звали его Еропка Филькин и давал он деньги в рост. «Штейн», немецкий камень, он прибавил себе для звучности, чтобы походить на настоящего германского банкира. Заодно освоил и тройную итальянскую бухгалтерию, создав её ерусланский вариант.

Тройная ерусланская бухгалтерия заключалась в том, что всякая третья денежка из государевой казны отходила после ряда сложнейших, никому не понятных расчётов непосредственно к Еропке. А Патифон Финадеич не устал удивляться — куда это деньги уходят, в какую прорву?

Боярин Лягушата был облачён в бобровую шубу на соболях и с такими длинными рукавами, что волочились они по полу. Оттого Лягушата строго следил, чтобы полы во дворце всегда были чисто метены. Шапка у него была высотой в половину боярского роста и скрывала полную лысину. А волосы на бороде истончились от постоянного снования туда-сюда.

Филькинштейн отличался долговязостью, постоянной бритостью, глаза прятал за стеклами очков и в разговоре постоянно глядел куда-то в сто-

рону. Еропка был ещё далеко не стар, но на старость отложил ох как немало.

— Та-ак, — сказал им Липунюшка вместо ответного приветствия. — Во что же это вы меня втянули, козлы?

Лисы-прикидчики, как и любая нечисть, считают козла главным своим врагом.

— Не козлы нас, надежда-государь! — взмолился боярин. — Что же мы могли поделать при этом изверге-Кесаре? Его бы сто лет сюда не пускать, да не моги: положено! Европейский Совет, общественное мнение! Его бы, по совести, зарезать, да и вся недолга! Он же нас к тебе близко не подпускал. Да и матушка твоя...

— Не мать она мне! Не мать, а преступная де-тоубийца! — вскричал царь.

— Это так, — согласился банкир. — Но, эччеленца, мы действительно были бессильны. Да и зарезать Кесаря невозможно, я про него знаю достаточно много. И помешать подписанию ордонанса я никак не мог: следил, чтобы гости не утащили чего-нибудь из посуды. Кстати, эччеленца, вы знаете, что пропили на поминках всю государственную казну? Да к тому же щедро одарили гостей?

— Как? Ещё и казну? — Липунюшка схватился за больную голову.

— Поправься, батюшка! — спохватился боярин Лягушата и достал из рукава веницейского стекла штоф.

Царь поглядел на посудину с отвращением.

— Именно! — хором сказали банкир и боярин.

Липунюшка принял штоф обеими руками, глотнул, давась, и прислушался.

— Ловко вы... устроились, — сказал он наконец, вовремя опустив слово «люди».

Филькинштейн тем временем внимательно изучал содержание свитка, даже на двух языках, чтобы не было двусмысленностей.

— Э сэмпре бене, — сказал он. — Я бы такого не подписал в любом состоянии. Но три города тоже не баран начхал. Хотя договор, конечно, неравноправный. Но мы не можем и признать его юридически ничтожным...

— Ну так ищите девку, наполняйте мешок! — раздражённо сказал царь. — И пусть отправляется...

— Эччеленца, но ведь она даже из дворца выйти не успеет...

— Зато я успею посадить вас на кол!

Косые глазки его так сверкнули, что боярин и банкир поняли враз: этот мнимый дурачок запросто свернёт им шеи, как курятам. А они-то думали...

— Девку мы найдём, — поспешно сказал боярин. — Девки у нас в деревнях страсть какие крепкие... О Тот, Кто Всегда Думает О Нас! Да ведь самая крепкая девка не поднимет мешка с золотом!

— И не отобьётся от разбойников, — добавил банкир. — Кроме того, в договоре ведь сказано: девка должна быть пригожей и *virgo*, а это, увы, не всегда совпадает...

— Точно, — сказал Лягушата. — А самые крепкие девки обычно и самые слабые на это дело...

— И никакой охраны, даже тайной, быть не должно, — продолжал Еропка Филькинштейн. — За этим будут строго следить. О, порко Патроне, зачем вы согласились на такое количество наблюдателей?

— Ни на что я не соглашался! — рявкнул царь-лисовин. — Это всё оно!

Потряс штофом в негодовании, но снова к нему приложился.

— Опынение является обстоятельством не смягчающим, но отягчающим, — вздохнул банкир. — Впрочем, можно подать апелляцию в Страсбург... Это даст нам выигрыш во времени...

— Мне не нужен выигрыш во времени! Мне нужен выигрыш вообще! Идиоты, вы что, не понимаете, что при Кесаре вам конец? У него своих таких навалом!

— Это-то мы понимаем... — вздохнул боярин.

— Ладно, — сказал царь. — Э сэмпре бене, говоришь?

— Это не я! — спешно отрекся от чужеземных слов Лягушата.

— Ну и ступайте, — устало сказал Липунюшка. — Толку от вас...

Не чаявшие такого славного исхода царедворцы попятились к двери, неустанно при этом кланяясь.

А Липунюшка, оставшись один, обратил лицо к окошку и воскликнул:

— О мамма миа! О мамма миа! О мамма миа!

ГЛАВА 23

Пробуждение Луки в этот день было ещё ужасней царского.

...Он уже распрощался с мыслью об амнистии, когда томильщик Водолага, ласково улыбаясь, принёс в камеру не миску с кувшином, а целый

поднос. На подносе были и чёрная икра, и жареный поросёнок, и коврига свежего хлеба, и зелёный лук, и бутылка рому, и много чего ещё.

— Теперь тебя либо казнят, либо выпустят, — сказал томильщик. — Всех уже выпустили и понасажали новых. Даже тех освободили, кто на канавушке трудился. Канавушка нам ни к чему! Мы не какие-нибудь просвещённые мореплаватели! Нынешний государь добр и милостив...

— Славно-то как! — зажмурился Лука и порадовался за братьев-разбойников. Совесть атамана очистилась — правда, за чужой счёт.

— Кушай, кушай, поправляйся! Наливай, не стесняйся! — подбадривал его Водолага. — Чтобы всё съел и выпил!

— Я и поделиться могу, — сказал Радищев и протянул нравственному мучителю своему непочатую бутылку.

— А я принять не могу, — отказался Водолага. — Служба!

И закрыл за собой дверь. И почему-то долго-долго гремел ключами.

Лука наполнил ромом мутного стекла бокал и немедленно выпил.

— Ого, ром-то какой крепкий! Неженатый, видно!

Потом атаман съел всю чёрную икру и размечтался. Вот он выходит из тюрьмы. Вот он проходит мимо своей альма матер и плюёт на её ворота. Вот он разыскивает своих ныне вольных сподвижников и возвращается с ними в родовую вотчину. Нет, сначала он зайдёт к Аннушке, упадёт ей в ноги и во всём покается, а друзья подтвердят,

и Тиритомба виршу сложит жалобную. Против поэзии ей не устоять, только надо будет за Тиритомбой приглядывать. Они с Аннушкой поплачут над батюшкиной могилой... Кстати, нужно будет прихватить и всю Аннушкину родню.

Поселян он отпустит на волю, наделив землёй. Потом с помощью друзей на месте разрушающейся усадьбы воздвигнет дом с таким большим бельведером, что оттуда можно будет видеть Солнцедар.

И вот уже новый государь узнает об их замечательной дружбе и требует к себе...

На этой мечте Лука и уснул.

Но пробуждение, как уже сказано, было ужасным.

Лука долго не мог понять, в чём дело.

Что-то было не так. И совсем не походило на похмелье. Что-то произошло с ним самим.

Лука, нё открывая глаз, провёл рукой по лицу. Бороды и усов не было. Даже щетины не чувствовали пальцы. Кто бы его брил, кому это надо?

Атаман открыл глаза. Рука была не его. Не его ручкиша. Ручка это была. Нежная, тонкая.

И грудь была не его. Вместо богатырской груди он ощутил трепетные девичьи перси.

Всё ещё не веря себе, Лука полез новообретённой ручкой дальше.

Дальше было пусто. То есть не просто пусто, а...

Лука вскочил. Кто-то сильно рванул его за волосы...

Это он сам себя рванул, рукой придавив к лежанке толстую золотистую косу.

— А-а! — закричал атаман и забегал по камере.

Нет, не по камере. Забегал он по девичьей светёлке. Тяжёлая коса металась туда-сюда. И голос тоже был уже не его...

— Опоили! Околдовали! — орал несчастный Радищев. Потом ломанулся в дверь.

Дверь была заперта, но засов от удара мигом треснул, и Лука кубарем выкатился из светлицы.

«Есть ещё силушка», — совершенно не к месту подумал он.

Галерея была пуста. Кричать уже не хотелось. Лука махнул ручкой, вернулся назад и присел на постель, обхватив ручками ланиты и уставившись на маленькие аккуратные ступни — раза в два меньше, чем были раньше.

Атаман долго не мог прийти в себя. Так человек внезапно узнаёт о смертельной болезни... Впрочем, к мысли о смерти узник уже привык.

Но как привыкнуть к такому? Что с ним? Уж не метемпсихоз ли?

— Должно быть, меня казнили, — сказал он, прислушиваясь к напевному своему голосу. — И душа моя переселилась, согласно учению Платону, в новое тело, памятуя, однако, о допрежней жизни во всех подробностях...

И зарыдал горько-горько, как никогда не рыдал даже в детстве.

Вдруг на ум ему пришла легенда о древнем греческом провидце Тиресии. За бабью болтливость греческие мнимые боги его в бабу и превратили. Бабой Тиресий ходил не до смерти, а всего лишь несколько лет, после чего над ним сжалились и вернули в прежнее состояние. Это обнадёживало.

Рассказывали также аглицкую байку о славном тамошнем мудреце Мерлине. Будто бы злая фея Моргана не только усыпила его, но и переслала в некую неведомую страну, заодно переменив и естество. Очнулся бедный чародей тоже в виде прекрасной девушки. За неслыханную красоту его здесь прозвали Мерлин Монро. Его полюбил здешний государь, которого выбирали на четыре года, а также брат государя и многие другие достойные рыцари. Мерлин и здесь стал царским наставником, и двор короля, как встарь, прозвали Камелотом. Но кончилось всё опять очень плохо...

Был ещё случай здесь, в Еруслании. Не совсем такой, но похожий.

Славный разбойник Яким Новая Изба был сильно охоч до женского полу, и в разбойничьих притонах любил порассказать о своих победах. При этом Яким с помощью рук объяснял, какие у очередной жертвы его страстей были формы. Но ведь предупреждают умные люди: на себе не показывай! И в недобрый дикий час выросли у разбойника немалые груди, как у поморской рыбаки. Так подлец, нимало не переживая, ещё и на пользу себе всё оборотил! Одевался в женское платье, соблазнял на дорогах купцов, распахнув душегрейку, а потом грабил их беспощадно. И к девицам втирался в доверие. Да, он же ещё и кормилицей, гад, подрабатывал! Младенцев кормил, а родителей опять же грабил!

— Мне же, видно, придётся к матушке Венерее в заведение идти! А там денег не платят, работаешь за палочки-«блудодни»! — зарыдал он. —

И то ещё неизвестно, примет ли. Да хорош ли... Хороша ли я собой?

Ему страсть захотелось поглядеться в зеркало. Никогда раньше такой потребности у атамана не было. Волосы он обычно расчёсывал пятерней, а стригся, как все, под горшок.

Но зеркальце он в порыве ярости и не заметил, как уронил на пол, разбив вдребезги. Дребезги были мелкие и отражать ничего не могли.

— Узнаю, кто надо мной сию каверзу учинил, и убью смертью! — пообещал себе Лука.

Потом вдруг вспомнил, какое тяжкое дело роды, и похолодел. Его, Луки, матушка как раз родами и умерла... Уж не за это ли ему наказание?

Да что роды! Не страшнее ли то, что таковым предшествует? Чтобы его, Луку Радищева, Платона Кречета, Нового Фантомаса, грозу красавиц и ужас мужей, какой-то неведомый мужичонка... Нет, нет, только не это! Лучше уж забраться на крышу и сверзиться с терема!

— Барышня! — раздался чей-то голос.

Лука поднял заплаканное лицо. В дверях стояла девушка в простом домотканом платье. Через руку у неё было перекинуто что-то пёстрое.

— Барышня! Вас государь требует к себе. Я вам одеться помогу...

Самостоятельно одеться Лука вряд ли бы сдюжил.

«Ничего, — думал он. — Вот новый государь станет меня на спальные снасти волочь, ко любви нудить, тут я ему всё и оторву. Есть ещё силушка и ухватка богатырская! А стражи, не сходя с

места, меня запластает саблями, и рожать не придётся!»

Ободрённый и повеселевший, он подошёл к девушке и поднял руки.

ГЛАВА 24

...Издалека, с башни, Лука не мог как следует разглядеть нового царя. А тут убедился, что и глядеть-то было не на что: косой, остромордый, на кончике носа какая-то чёрная нашлепка. То ли человек, то ли другой кто... Когда бы не скипетр и не держава в руках, за царя и не примешь. И глазки бегают, как мышки: туда-сюда, туда-сюда...

Рядом с престолом сидела на приставном табурете величественная тощая старуха во всём чёрном. В молодости, определил Радищев, была она, видно, известной красавицей. Старуха неустанно гладила царя по рыжеватым волосикам.

— Здравствуй, красная девица, — сказал царь.

— Ваше величество! — воскликнул атаман, мигом позабыв про вольнодумие и бунтарство. — Это недоразумение. Это не я! Это всё не моё — и ланиты, и перси, и чресла, и лядвеи! И журавушка не моя! Ничего этого у меня сроду не было! Я не девица красная, а страшный разбойник Платон Кречет — Новый Фантомас!

При новом голосе всё это звучало неубедительно.

— Полюбуйся, лада моя, какова ты разбойник! — сказал царь Липунюшка Патифоныч, укавав скипетром на стенное зеркало.

Лука неверными шагами двинулся в указанном направлении.

— А вот походка у тебя и вправду некрасивая, — сказал царь. — Щепетильно надо ходить, мелкими шажками, выкидывая ногу притом от бедра...

Но Лука даже не услышал руководящих указаний. В шитом жемчугом красном сарафане, в нарядном кокошнике из глубины зеркальной глядела на него Аннушка Амелькина.

Лука так и сел — аж сарафан затрещал.

Царь противно засмеялся.

— Ну вот, а ты говоришь!

Лука кое-как поднялся с полу и бросился в ноги государю.

— Ваше величество! А с ней-то что сотворилось? Неужто в моё тело ввержена?

Тут прыснула и грозная старуха.

— Да нет, — сказал царь Липунюшка, просмеявшись. — Она в своём теле. А её обличье ты принял потому, что много о ней думал. Но получилось очень удачно. И она будет жить при дворце до тех пор, пока ты не исполнишь мой царский приказ...

— Любой приказ выполняю! — вскричал Радищев с какой-то неистовой, холуйской страстью. — Только... Только на что она мне тогда будет? У нас тут, слава Тому, Кто Всегда Думает О Нас, не остров Лесбос...

— А наградой тебе станет, — сказал царь, перекладывая скипетр и державу из руки в руку, — возвращение в прежнее состояние. Так что уж постарайся...

— А в чём приказ? Я сейчас же полечу! Да я Кесарю самому голову сорву и сюда представлю!

— Не время ещё кесарям головы срывать, — вздохнул венценосный лисовин. — Но дело трудное. Придётся тебе взвалить на спину мешок золота и нести его далеко-далеко, до самого порубежья. А может, даже до Рима, чтобы уж никаких претензий не было... Не могу же я на такое дело настоящую девушку послать! Даже у... у зверей самец самку в драку не отправляет, а сам воюет за родную нору! Вот и ты порадей за отечество. Сбережёшь золото, соблюдёшь невинность — и прощу я тебе всякую вину и провинность. Возможно, даже сделаю тебя ближним боярином. Тебе же ведомы все разбойничьи ухватки. Только не вздумай золота украсть — пожалеешь. Аннушку я тогда в бардак матушки Венереи отправлю. Не похвалит Аннушка тебя за такое! И не вздумай рассказать кому-нибудь, кто ты есть на самом деле, — у Кесаря повсюду глаза и уши, международный контроль называется...

— И не вздумай потерять невинность, — вперые прогудела старуха. — Тогда я при всём желании не смогу воротить тебя в доблестные мужи...

— А, так это ты-ы... — догадался Лука. — А я-то думал, что всех ведём царь Финадей давно извёл...

— Индюк думал, — сурово сказала старуха. — Жалко мне тебя, конечно, только Липунюшку жальчее. А ты ведь мне вроде тёзки. Тебя Лукой зовут, а я когда-то была Лукрецией... Ты, сынок, ступай, — сказала вдруг она царю. — Утомился, поди, государственными делами. А я ещё с этим

красным молодцем потолкую... Или с доброй девицей?

Липунюшка оживился, вскочил с престола, уложил державу и скипетр в нарочитый ларец, помахал Радищеву ручкой, лизнул старуху в щёку и поспешил из тронного зала — должно быть, на птичий двор.

Лука с удивлением воззрился на мотающийся из-под царской мантии пышный рыжий хвост, но махнул рукой перед глазами — показалось...

Старуха поманила Луку к себе.

— Выручи моего лисёнка, — сказала она. — Он у вас в беду попал. Ах, не хотелось мне к прошлому возвращаться, венефициумы творить...

— Бабушка Лукреция, — сказал атаман, — а зачем этот мешок тащить куда-то среди бела дня? Если бы тайком да по ночам, оно бы и спокойнее...

— Конечно, спокойнее, каро мио. Только по условиям пари, что мой лисёнок заключил с этим... вырождаком, идти придётся явно и гласно.

Лука как-то сразу понял, что старуха зла ему не желает. Просто так получилось...

— А можно мне старую шайку созвать? — с надеждой спросил он.

— Нельзя, — сказала старуха. — Иначе тебе бы не шайку придали, а отряд опытных воинов. Но с ними-то всякий дурак золото донесёт.

— Не скажите, бабушка, — усомнился Лука. — На такую добычу столько воронов слетится...

— В том и дело. Потому я тебя и выбрала. Гляди веселей, белиссима! Женщина способна на многое! Одна из нас даже Римским Папой стала, и, если бы не вздумала рожать во время мессы...

— Да, бабушка! — вспомнил Радищев. — Я ведь не знаю, не умею женщиной быть. А как же эти все... — он покраснел. — Эти все дела?

— Не беспокойся, белла донна. Это тебе не грозит, я постаралась. Странно, что в этом мире, где Луна всегда в полной фазе, женщины остаются женщинами... Всё-таки болван этот Джанфранко!

Лука вздрогнул. Но решил бабке Лукреции ничего не рассказывать про дону Агилеру. У девиц ведь могут быть свои маленькие тайны?

— Ну, кое-какие неудобства придётся потерпеть. При малой нужде не вздумай задира́ть юбку — ничего не получится. Жаль, конечно, что ты не актер, — тем-то привычно ходить в женском обличье. Ничего, научишься. Я ведь вижу, что ты свою Анну любишь по-настоящему, иначе бы не принял именно её облик... Но одно я тебе обещаю: когда уж совсем припечёт, я приду на помощь. Только не по пустякам, а когда уж совсем... Заодно и нашу женскую долю узнаешь, — сварливо добавила она. — Это вам ох как невредно.

— Ты со мной пойдёшь, бабушка Лукреция? — обрадовался Лука. Разбойник да ведьма — это уже кое-что.

— Нет, я вернусь в свою бедную лесную хижину... Но знать буду обо всём, учти! У меня тоже глаз и ушей хватает! Ну, ступай к себе в светёлку. Там тебя и походке обучат, и всему, что полагается...

— А на Аннушку можно будет взглянуть? — расхрабрился Лука.

— У тебя на то зеркало есть, бамбино...

ГЛАВА 25

Провожали Аннушку Амелькину в далёкий путь с дворцовой площади всей столицей. Ведь не о тайном договоре шла речь, а о благородном пари.

Лука сам выбирал мешок под золото — крепкий, дерюжный. К мешку он пришил постромки-лямки, чтобы руки были свободными. В голенище ладного красного сафьянного сапожка засунул кинжал — всё равно под сарафаном не видно. Сарафан по дороге он этим самым кинжалом и распорет по бокам, а то шагать тесно. Щепетильной-то походкой далеко не уйдёшь! Как раз до седых волос шагать будешь! А насмешников уймёт так, что долго будут помнить!

Вот волосы, пока ещё не седые, доставили ему множество хлопот. Как же бедная Аннушка мучилась, промывая, расчёсывая и заплетая такую прорву волос! Воистину «девице краса — смертная коса»! Коса была такая тяжёлая, что даже голова болела. Атаман постоянно перебрасывал её то на левое, то на правое плечо. Потом сообразил скрутить косу в кольцо и спрятать под платок. Девке можно ходить и простоволосой, но не копить же в голове дорожную пыль!

За несколько дней обучения Лука освоил и соблазнительную походку (ох, не осталась бы эта ухватка навсегда — ведь паньчи за своего примут!), и обиход личика, и прочие нехитрые секреты девичьего ремесла. Горничные в простоте своей полагали, что обучают этикету обычную деревенскую халду, которой неизвестно за что досталась такая красота. Они ни о чём не догадывались,

хотя атаман, бывало, употреблял лихие разбойные слова, когда его расчёсывали да волосы драли из зависти, что у самих таких нет.

Он с ужасом наблюдал, как бы со стороны, перемены в своих обычаях: по утрам Лука тщательно заправлял кровать, следил, чтобы всякие щётки-гребешки-заколки были на месте и чтобы горничные не пользовались его пудрой и мазями. Не напасёшься дорогого привозного праха и притираний на всяких вертихвосток! Пушай мукой убеляются да свёклой ланиты мажут!

«Неужели и настоящая Аннушка такая же стерва?» — страшился атаман.

Самым горьким и унижительным было для школяра-разбойника освидетельствование на предмет невинности. Для этого бабки-повитухи усадили его на царский трон (другой подходящей мебели не нашлось) и заставили изображать лягушку. За бабками наблюдала от Совета Европы страховидная фрау Карла. Она решила, что всё яволь и зергут, и свою судейскую печать поставила. Надо же, какие у Кесаря порядки! Разве может баба судить и рядить? Нет, прав был добрый дон Агилера: нужно такой мир порушить.

Лука внимательно вглядывался в лица бабок-мучительниц и мстительно положил себе наперёд, когда всё кончится, расправиться с ними по-своему. Он даже придумал, что пришьёт под кафтан особую петельку, повесит в неё топор и пойдёт по столице высматривать гадких старух...

Кроме фрау Карлы, Совет Европы представлял ещё и дон Хавьер — чистый суслик с бородёнкой

и в очках. Ладно что его ещё к осмотру не допустили!

Зато дон Хавьер наблюдал, как в мешок грузят по счёту золотые монеты. Да это весь город наблюдал! Банкир Филькинштейн ужасно мучился, наполняя мешок, рука его не слушалась, пальцы не хотели разжиматься. Городские воры перемигивались, слушая царский указ об окончательном решении разбойного вопроса в Еруслании. О пари в указе сказано не было ничего, Аннушкин же поход представлялся как доказательство неслыханного порядка и благочиния в стране.

Тут же крутились и Тремба с Недашковским. Постоянно они норовили оказаться рядом с Лукой. Он куда не мог их проучить, зато нажаловался облыжно, что распутные паньчи то и дело его щиплют, обещал даже показать синяки. Красной девице скоро и охотно поверили на слово и тут же прилюдно высекли нунциев-легатов, несмотря на неприкосновенность. Здесь уж и дон Хавьер с фрау Карлой не смогли ничего возразить: коль скоро ты представляешь особу Великого Кесаря, так и веди себя прилично!

Лука, подбоченясь, разглядывал толпу, хотя полагалось бы ему стоять, сложив ручки и потупляя очи. Но ковырять носком сапожка булыжную мостовую он не забывал, показывая тем самым девичье смущение.

Атаман храбрился, но дрожи сдержать не мог. Ведь сразу же за городскими воротами... И некому его поддержать! Царь Липунюшка сидит себе на троне, щерится ободряюще...

Тут девичье око разбойника нашарило в толпе

знакомое лицо! Да и не могло его не нашарить: арап в Еруслании был только один.

— Позвольте, — сказал атаман дону Хавьеру и фрау Карле. — Где же это видано, чтобы благородная девица, каковой я, вне всякого сомнения, являюсь, отправилась в путь без служанки? Или хотя бы арапчонка? Ваши дамы в Европе все поголовно держат при себе арапчат! Кто будет отгонять от меня мух опахалом? Кто понесёт мою сменную одежду, украшения и прочее? Мне и мешка хватает! А я как раз вижу подходящего мальчонку!

За мальчонку Тиритомба вполне мог сойти, но в Солнцедаре-то знали, каков он малолеток! Зато не знали этого представители Совета Европы. Посовещавшись, дон Хавьер и фрау Карла милости-во согласились, а Липунюшка с трона подмигнул атаману: молодец!

Панычей высекли в самую пору: сейчас они лежали на лавках брюхом вниз и стонали. Им было не до арапчат.

Тиритомбу стражники выхватили из толпы. Поэт при этом визжал, что он амнистированный и за себя не отвечает.

Лука поманил соратника к себе. Поражённый красотой атамана, стихотворец онемел.

Лука погладил его по курчавым волосам.

— Согласен ли ты, мальчик, стать моим пажом? — прекрасным голосом спросил Радищев.

— Сударыня! — простонал Тиритомба. — Как мимолётное... Как гений... Конечно!

И бросился к ногам красавицы — поэтам такое не возбраняется.

Атаман наклонился к своему верному пажу.

— Тиритомба, — прошептал он. — Быстренько беги во дворец, сбрей эту свою волосню на щеках, переоденься в жилетку и шальвары, намотай чалму! Скажи девкам, что я велел! Велела! Губы намажешь, чтобы стали как у мнимого людоеда в балагане! Да помаду ищи аккуратно, не разбросай там всё у меня! А то я тебя знаю! Переверотишь весь комод, как чёрт рогом! Тремба с Недашковским здесь — смотри, чтобы не узнали! И чтоб никто не узнал!

— Леди Анна! Моя прекрасная леди! — простонал поэт.

— Бегом! — скомандовал атаман.

Ошалевший Тиритомба действительно бросился бегом.

— Как, однако, исполнительны здешние слуги! — восхитился дон Хавьер. — Неужели в Тартарии Гранде воистину царит порядок?

— Будем посмотреть, — сказала фрау Карла.

Сперва она хотела потребовать, чтобы арапчонка сделали евнухом, но потом передумала. Тиритомба ей явно приглянулся.

ГЛАВА 26

За городскими воротами ничего страшного не произошло. Более того, по краям дороги стояли нарядно одетые горожане и поселяне. Они выкрикивали здравицы, бросали в пыль первые весенние цветы. Среди них то и дело попадались переодетые ярыжки, узнаваемые только по испытан-

лицам. Всё-таки Липунюшка оказался толковым царём. Разве можно отказать своему народу в изъвлении восторга? Кто против этого возразит?

Жаль только, что Еруслания большая, и на весь путь восторженного народу не хватит.

Лука шагал на всю ширину сарафана. Плевать на походку, лишь бы ночь не застала в лесу.

Тиритомба еле поспевал за ним, не веря своему арапскому счастью.

Много поодаль за ними катилась запряжённая шестёркой лошадей карета с европейскими наблюдателями. Там и без дона Хавьера с фрау Карлой народу хватало. А ведь есть ещё и контрольные посты на дорогах! Они обязательно будут проверять печати на мешке. Хорошо хоть не девичество!

За каретой тащилась простая телега. Там, на сене, лежали мордами вниз Тремба и Недашковский. Возница легонько постёгивал гнедую клячу хвостинкой. Царь Липунюшка щедро предоставил посланцам своего брата Кесаря двух богатырских коней и выразил глубокое сожаление, что господа легаты не смогут передвигаться верхом.

Цепь ряженных вдоль дороги редела, редела и сошла на нет. Население кончилось.

Теперь можно было и поговорить.

— Леди Анна, давайте я понесу ваш мешок! — предложил Тиритомба.

— Да ты своё-то хоть унеси, — сказал Лука.

Верно, бедный арап и так еле-еле плёлся под тяжестью багажа своей госпожи. Атаман был де-вушка серьёзная, основательная.

— Леди Анна, я вам чрезвычайно признателен! Мог ли я мечтать! Что такое небесное создание!

— Я тебе тоже признателен, маленький разбойник. Особенно за письмо твоё...

— Какое письмо? — арап чуть не выронил свои короба.

— Да то, которое ты мне в тюрьму с дороги прислал. Про батюшку моего, про неповоротливого инвалида... Ночь, улица... Ты, братец, видно, здорово пьян был, коли не помнишь!

— Но я же не тебе... Не вам...

— Мне, мне. Я тебе сразу решил признаться. Не то ты ещё, паче чаяния, ночью полезешь меня за перси хватать. А я этого не люблю, когда ты меня за перси хватаешь.

Тиритомба сел прямо на дорогу.

— Вставай, вставай. Вот дойдём до того самого места, где первую ночь разбойниками ночевали, там и отдохнём.

— Кто вы, леди Анна? — пролепетал арап. Размалёванное лицо его сделалось серым. Потешно выглядел поэт в кожаной распашонке-безрукавке, в широченных алых, в цвет сарафана, шальварах, в туфлях с загнутыми носами. В тюрбан поэта были воткнуты павлиньи перья — видимо, царь-лисовин и тут поохотился.

— Я, мой бедный маленький друг, твой старый товарищ Лука Радищев.

— Не может быть!

Тиритомба заозирался, ища поддержки неведомо у кого. Но на дороге они были одни, не считая далеко отставших контролёров. Только в полях поскрипывали сошеньки, почиркивали лемешки: поселяне ерусланские приступили к весеннему севу. Да синела вдали гребёнка леса.

— Хорошо, что дождей в расписании покуда нет, — сказал Лука. — А то бы мы попрыгали в грязи. Ну да всё впереди.

— Как можно поверить, чтобы...

— Ты же поэт, Тиритомба! Где твоё воображение? Ведь для поэта любое чудо — обычное дело! Ну, произошло со мной чудо — обычное дело! Ну, не по моей воле. А жить-то надо! Вот когда ты мне поможешь исполнить царскую волю, тогда и увидишь прежнего Луку.

Тиритомба глядел на атамана с таким страхом, словно видел перед собой не писаную красавицу, а огромного говорящего таракана.

— Прими это как данность, — сказал Радищев. — Вспомни учение стоиков. Да отдай-ка мне свои узлы с коробами, а то свалишься ещё...

Тут поэт окончательно уверовал в чудесное превращение. Так поступить мог только Лука Радищев.

Освободившись от груза, Тиритомба весело запрыгал рядом с другом в сарафане и прыгал до самого привала.

— Как же мне тебя называть, атаман? — спросил он, уже сидя на траве и поедая пироги, полученные в дорогу от царских стряпух.

— На людях зови леди Анной. Мне такое обращение понравилось. И не на людях тоже зови, а то вдруг ляпнешь с непривычки... Да не капай маслом на шальвары! Я тебе стирать не нанималась! Лучше посмотри — ладно ли?

Атаман поворачивался и так и этак. Прекрасное тело мелькало в разрезах сарафана, приводя поэта в неистовство. Тиритомба протянул было руку, но тотчас же пребольно получил по пальцам.

— Зря я тебя, похабника, взял, — вздохнул Радищев. — Полагал родным человеком. А ты только об одном думаешь. Зарежу ведь! Ты же солнце нашей поэзии! Меня потомки проклянут!

— Прости, атаман, — сконфузился Тиритомба. — Не могу удержаться — столь ты хорош!

Радищев покончил с нарядом и тоже сел на траву, успев ещё ухватить последний пирог.

— Да, истинный рыцарь! Чуть не заморил прекрасную даму голодом... Ведь поэт, когда влюблен, должен чувства свои в самых изысканных виршах выражать, а не лапами своими погаными тянуться. Кстати, оружие-то ты взял?

— А как же! — и Тиритомба вытащил из мешка кривой клинок, обернутый тряпкой. — Ятаганчик из царской коллекции! Три сапфира в рукоятке!

— При чём тут сапфиры? А сталь добрая... Прицепи и никогда с ним не расставайся: в небобрый час придётся тебе и честь мою отстаивать!

— Слушай, атаман, а вдруг меня узнают?

— Да тебя родная мать... — начал атаман и осёкся.

Матери своей бедный арап не помнил. Отца тоже.

— Хорошо, — сказал арап. — Буду слагать вирши. И честь твою защищать, хотя бы и до смерти. Я, кстати, уже про это сложил куплеты...

— Про что?

— Да на смерть свою. Так и называется: «На смерть поэта, как если бы я погиб от злодейской руки». В задаток сочинил. А то мало ли кто потом захочет меня оплакать. Виршеплёт какой-нибудь армейский... Вот слушай:

Ай-ай-ай-ай! Убили негра!
Он пал, растерзанный толпой...

— Ну-ка хватит! — вскричал Радищев. — Что-бы я больше этого не слышал! А виршу порви, чтоб я её и не видел! Нечего накаркивать самому себе погибель!

— Хорошо, — сказал Тиритомба. — Может, ты и прав... Тогда слушай про другое:

Что ты жадно глядишь на природу,
На роскошное лоно её?
Обрати лучше взор свой к народу,
Посмотри на худое житьё!

До пупа разорвавши рубаху
И в сияньи свободы клинка
Ты в сраженье, в тюрьму и на плаху
За неряху пойдёшь мужика!

Ему некогда мыться, чесаться,
Погрязаячи в рабском труде.
Насекомые твари гнездятся
Все в косматой его бороде...

— Ну нет, — прервал поэта Лука, — не пойду я за неряху. Ещё чего! Ко мне, вот увидишь, князя и бояре свататься станут...

Тут атаман опомнился.

— Это и не вирши у тебя получились, а пропаганда! Она нам теперь ни к чему! Мужика ерус-ланского колом на борьбу не подымешь — пробовали уже!

Обидеть поэта может всякий...

ГЛАВА 27

Подниматься после привала не хотелось, да пришлось. Окаянный мешок был тяжёленек даже для Луки, нежная девичья кожа страдала от гру-бых лямок, и в ногах ощущалась слабость.

«А как же наши крепостные бабы?» — подбодрил себя атаман.

Дорога, ушедшая в лес, была пуста. Никто не догонял странников, не попадался навстречу — видно, государь, как уж мог, постарался.

Ташившегося позади обоза с контролёрами было не видно и не слышно. А слышно было только неистовое сопение арапа и скрежет зубовой.

— Ты вот что, — сказал наконец Радищев. — Ты не следуй за мной, яко паж, а ты беги впереди меня, будто герольд. А то сердце моё полно жалости: каково тебе, сладострастнику, на толико прекрасное стегно любоваться?

Тиритомба вздохнул и вышел вперёд.

— Невдолге уже покажется тропинка, по коей мы в лес ушли, — снова вздохнул поэт.

— Держи ухо востро! — предупредил атаман. — Самые наши разбойничьи места начинаются. Те же, кто сзади плетётся, нам не защита. Напротив, они и видеть, и знать не должны, что у нас неприятности. А то в первый же день договор нарушим...

— Ты это Фильке с Афонькой скажи...

Тиритомба постоянно оглядывался.

— Мог бы уже привыкнуть, — проворчал Радищев.

— Годам к девяноста, глядишь, и привыкну, — дерзко отвечал поэт.

А места были самые подходящие. Всякая птаха свистала весенним делом про любовь, мох в лесу так и манил повалиться, вековые ели стояли плотно...

Оглянувшись, поэт всякий раз бил себя рука-

ми по щекам и приговаривал: «Атаман, атаман, атаман...» — отгонял соблазн.

Показался наконец и утёс, на вершине которого Лука красовался по утрам на страх прохожим и проезжим.

Лука поднял голову.

На утёсе стоял человек.

— Эй, ты! — воскликнул атаман. — Уйди отсюда! Не твоё это место!

Человек не дрогнул.

— Согнать его? — предложил верный паж.

Лука присмотрелся внимательней. Нет, не человек это вовсе. Просто кто-то шулки ради набросил на деревце драный зипун.

От сердца отлегло.

— А скажи-ка, душа моя Радищев, действительно ли так хороша твоя Аннушка? — спросил поэт.

— Сам, поди, видишь, — потупился заалевший атаман.

— Да нет, — сказал Тиритомба. — Ты ведь являешь собой не самое Аннушку, а лишь своё представление о ней. Мы же всегда склонны идеализовать предмет своих страстей...

— Настоящая Аннушка в сто раз лучше, — нашёл в себе силы признаться Лука. — Вот когда бы коварный деспот не оставил её у себя в залоге, мы бы свернули к хижине бедного подёнщика, и ты сам бы убедился...

— Отнюдь! — воскликнул арап. — Отнюдь нельзя тебе видаться с Аннушкой!

— Это почему же?

— Да потому, что узреть доппельгангера своего, сиречь двойника, это к смерти...

— Спасибо за предупреждение... Однако для чего же так тихо? Что-то не хочется мне в лесу ночевать.

— И не придётся, леди Анна! — радостно воскликнул поэт. — Потому что недалеко уже мы от постоянного двора «Приют богодула»! Там будет много народу, там мы сделаемся безопасны...

...Постоялый двор «Приют богодула» являл собой маленькую крепость, ограждённую плотным, крепко устроенным частоколом. Ворота были заперты, а возле дверцы, в них прорубленной, стоял на часах крепкий байбак в тулупе, меховом треухе и с протазаном.

— Кто такие? Зачем? — вызверился байбак на красавицу и арапа.

Лука подал знак арапу помалкивать и произнёс самым нежным тоном:

— Мы, добрый человек, мирные путники. Я дворянская дочь Анна, а это мой верный паж...

— Не велено! Местов нет! Всё забито!

— Да мы как-нибудь... — жалобно сказал атаман. — Мы никого не стесним... Много ли нам надо места?

— Сказано же — некуда! — рявкнул из бороды байбак.

Подтверждая его слова, из-за частокола раздался хоровой взрыв смеха, подкреплённый пьяными выкриками. Ржали лошади. Доносились вкусные запахи.

— В лесу ночуйте! Нечего вам тут делать!

Женские чары на проклятого байбака никак не действовали.

— Подержи-ка узлы свои, — сказал Лука поэту.

Но расправы с байбаком не произошло.

Дверь раскрылась, и чья-то цепкая рука ухватила байбака за ворот тулупа.

— Ты что, дубина, творишь? Это же наши самые желанные гости! Проходите, дорогие мои! Вас уже заждались!

Говоривший был невелик ростом, но широк в плечах и вообще поперёк себя шире. Кое-кто мог бы определить его как гнома, но гномов не бывает. Лицо он брил, и оттого оно невольно казалось приветливым — особенно по соседству со злобной рожей байбака. По бороде стража уже текла юшка — ласковый крепыш как-то незаметно его приголубил за не вовремя проявленную грубость.

— Нешто вы про меня не слыхали? Я же Пихтуган! Меня всякий знает, кто по этой дороге ходит! А кто на дворе моём погостит, тот и вовсе не забудет до самой смерти! Проходите, ласковая барынька, вам тут полное внимание окажут! И ты уж входи, чернуший! Нас ведь загодя предупредомили, с утра готовимся!

Лука с арапом неуверенно вошли во двор.

Дом был сложен из вековых листовяжных брёвен в два яруса, да под высокой двускатной крышей имелось довольно места. Всё здесь было устроено путём: и конюшня, и сарайки, и амбар, и летняя кухня, и прочие надворные постройки. Из окон,

затянутых бычьим пузырём, лился яркий свет множества лучин или даже ламп: были уже сумерки.

— Вот она, дверца-то... Проходите, за порог не запнитесь.

Запнуться Лука не запнулся, но всё равно чуть не упал.

Их действительно ждали.

В просторном помещении собрался весь цвет ерусланского преступного мира.

Взгляд Луки-красавицы сразу же выхватил сияющие рожи Фильки Брыластого и Афоньки Киластого — они сидели во главе стола, словно жених с невестой. Дальше помещались злодеи поменьше — и Фешка Кобелев, и Васька Сундей, и Жгучий Блондин, прозванный так за то, что любой свой налёт он завершал поджогом, и Дедюля — Красные Штаны, и Родимец, и лихой черкес Алабашлы, и фальшивомонетчик Шулята, и скупщик краденого Ляпа Кишечник, и человекомучитель Простатило, и множество прочих, менее известных лиходеев. Благородное общество, томясь в ожидании, освежалось мутной брагой, заедая её луком и тёртой редькою...

Наособицу сидела единственная среди злодеев женщина в платье горянки, но кто она была такая — неизвестно, поскольку лицо её скрывала плотная занавеска из конского волоса — по басурманскому обычаю.

Лука онемел, а Тиритомба побледнел до такой степени, что никто в этот миг не признал бы в нём арапа.

Воцарилась тишина. Но ненадолго.

— Ну вот — дождались... — промолвил Филька.

Афонька же добавил:

— Вход рупь, выход — мешок...

— На всех, братцы, хватит! — радостно выкрикнул Жгучий Блондин.

— Девку мне! — сразу же забил красавицу чело-
векомучитель Простатило.

Лука дёрнулся было назад, но в двери надёжно стояли байбак и Пихтуган.

— Только слугу моего не трогайте... — смог вымолвить Лука.

— Да на что нам твой слуга, — ласково откликнулся Филька. — Но вот сдаётся мне, что я его где-то видел...

— Точно, — сказал Афонька Киластый. — Не тот ли это арап, что с Платоном Кречетом промышлял?

— Акула каната! Мугабе туту! Мандела мобуту нгуабе! Чакра кентавра! Сасаку нагата! — жалобно заверещал уличенный поэт. — Насреддин бабайка! Сенгар сенгор!

Разбойники несколько опешили, хоть и не сидели на конях.

— Не тот, — определил Афонька. — Тот, помнится мне, весьма складно по-нашему лопотал и даже песни любезные воспевал...

— А по мне — что тот арап, что этот, — сказал Простатило.

— Не в арапе дело, — напомнил Филька и замотал брыльями. — Ладно, пошутковали мы, барышня. Мы же с понятием, не то что некоторые... Ночуйте тут с нами, никто чужой вас не обидит...

— За всех-то не ручайся! — оскорбился чело-
векомучитель.

Тут Лука опомнился. Или он не был первый школяр на весь Солнцедар, не был первый разбойник?

— Любезные мои! — сказал он. — Ведомо ли вам, что я невеста собрата вашего — славного атамана Платона Кречета? Таково ли семёро богатырей царевну привечали? Они её звали милой сестрицей. Вот и вы меня зовите...

Злодеи недовольно заурчали.

— Видишь ли, милая сестрица, — сказал Афонька Киластый. — Негоже тебя вот так, с порогу, огорчать, а только правду не утаю: помер твой жених.

— Как помер?! — искренне ахнул Лука.

— А вот так. По малодушеству. То ли мы не знаем тут, что в столице деется? Сперва-то он держался как надо, словеса охульные метал, проклинал тиранов. А вот стали ему показывать пыточные снасти, так он со страху закричал и помер. Инда портки замарал. Те портки народу на площади показывали... Даже Кесарь-гость любовался...

Лука покраснел. Царь — подлец, деспот и сатрап! Да если бы он и вправду был умён и хитёр, то разве допустил бы такое сборище? Разве стал бы позорить бывшего Луку? Разве это честь государю?

— Вот когда бы жених твой умер со славою, — продолжал Афонька, — когда бы он перед смертью на Злобном Месте попросил прощения у честного народа и палачей своих проклял — тогда бы совсем другое дело. Тогда была бы ты почётная невеста-вдова. А так ты просто ходячее народное богатство... Ты скидывай мешочек-то, скидывай.

Нам до утра ещё надо всё поделить по чести, по совести...

— Половина моя, — сказал Филька.

— Вы делите, жалкие корыстолюбцы, — отозвался человекумучитель Простатило, — а я с красной девицей в горнице уединюсь. И чтобы ни одна душа, а то вы меня знаете! И арапа мне оставьте — не было ещё у меня арапов. Новые чувства, новые впечатления... А деньги — грязь!

— Алоха оз! Чумандра колыбала! — забеспокоился поэт. Тиритомба знал множество непонятных слов, а каких не знал, придумывал на ходу.

Но его никто не слушал. Пихтуган уже содрал с Луки мешок и согнулся до полу под его тяжестью.

— Как же ты его, деушка, пёрла-то? — изумился он.

Мешок водрузили на стол, безжалостно потеснив закуску и выпивку.

— Лапы прочь! — хором предупредили Филька и Афонька и вытащили засапожные ножи.

А Простатило вылез из-за стола, начал шарить обомлевшего Луку, потом стал подталкивать его к лестнице, ведущей наверх.

— И ты иди — свечку поддержишь, — милостиво предложил он поэту.

— Ступай, ступай, чудо ростовское, — благодушно заговорили разбойники. — С этикими-то деньжищами все бабы и так наши будут...

Простатило был тощий, поджарый, немолодой уже, но жилистый. Хватка у него была мёртвая.

— Узлы оставь! — приказал Филька поэту. — Они вам более не надобны!

— А как же мои румяна и белила? — всплеснул

руками Лука. — Я желаю перед кавалером во всей красе предстать!

— Верно, — согласился человекомучитель. — Только ты сама не трудись: я тебя потом сам раскрашу по своему обычаю... И арапа твоего раскрашу...

Одной рукой он ухватил за загривок атамана, другой — поэта и повлёк их наверх, на ложе своей противоестественной страсти. Тиритомбе, за неимением свечи, он вручил лучину.

Лука и Тиритомба покорно поплелись навстречу своей ужасной участи.

Горница была небольшая, с парой узких кроватей.

Простатило впихнул своих жертв в помещение и закрыл дверь на засов.

Убивать живых людей бывшему Платону Кречету ещё не приходилось.

«Они ненастоящие, поэтому никого не жалею...»

Голова атамана вдруг заработала ясно и чётко.

— Встань вот так, к свету, — распоряжался человекомучитель. — Чтобы всё было видно. Ты лучину-то выше держи, эфиоп мракообразный! А ты не торопись разболочаться! Я сейчас с тебя одёжу срезать буду...

Красавица-Лука ахнула и откинулась назад. Но не затем, что сомлела, а затем, чтобы достать из-за голенища кинжал.

По совести-то Простатилу следовало бы неторопко резать до рассвета на мелкие составные части, но тут уж было не до хорошего.

Кинжал вошёл насильнику в низ живота с изрядным проворотом. Он тоненько завизжал. Снизу донёсся одобрителный хохот.

Свистнул ятаган Тиритомбы, и голова человекамучителя слетела на чистые половики. Из осиротевшей шеи хлынула кровища.

— Практичный всё-таки красный цвет, — сказал атаман. — Правильный сарафан я подобрал... Эй, верный паж! Что делать-то будем? Со всеми нам не совладать...

А Тиритомба тем паче никого доселе не лишал жизни. Ему в шайке не доверяли даже кур и гусей. Но сейчас чёрное лицо его сделалось таким страшным, что Лука отпрянул и не понял — то ли он, Лука, испугался, то ли его девичья оболочка.

— Резать всех! — прохрипел арап. — И пусть никто не уйдёт нерезанным...

Лука поглядел на окошко. Оно, разумеется, было затянуто бычьим пузырьём, но имелась и решётка...

Атаман вытащил её без труда и поглядел вниз. То ли случайно, то ли намеренно под окошком были грудой навалены всякие железки — вилы, грабли, рожны... Прыгни-ка!

Лука приоткрыл дверь и глянул в залу.

Разбойники уже не шумели и не галдели. Они сгрудились вокруг грамотного, хоть и киластого, Афоньки. Афонька же угольком чертил на столешнице какие-то цифры и фигуры. Мешок стоял в стороне, и никто не смел к нему прикоснуться до окончания дележа.

Женщина в платье горянки продолжала сидеть наособицу и никакого участия в разделе добычи не принимала.

— Должно быть, это жена черкеса Алабаш-

лы, — шепнул поэт атаману. — По их обычаю в мужские дела баба не лезет...

В мужские дела баба действительно не лезла, а полезла она к себе под платье. Что-то сверкнуло, и разбойник Родимчик как-то странно закачался. Потом стал распадаться надвое и распался примерно до пупа. А горянка сидела себе безучастно.

Разбойники с недоумением глядели друг на друга. Потом полезли за оружием.

Тиритомба не растерялся, шмыгнул в горницу и вернулся с лысой башкой Простатины, держа её за ухо. Башку он швырнул на стол. Башка попала как раз в бутылку с брагой. Белёная жидкость смешалась с красной...

Разбойники пораженно поглядели вверх, увидели белеющий оскал Тиритомбы и окровавленный тюбан.

И тут же к навершию Простатины присоединилась голова черкеса Алабашлы. Горянка всё так же скромно сидела на своём месте.

— Не жена, значит, — решил Радищев. — Ну что, прыгаем?

И благородная дама со своим верным пажом прыгнули. Красный сарафан при этом взлетел круто вверх, и лиходеи растерялись: то ли им глядеть на останки боевых товарищей, то ли любоваться прелестями женского тела.

Горянка не преминула этим воспользоваться, а Филька схватился одной рукой за живот, другой за спину. И там, и там из него текло.

Атаман и поэт озверели — да ведь у них и выхода другого не было. Тиритомба визжал, орудуя

ятаганом, выкрикивал свои непонятные слова. Лука схватил табурет и принялся крушить головы.

Тут и горянка к ним присоединилась.

— Ай, джигит девка! — одобрила она Луку хриплым басом, вытаскивая кривой клинок из Дедюли.

Разбойники отбивались кое-как. А не пей ни перед делом, ни во время его!

— Килу ему отсеки! — приказала красавица верному пажу, указывая на Афоньку кинжалом.

Афонька не порадовался, лишившись привычного недуга...

Как следует дрались только трезвые Пихтуган и байбак. Сторож, даром что байбак, едва не поразил горянку остриём протазана, но Лука впору подставил свой табурет.

— Ты мне родной сестра будешь! — пообещала горянка и тут же обкорнала байбаку руки. — Со всем дрянью арслан-абреки были, — сообщила она, подводя итог боевым действиям и вытерла шашку об волосы Фильки Брыластого.

Лука схватил драгоценный мешок и взвалил его на спину. Тиритомба побежал наверх за узлами: зря говорят, что все поэты не от мира сего!

Наконец все трое оказались на дворе, залитом лунным светом.

— Кто ты, прекрасная амазонка? — дрожащим голосом спросил поэт горянку. — Открой лицо своё, чтобы я мог запечатлеть на устах твоих горячий поцелуй!

Горянка ответила незнакомым, но вполне понятным кратким словом. Потом подняла свою занавеску. Под ней помещались грозные очи, торчащие усы и чуть тронутая сединой борода.

— Рахит-бек из Секир-аула! — гордо сказала горянка. — Вы мне теперь сестра и брат. Мой жизнь — вам жизнь. Мой сакля — вам сакля. Сейчас будем дом грабить...

— погоди, — сказал Радищев. Возвращаться на место жуткого побоища ему не хотелось. — Ну, я-то в женском обличье понятно почему. А тебе-то оно зачем?

— Обычай требует, — вздохнул Рахит-бек. — Пока за отец не отомщу, чоху и папаху не надену. Так положено.

— Кто же отца твоего обидел? — спросил Тиритомба. Он был страшно разочарован тем, что боевитая горянка оказалась джигитом. Второй раз за день такой облом!

— Кесарев абрек, собака! Он отца грудь кинжал бросал! — прорычал Рахит-бек. — Я его кишки свиньям бросать буду! Он и в Риме не спрячется!

— Вот совпадение — и нам в ту же сторону! — воскликнул атаман. — А твоего обидчика не кличут ли Микелотто?

— Он! Он, слуга шайтана! Слушай, дорогая, а пошли вместе? Кони хорошие, вмиг нас домчат...

— Нельзя нам верхами, — вздохнул Радищев. — У нас клятва своя — пешком до Рима добираться...

— погодите, — вспомнил поэт. — А наблюдатели-то? Они же увидят, что здесь произошло?

— Пусть, — сказал атаман. — Пусть увидят, как батюшка наш Липунюшка Патифоныч с разбойниками расправляется... Друзья мои, да ведь мы теперь спокойно дойдём до рубежа! Все злодеи повержены!

— Кабы так, — вздохнул Тиритомба.

— Пойдём хабар брать, — настаивал Рахит-бек.

— Проти-ивно... — простонал Радищев.

Но вопрос о хабаре решил сам собой.

Жгучий Блондин очнулся от удара табуреткой, но не совсем, и, по своей привычке, поджёг залитый кровью дом. И даже попытался из него выбежать...

...— Хороший у тебя клинок, — завистливо сказал атаман.

— Гурда настоящий, — объяснил Рахит-бек. Отблески пламени горели на обагрённом лезвии шашки. — Бери, сестра! По-нашему не положено бабам оружие, но в Арсланстане ведь всё не как у людей...

— Да нет, не смею, — потупилась красавица-Лука.

— Бери, бери, — прошипел арап. — Не возмёшь — обида кровная!

Горцы живо интересовали поэта, он узнавал об их обычаях из книг. И даже задумал балладу о том, как отважный ерусланец томится в горском плену, а красавица из местных помогает ему бежать...

Лука принял клинок и благодарно прижал его к груди — всё равно красное на красном не видно...

ГЛАВА 28

— Ну, с одной-то стороны, оно бы и хорошо, — сказал Радищев. — Пусть сей славный сын гор нас оберегает незримо. Но вдруг его господа контролёры заметят?

— Рахит-бек неуловим... — с сомнением сказал Тиритомба.

— А чего ж он с разбойниками совокупно сидел и нас поджидал? Отчего они к нему не приставали по женской части? — не унимался Лука.

— Они, душа моя Радищев, давно знакомы. Не ты ли сам говорил некогда, что все разбойники — братья?

— Мало ли что я говорил, — проворчал атаман. — Но вот для чего он нашу сторону принял?

— А увидел, что мы и одолеть можем, тогда и переменил свои взгляды. Это в обычае у горцев: кому я клялся, я всем прощаю.

— Но ведь этак он и нас предаст!

— Обязательно предаст, — согласился поэт. — Я много чего про их племя узнал. Они всегда на стороне сильного. Так что всё от нас самих зависит.

— Пойдём-ка, покуда пожарище светит, — предложил Радищев.

— А спать кто будет? — возмутился поэт. — Я не железный!

— Ну тогда хотя бы отойдем подале... Эх, чёртов мешок! Вот в стране Катае, как нам о том Марко Поло трактует, деньги бумажные...

И поплёлся уныло вслед за поэтом, успокаивая себя: «Чего их жалеть? Они же ненастоящие... И сам я ненастоящий...»

...За спиной всё ещё мелькали всполохи большого огня, а впереди виднелся огонёк совсем маленький.

— Кто-то костёр теплит, — сказал Лука. — Вот у костра и отдохнём.

— А вдруг разбойники? — напугался арап.

— Так мы же всех разбойников перебили!

— Ну да. Ежели в одном пешем переходе от столицы такое творится, то что же дальше-то будет?

Они свернули с дороги и пошли к свету напрямки.

На поляне, окружённой кустами черемухи, и вправду горел костерок. К цветочному запаху примешивался другой — не столь изысканный, зато сытный. Котелок на рогулке весело булькал. Хозяин котелка оказался монахом, причём тем самым, что повстречался школярам в кружале «У семи нянек».

— Вот подлинный приют богодула! — радостно сказал арап, скидывая узлы.

Богодулы, конечно, приворовывали, но уж зато не грабили и не резали.

— Здравствуй, отче! — вежливо сказал атаман.

— Здравствуй, девица! Здравствуй и ты, отродье мавританское! — приветствовал их богодул. — Вот уж не чаял, что Тот, Кто Всегда Думает О Нас, пошлёт таких ночлежников — не бродяг подзаборных, а приличных людей... Что же это ты, красавица, по ночам дороги меришь, в отчем доме не ночуешь? На странницу ты уж никак не похожа...

— Гонит меня царская воля, — горестно простонал Радищев. Он свалил с плеч мешок и неуклюже повалился на траву, мелькнув белыми ляжками.

Богодул отвел глаза. Был он весьма немолод,

редок бородой, конопат и голубоглаз. Зубов у него было уже немного.

— Зовусь я братом Амвонием, — сказал богодул. — Ищу сами знаете кого. Я тут уже все камушки перевернул, под пнями смотрел. Даже ручей плетёнкой перегородил, но попались только несколько рыбок... А ложка одна! Пусть барышня первая попробует!

Он вытер ложку полый несвежей рясы и протянул атаману.

— Крупноваты рыбки для ручья, — заметил Тиритомба.

— Уж каких Тот послал! — развёл руками монах. — Да вы ешьте, ешьте. Мне-то двух ложек достаточно по скудотельству моему...

— Зря мы с разбойного пира ничего утянуть не успели, — сказал поэт. — Не люблю ходить в нахлебниках.

— Да вы не нахлебники, — успокоил его монах. — Вот вы мне дадите несколько грошиков, а я за вашу родню помолюсь, чтобы её на том свете полегче припекали... Что у тебя в мешке, барышня, — не знаю, как тебя и величать?

— Зовусь я леди Анна, — сокрушённо сказал Радишев. — А в мешке у меня...

— Свинцовый лом! — объявил Тиритомба. — Для тяжести.

— Свинец тоже металл, — сказал богодул. — Можно первому же кузнецу продать...

— Нельзя продать, — выдохнул атаман. Рот ему чуть не сожгло дармовой ухой — монах напихал туда всяких подходящих травок. — Говорю же — царская воля!

— Ты, Аннушка, юшку-то студи, дуй на неё! — посоветовал брат Амвоний. — Разве девушки пасть-то так за столом разевают? По половине каравая разве откусывают?

— Прости, отче, — сказал атаман. — С полудня маковой росинки не было...

— Чего уж тут прощать... Дело житейское... А только что это там давеча полыхало? Уж не постоянный ли двор?

— Да, — сказал Тиритомба. — Там какие-то пьяные мерзавцы с огнём баловались и запалили. Ни себе, ни людям. Ничего, я уже про них всё пропишу в поэме «Братья ли разбойники?».

— А я тебя знаю! — обрадовался богодул. — Ты тот самый арап, который...

— Ничего я не тот самый! — оскорбился поэт. — А коли узнал — так помалкивай! Тут дело госуда-рево — враз потащат на спрос!

— Да я и помалкиваю, — замолчал богодул.

Замолчал и поэт — потому что к нему перешла ложка и жалкий остаток каравая.

— Ничего-ничего, — сказал Радищев. — Это тебе за пироги.

— Так как насчёт помолиться? — напомнил монах. — Чертей заговорить?

Лука устраивался на ночлег и вдруг почувствовал некий позыв. Он запунцовел и пошёл подальше, чтобы не было видно и слышно.

Ничего. Управился. Даже сарафан не замочил.

Когда он воротился к огню, поэт и богодул всю спорили.

— Вот я у одного аглицкого афея в Западный Галс брал уроки чистейшего афеизма, — сказал

поэт. — И вот что подумал. Ведь вы, монахи, те же самые разбойники получаете!

— Это почему же? — оскорбился брат Амвоний за своё гостеприимство.

— Ну, к примеру, похитили злодеи у богатого купца единственного сына...

— Причём тут злодеи и купецкий сын?

— ...похитили и прислали отцу весточку: мол, выкупай, не то малыцу у нас придётся солоно. Отец кряхтит, выкуп собирает. А разбойники, чтобы его поторопить, присылают ему, скажем, сыновнее ухо...

— А при чём тут монахи?

— Вот так и вы. Давайте, мол, денег, не то усопшим вашим в чёртовых чертогах небо с овчинку покажется! И доказательств никаких не приводите! И воровать никого не надо, и уши резать — знай только деньги собирай!

— Да ты на себя погляди, копчёная рожа! — заревел богодул. — Ты же сам и есть первый чёрт!

— Мальчики, мальчики, успокойтесь, — проворковал атаман. — Время ли ныне теологией заниматься?

На землю тем временем опускались черёмуховые холода, и Лука сильно пожалел о сарафанных разрезах. Не застудиться бы!

Тут к ногам атамана упала бурка.

— Возьми, сестра, — сказал Рахит-бек. Как его конь подошёл к костру, не захрустев даже веточкой? — Азамат — добрый конь, — ответил на незаданный вопрос горец. — Эх, сестра, когда мы свои дела сделаем, выходи за меня замуж! Вместе

резать будем, грабить будем... — сказал он мечтательно.

— А пока спать будем, — командирским голосом приказал атаман. — Кто в первую стражу?

— Никакого стражу не надо, — зевнул Рахитбек. — Азамат сам услышит и разбудит. Я поглядел на неверных псов, которые следят. Раскинули шатры, пировали. Всех мог зарезать, как баранов!

— Нельзя, — со вздохом напомнил Лука.

ГЛАВА 29

На рассвете горец ускакал далеко вперед — ему полагалось делать вид, что к девице с арапом он не имеет никакого отношения.

Долго думали, что делать с братом Амвонием.

— Монах — тот же арапчонок! — доказывал богодул. — Монах не мужчина. Он девице не защита, но духовное окормление... Против этого даже ватиканцы не возразят!

— А если возразят? — сказал Радищев. Он уже успел переделать все утренние дела: почистить котелок, умыться в ручье и навести кое-какую красоту помимо природной.

Тиритомба же злобно ворчал:

— Не мужчина, не мужчина... Кабы не ряствоя, я бы тебе показал! Ладно уж, плетись, только всю дорогу молитвы воспевай, чтобы худого не подумали!

Совет пригодился на первом же контрольном посту Совета Европы. На богодула действительно не обратили внимания — он был не первый и не

последний. Стражники — не то мадьяры, не то баски — на сильно испорченной латыни задержали путников и велели дожидаться основных наблюдателей. Накормить странников при этом позабыли, да и не их это была заботушка.

— Зря их поселяне на вилы ночью не подняли, — сказал Тиритомба.

— Ты не забывай про панычей, — напомнил атаман.

Поэт вздохнул и начал пальцами развозить по лицу румяна.

— Чисто окорок подгоревший, — вздохнул Радишев.

Но всё обошлось. Оказалось, что на ночлеге Тремба и Недашковский затеялись лечить мягкие свои ткани особой мазью, но в темноте перепутали склянки и подлечились злой местной горчицей, так что безболезненно подняться всё ещё не могли и довольствовались голосами, доносившимися до их убогой телеги.

Лука и наблюдатели объяснялись на латыни.

Первым делом дон Хавьер обследовал печати на мешке и остался доволен. Потом поглядел на богодула и махнул рукой.

— Ерусланский монах — не инквизитор, — сказал он. — Пусть тешит вас, донна моя, своими убогими сказками. А в Вечном Городе вы нечувствительно уверуете в божественность Кесаря...

Фрау же Карла сразу же бросилась к Тиритомбе.

— Я тебя звать по всю ночь, — сказала она. — Вот так: «О, майн либе шварце буби! Ком цу мир! Ком цу мир! Дайне блау блюме. Пукт». А ты не приходишь, ферфлюхте кинд!

К сожалению, европейские женщины слишком близко к сердцу приняли ерусланскую поговорку «Не родись красивой», хоть и не знали её. Поэтому Тиритомбе пришлось снова изображать из себя малолетнего идиота, немало поступаясь при этом честью. Поэт агукал, бубукал и пускал пузыри. Фрау Карла всё же умилилась и стала его ласкать по кудрям, грозя стереть всю боевую раскраску.

Тиритомба воспользовался этим и принялся тыкать себе пальцем в рот.

— Ах ты бесстыдник! — хихикнула фрау Карла, но поэт жестоко окоротил её мечтания, сказав явственно:

— Ням-ням!

Фрау Карла разочарованно вздохнула и приказала принести из кареты недогрызенные свиные ножки с кислой капустой, яблочный штрудель и шнапс.

Поэт мстительно сметелил всё, нахально шепнув:

— Я о фигуре вашей пекусь, леди Анна!

Но Лука его не слышал, занятый серьёзным разговором.

— Что с вами случилось на постоялом дворе, донна? — строго спросил дон Хавьер.

— Мы подошли к нему в самый разгар пожара, экселенц, — ответил атаман. — И даже пытались спасти хотя бы кого-нибудь. Но увы! Пожары — истинное бедствие нашей Родины! Знаете ли вы, сколько раз горела даже наша столица? Мы — цивилизация дерева, но не камня.

— Вы, право, как дети, — скривился дон Хавьер.

— Ваша правда, барон.

— Я маркиз, — приосанился наблюдатель Совета Европы.

— Тогда ваша правда, маркиз.

— Даже если ваша миссия закончится благополучно — в чём я весьма сомневаюсь, — нам всё же придётся учинить над вашей державой опеку. Хотя бы прислать вам несколько пожарных команд...

— Ну, это уж как решит мой сюзерен, — сказал атаман. — Но, достойный маркиз, неужели вы так и будете следить за каждым моим шагом? Согласитесь, это весьма неприлично... Сами видите — даже грубые поселяне разбегаются, чтобы не смущать меня...

— Поселяне меня не интересуют. Я жду не дождусь ваших знаменитых разбойников...

— Уверяю вас — не дождётесь. Государи ерусланские истребили всех... А вот в ваших людях я не уверена!

— Помилуйте, моя донна! Они же выбраны всей Европой! Честнейшие из неподкупнейших!

— Да? А по лицам что-то не видно... Так что всё-таки держитесь подальше. Я не хочу огорчать своего государя. Угодать ему — первейший долг всякого ерусланца... и ерусланки. И ночевать в чистом поле, как нынче, я не собираюсь. Разве в договоре есть хоть слово о том, что мне надлежит почивать под открытым небом? Разве не имею я права воспользоваться сельским гостеприимством, откусать простую пищу землепашцев, покружиться в девичьем хороводе? Да я же попросту простужусь и заболею!

Дон Хавьер смутился.

— Ну... Ну, разумеется... Главное — сохранить золото и... это...

Он смутился ещё пуще.

— А вот это уж не ваша забота. Разве не имею я права, увидев пригожего молодца...

— Не имеете! — строго сказал дон Хавьер, и Лука понял, что слишком уж вошёл в роль. — Принесёте мешок в Рим, а уж тогда, возможно, и я попытаю счастья... Но что это с вашим платьем, моя донна?

Атаман прикрыл предательскую ляжку.

— Мы не на балу, маркиз. Мы всегда так ходим. Ну, конечно, вы не обращаете внимания на то, как одеваются ерусланские дикарки... Кстати, должна же я где-то менять одежду, мыться и стираться? Неужели и это подлежит вашему контролю?

— Я не знаю, — растерялся маркиз. — Нужно спросить у господ кесаревых нунциев...

— И спрошу! — сказал Радищев, направляясь к телеге.

На панычей смотреть было ещё страшней, чем на Тиритомбу и даже на фрау Карлу. Больные места у Трембы и Недашковского покрыты были грубой дерюгой, над дерюгой вились зелёные мухи.

— Болезные мои, — запричитал атаман по-еруслански. — Что же эти изверги над вами сделали?

— Варварская страна... — простонал Яцек. — Нас высекли ни за что, ясновельможная панна! Мы будем жаловаться!

— Ни за что у нас не секут, а засекают на-

смерть, — сказал Радищев. — Девичья честь для нас превыше всего. Не надо было меня щипать!

— Мы не щипали... — прохрипел Недослав. — Нам вовсе нет дела до кобет. Мы сами...

— Ладно, не оправдывайтесь, дело молодое! — подбодрил их Лука. — Государь наказал вас по-отечески. Он бы и сына родного не пожалел за такое охальничество! Ну да я вам помогу.

Красавица-Лука отошёл в сторону, сломил ветку и стал отгонять мух от болящих, то и дело норовя с потягом коснуться дерюги.

Панычи завизжали.

— Мухи заразу разносят, — пояснил атаман. — О, убил! Убила! Может, вас дёгтем помазать, чтобы не лезли?

— Не надо дёгтя...

— Или клистир из ревеня?

— Не надо клистира...

— Ничего! — бодро сказал Радищев. — В первой же деревне найду знахаря и пошлю к вам. Будете как новенькие!

— Не надо знахаря... Надо медикуса...

— Медикусы — смерти помощники. А знахарь пошепчет, йодом помажет — и всё как рукой... Ага! Ещё одна!

Потом Лука решил, что панычей на сегодня мучить довольно, и вернулся к дону Хавьеру.

— Нунции не возражают, — доложил он.

— Значит, расстаёмся до следующего поста, — сказал маркиз. Он сверился с картой. — О, вот тут как раз обозначен посёлок Кучер... Кучер... Проклятые тартарские имена!

— Кучердаевка, — подсказал Радищев. — На-

следственное имение дворян Радищевых — древнейший, доложу вам, род! Усадьба, конечно, старенькая...

— Да вы, моя донна, гляжу, знаете здешние окрестности!

— Ничего удивительного. Все ерусланские дворяне — родственники. Разве у вас не так?

— Так, — сказал дон Хавьер. — Но как раз между родственниками зачастую и бывает самая страшная вражда. Не сгореть бы и этой усадьбе!

— На всё воля Того, Кто Всегда Думает О Нас, — развёл руками Лука.

На прощание маркиз поцеловал ему запястье, и атаман пошёл вызволять своего пажа из-под опеки фрау Карлы.

Госпожа наблюдательница, не в силах добиться большего, расчесала пьяненькому поэту кудри и заплела их во множество мелких косичек. На Луку она глядела с нескрываемой ненавистью.

— Ну, теперь никакие паньчи не узнают! — воскликнул атаман. — Дánке шён, фрау Карла! Ещё немного усилий — и мой паж будет у ваших ног! О, как я вас понимаю, гнедиге фрау!

ГЛАВА 30

...Лука глядел на сызмальства знакомую липовую аллею, на разрушающиеся усадебные колонны, на родные лица поселян. Сейчас усадьбу ломали, а к новой постройке были уже приготовлены кирпичи. Из аллеи доносился стук топора. В пруду плавал мусор и нечистоты. С конюшни

доносились знакомые всякому ерусланскому человеку звуки: «Чюки-чюк! Чюки-чюк!»

— Такова и есть мерзость запустения, — заметил брат Амвоний.

Сейчас странники были относительно свободны. Дон Хавьер и фрау Карла находились от них на приличном расстоянии. Правда, фрау взяла с поэта слово, что ночью у них непременно случится романтическое свидание в беседке.

Тиритомба прикинул, что к ночи мужички уж как-нибудь расщеплют беседку на лучину, и охотно согласился.

— Это кто шляется по моей родовой земле? — раздался хриплый голос.

Голос принадлежал крупному мужчине в нанковом халате и с бакенбардами. Профиль мужчины можно было печатать на монетах. Полные губы его кривились.

— Простите, милостивый государь, — сказал атаман самым вежливым голосом. — Во-первых, мы здесь по государеву повелению, вот и подорожная по казённой надобности. Уже по одному этому мы могли бы рассчитывать на ваше гостеприимство. Во-вторых, сия земля вот уже триста лет принадлежит благородному роду Радищевых. Это наши дальние родственники, и мне не раз приходилось очаровательной малюткой бегать по аллеям, ныне безжалостно вырубаемым.

— Нищebroды, — ещё сильнее скривился крупный мужчина. — Там, где земля Чурилы Сысоевича Троегусева, нет никакого государя. Вы в моей воле. За ночлег барышня, конечно, может расплатиться со мной, а прочих я велю драть на конюшне...

«О, как чудовишно эти мужчины обращаются с нами! — вознегодовал Лука. — Как мало прав нам дано...»

Покуда он всё же сдержался и предъявил подорожную. Чурила Сысоевич прочитал её вверх ногами, хмыкнул и сказал:

— Ладно, переночуете на псарне. Да не кривитесь! У меня собаки лучше иных дворян живут. Барышню тем не менее попрошу отужинать со мною...

— Я требую также накормить моих спутников, учитывая то, что один из них — мой духовник, а другой — Мирза-Хосрев-паша, посланник султана!

...Даже в развалинах старой усадьбы Чурила Сысоевич ухитрился окружить себя самой пышной роскошью. Мебель была самая оригинальная, какую приходилось видеть: стол, например, каким-то непостижимым образом переходил в альков...

«А ведь у него и денежки должны водиться», — подумал разбойничий атаман.

Покамест Лука весьма охотно подкреплялся. Когда же рука Радищева зависла над бокалом...

«Э нет! — решил Лука. — Не на такую напал! Подпойт, а потом ка-ак... Вот зверь алчный, пиявица ненасытная! Растлитель девичьих сердец! Ужо тебе!»

«Ужо» наступило довольно скоро. Барин Троегусев, возвеселившись от вина в сердце своём, начал протягивать к атаману свои неожиданно маленькие ручки.

— Вы суперфлю! Же ву зем! Придите в мои объятья, чаровница, не то я прикажу своим гайдукам держать вас за руки и за ноги, и уж тогда...

— Ах, я не в силах противиться вашему чувству, ужасный! Умоляю, скорее, скорее сделайте мне амур!

С этими словами атаман вскочил и забегал по зале, задувая канделябры.

— Пуркуа ву туше? — возмутился Чурила Сысоевич. — Я привык при свете!

Но мрак уже покрыл залу. Горлом благородный барин почувствовал что-то холодное, и нежный голос произнёс:

— Ни слова, или вы пропали! Я Радищев! Где деньги? Деньги где, сука ложнощенная?

...Не терял времени и Тиритомба. Он, к ужасу своему, убедился, что в беседке ещё и конь не валялся, а значит, придётся идти на роковое свидание. Поэт в страхе метался по засыпавшему поместью, пока не услышал чьё-то ворчание...

Никакое знание в человеке не бывает зряшным. В своё время школяр Тиритомба шлялся с цыганским табором и наострился управляться с медведями. Смело отвязав косолапого, он потащил его за кольцо в носу по залитому луною саду к беседке, где уже страстно томилась представительница Совета Европы.

— О, майн ласковый и нежный зверь! Майн либер бэр! Я вся твоя!

До утра раздавались её крики и жалобный визг косолапого. Но в усадьбе уже и своего шума хватало...

ГЛАВА 31

... — Однако это становится подозрительным, моя донна! — сказал дон Хавьер. — Где ни ступит ваша прелестная ножка, везде возникает огонь! Как бы вам самой не взойти на костёр за пиромантию!

— Никакой пиромантии, благородный маркиз. Какая у нас, к чертям, пиромантия, когда вся дворня по случаю нашего приезда перепилась и уронила канделябр! Наш бедный хозяин в одном шлафроке и ночном колпаке бродит по пепелищу! Но это не помешало ему поделиться с нами деньгами и припасами. Такова уж загадочная ерусланская душа...

Радищев врал, уже с удовольствием вспоминая, как горели в запертом доме барин и его псари да егеря. Мужики тоже пришли полюбоваться...

«Они все ненастоящие», — напомнил себе атаман.

— Посмотрим, пройдёт ли такой номер в каменном замке, — продолжал подозрительный маркиз.

— Ах, оставьте, дон Хавьер, — сказала растерзанная, но счастливая фрау Карла. — Всё было абгемахт в эту ди штилле нахт Пукт. Я поцеловала майн шварце киндер, и он тотчас сделался медведь! Дас ист айне гевюнлихе вундер — обыкновенное чудо! Наши подопечные могут идти дальше. Буби! — погрозила она пальчиком содрогнувшимся поэту. — Твоя Карлхен немножко устала, но очень скоро...

Тиритомба ускорила шаг. Его нынче не тяготи-

ла даже поклада. Ладно, сейчас отбоярился, но ведь на такую никаких медведей не напасёшься! Бедный мишка, должно быть, уже убежал в северные леса и стал там белым, чтобы не узнали...

А брат Амвоний, спавший всю ночь свойственным ему сном праведника, только и сказал:

— Ну и натворили вы тут делов!

Потом он предложил атаману проявить милосердие и навестить болящих.

Тут Лука к великому своему изумлению обнаружил, что панычей-предателей ему жалко. Как малых и неразумных детей. Он только не мог разобраться: то ли это снисходительность зрелого мужа оказала себя, то ли простая бабская жалость. Вообще в душе Радищева происходили столь сложные и необъяснимые дела, что распространяться об этом не стоит даже сейчас. На то имеются другие, более мудрёные и ядрёные сочинения.

Тремба и Недашковский уже несколько окрепли, могли отходить от телеги за нуждой. Но, возвращаясь, укладывались всё же на животы.

— Ну, как себя чувствуют ясновельможные паны? — спросил атаман.

— Кепсько, ясна пани... — сказал Тремба.

— А вольно же вам было соглашаться на такую службу! — сурово сказал Лука. — Разве истые шляхтичи следят за панёнками?

— То веление Кесаря, — сказал Недашковский. — Нам за то обещана великая награда...

— И что за награда?

— Слична пани, — с чувством сказал Тремба. — Великий Кесарь за то нам обещал, что по-

венчает нас надлежащим образом в Ватиканском соборе и дозволит в знак крепости брака трижды обойти гробницу Папы...

— Вот до чего людей доводит любовь, — вздохнул понимающе атаман. — И какова же ваша задача? Должна я донести золото до Рима или как?

Тремба и Недашковский мгновенно зажали друг дружке рты.

— Понятно, — сказал Радищев. — Брат Амвоний, ты бы попользовал их раны!

Панычи, не стыдясь сличной паненки, обнажили секомое.

— Ой-ой! — запричитал брат Амвоний. — Плохи ваши дела! То ведь не мухи над вами кружатся — то смерть ваша...

Панычи зарыдали, что им суждено помереть невенчанными.

— То-то, — сказал брат Амвоний. Видно, милосердие у него было особым. — Вы у чертей своих рогатых помощи просите, а Тот, Кто Всегда Думает О Нас, на вас презрение положил...

— Но, брат монах, ведь Кесарь же ясно дал понять в своей последней энциклике... — начал Тремба, прекратив умирать.

— В какой такой энциклике? — елеинно спросил Амвоний.

— В ежегодном послании. Там же всё прямо сказано!

— И что же там сказано, чёртовы детки?

— Вам по-латыни или как? — спросил Тремба.

— Борзостей латинских не текох, — гордо ответил брат Амвоний.

— Тогда я переведу. «Сказал поэт: «Добро долж-

но быть с кулаками». А я вам говорю, что не только с кулаками, но и с копытами, с рогами, с хвостом! Ибо и бесы веруют...»

— Ну, раз они веруют — они вам и помогут, — сказал брат Амвоний и пошёл прочь, сочтя своё милосердие исчерпанным на сегодня.

— Ничего, мальчики! До свадьбы заживёт! — игриво сказал Радищев и пошёл следом за Амвонием: его собственная жалость тоже быстро иссякла, особенно когда он понял, о чём панычи не дали сказать друг другу.

Если с ним и с золотом ничего не случится, то господа легаты прикажут господам наблюдателям, а те своим солдатам — не то мадьярам, не то баскам...

Впрочем, не мадьяры это были и не баски, а натуральные датчане, судя по песне:

«В родимой стороне
Ты помни обо мне!» —
Зловещий призрак папы произнёс.
А жизнь твердит сама,
Что Дания — тюрьма,
И быть или не быть — вот в чём вопрос!

Не пей, Гертруда!
Не пей вина!
Ступай отсюда!
Уж ты пьяна!
Пушай погибнет
Твой сын Гамлет,
А только пьянству
Мы скажем: «Нет!»

Распухнет голова —
Слова, слова, слова.
Но ты их все, конечно, знаешь сам.
А в небе и вокруг
Есть многое, мой друг,
Что и не снилось нашим мудрецам!

Не пей, Гертруда... и т.д.

Ударил только раз —
Пока не Фортинбрас,
Но у меня всё это впереди.
А ты, моя Офель,
Греби скорей отсель,
А лучше — сразу в монастырь иди!

Не пей, Гертруда... и т.д.

— Что затуманилась, зоренька ясная? — спросил Тиритомба.

Лука хотел было двинуть арапа в ухо за «зореньку», но передумал и ответил:

— Тревожусь я: как-то там Аннушка?

ГЛАВА 32

И не зря тревожился атаман в сарафане.

Не он один томился по Аннушке.

Не спал ночей из-за неё и банкир Филькинштейн. Ворочался во сне, кряхтением тревожил супругу. Иногда внезапно вскакивал, хватал счёты и гремел до утра костяшками.

Он похудел, потерял вкус к еде и прочим жизненным удовольствиям. Он, может быть, и сладостные вирши начал бы кропать, кабы умел. Он даже впервые в жизни допустил ошибку в своей тройной бухгалтерии, чем внезапно обогатил государственную казну.

Последнее настолько огорчило банкира, что он среди ночи вскочил, оделся и, не отвечая на расспросы жены, выбежал из дому.

Вскоре он уже колотил кулаком в ворота султанского посольства. Там его, впрочем, знали и не удивились — государственный деятель не может ходить к чужеземным послам среди бела дня и без конвоя.

— Чего надо? — хмуро спросил посол Хосрев-Мирза. — Опять какую-нибудь тайну приволок? И когда они только у тебя кончатся, внебрачный сын гюрзы и крокодила?

— Нет, — с достоинством ответил банкир. — Тайнами мы нынче не торгуем. А вот хотим мы добавить в ожерелье славного союзника нашего, великого Абдул-Семита, прекрасную и несверленную жемчужину...

Гарем Абдул-Семита славился во всех басурманских странах. Были в нём и адмиральши, и баядерки, и вольнослушательницы, и галиматейщицы, и досадницы, и ёрзалки, и жалмерки, и заочницы, и изнурительницы, и казуистики, и легитимистки, и моргуньи, и ныряльщицы, и обварщицы, и переглядчицы, и ренегатки, и скалдырницы, и трамбовщицы, и уязвительницы, и фразерши, и хабалки, и чернолапотницы, и шаромыжницы, и щебетухи, и эротоманки, и юбочницы, и ябедницы. Всем находилось место в просторном серале.

— Всё это хорошо, — сказал Филькинштейн, выслушав отповедь посла. — А вот красавицы у вас имеются?

— Обидеть хочешь, двоюродный брат павиана? У нас там что, думаешь, уродок собирают?

— Нет, я имею в виду *настоящую* красавицу — такую, что...

Ну не было у банкира пиитического дара, и он объяснил по-простому:

— ...такую, что даже у жирафа шея вдвое длиннее делается при её виде?

Образ жирафа потряс посла. Кроме того, он знал, что нет ничего более приятного для султана, чем поклониться ему красивой невольницей. Так можно запросто стать из опального посланника в варварской стране даже великим визирём...

— А это законно? — спросил на всякий случай Хосрев-Мирза.

— Это более чем законно! — воскликнул Филькинштейн. — Мы ведь заодно сотворим ещё и доброе дело: освободим невинную девушку из заключения!

— А если ваш царь разгневется? Ты на что меня толкаешь, помесь казбича с карагёзом?

— Не разгневется. Её заключили в темницу ещё при старом царе, а нынешний просто забыл её выпустить. Да он и не заметит ничего! Она ему никто! Всё равно в тюрьме никакого порядка нет, особенно если за деньги...

Дальнейший разговор пошёл о деньгах и только о деньгах. А следовательно, никакого интереса для людей порядочных не имел.

Вообще-то банкир особенно не рисковал. Перевоплощением Луки занималась Синтетюриха. Аннушка и заключенной-то, строго говоря, не считалась. Просто Липунюшка пообещал обабленному атаману, что девушку он получит после успешно выполненного похода. А девушка ведь за это время может и другим увлечься. Кто чего сердцу юной девы скажет? Нечего и сказать. Кстати,

атамана Липунюшка никак не рассчитывал оставлять в живых. Его, государика, самого впору было бы взять в дело, только денег жалко...

Да ведь Филькинштейн лично и не собирался подкупать тюремщиков. Это вполне могли сделать сообщники атамана, неосмотрительно амнистированные новым государем. Тот же Волобуев, к примеру...

...Самой же Аннушке было глубоко наплевать, кто её освобождает и зачем. После того как тюремщица ей сообщила о позорной, трусливой смерти одного из заключенных, разбойничьего атамана, она впала в какое-то оцепенение, не сумев разобраться в своих чувствах. Она уже почти полюбила бедного Луку, и вдруг такое разочарование...

Только после того, как она, связанная и с кляпом во рту, оказалась в неприкосновенном посылском возке, для неё всё стало ясно, но уж было поздно...

... — Злодея Волобуева зарезали тюремщики, — доложили государю. — А вот за девкой не углядели...

— Бардак, а не держава! — вздохнул Липунюшка. Аннушка его нисколько не интересовала, поскольку сам он во время гона прикидывался лисом и носился по лесам, не тратя время на придворные галантности.

Аннушку вёз сухопутный капудан-паша Хамидулла. По правилам-то сопровождающий красавицу в гарем должен был быть евнухом, но воз-

раст у сухопутного капудана был уже такой, что его сама природа вполне облегчила.

Сопровождали Аннушку с капуданом два десятка янычар, снятых с охраны посольства.

Иногда возок останавливался и пленницу развязывали — а как же иначе? Кого они тогда доведут?

Первая остановка случилась возле пепелища «Приюта богодула».

По пепелищу ползали, копаясь в золе, трое каких-то людей. Люди были сильно обгоревшие и покалеченные: у одного нет руки, у другого — ноги, у третьего — вообще ничего.

Увидев Аннушку, калеки пришли в неописуемый ужас и со всей возможной скоростью скрылись в лес, прихватив третьего — он тоже перепугался, хотя у него ничего и не было.

«Да впрямь ли красавицу мы везём? — подумал старый капудан-паша. — Может, на самом деле это ифритка огнедышащая?»

На другом пепелище, в деревне Кучердаевке, всё было наоборот: мужики, бабы и дети непрестанно кланялись Аннушке, называли её избавительницей и благодетельницей. Кабы не янычары, её, чего доброго, и освободили бы.

— Гляди-ка — она и арапчонка своего прикончила! И с богодулом разобралась! Она, поди, и медведя барского на рогатину подняла! Ну, бойбаба! — восхищались обитательницы Кучердаевки и грозно поглядывали на своих скукожившихся мужей.

«Нет, не ифритка», — облегчённо подумал капудан-паша, плохо понимавший бабские вопли.

На торжественных проводах мнимой Аннушки с мешком золота он не присутствовал, поскольку старым людям положено много спать. А к тому, что ерусланский народ никакому пониманию не поддаётся, он уже привык.

Но на всякий случай велел пленнице переодеться в пристойное девице чёрное платье и закрыть лицо волосяной сеткой. Нечего кому попало на будущую звезду гарема пялиться!

Шайтан, так ведь она же ещё и любимой женой может стать! Ужо тогда припомнит старому Хамидулле все дорожные обиды!

И капудан-паша резко поменял обращение с пленницей — снял верёвки, кормил восточными сладостями из своих рук, рассказывал, какая хорошая жизнь в Истанбуле и какая плохая — в Риме, через который придётся, хочешь не хочешь, проезжать, поскольку все дороги ведут именно туда.

В сладости он подкладывал дурманного зелья — благо сам им баловался и держал в избытке. Это лучше всяких верёвок.

«Хоть на Вечный Город с ужасом поглазеть, — думала, засыпая, Аннушка. — А там всё равно сбегу!»

ГЛАВА 33

А в далёком покуда Риме не спал, ворочался Князь Мира Сего, Чезаре Борджа. Спать ему не хотелось и вообще ничего не хотелось.

Он встал и подошёл к книжному шкафу. Здесь под охраной Микелотто хранились запрещённые

книги. Полное издание «Божественной комедии» великого Алигьери, «Декамерон» без купюр... Для тех его подданных, что мнят себя просвещёнными, существуют сильно урезанные варианты — надо же сохранять подобие литературы. От Данте остался лишь текст «Ада», да и в том имя Господне было отовсюду повымарано. Ну, сонеты Аретино... Ну, новеллы Сакетти... Ну, Апулей... Нового-то никто не сочиняет! Воображения, что ли, недостаёт жалким марионеткам?

Убийства и отравления прискучили — их и в прежней жизни хватало. К тому же так и вовсе без подданных останешься!

Нынче подданных следовало беречь, потому что кто тогда иначе пойдёт воевать иные земли?

Поездка в Ерусланию здорово подкосила Кесаря: какая громадная страна! Как много в ней людей! Ну, пусть они и не совсем люди, но ведь и не куклы европейские!

Болван Джанфранко представления не имел о тех, кто живёт в Великой Тартарии — не знал их обычаев, нравов, языка. Потому и своих понятий внушить им не мог. Эти ерусланцы до всего должны были додумываться сами. Но ведь так они и до самых корней могут докопаться!

А ещё ведь существует Катай, где народу куда больше! К этой стране без ерусланского войска и вовсе не подступиться!

Конечно, Кезаре крепко надеялся на дурацкое пари, заключённое с придурковатым и пьяненьким новым царьком. Глупости, нет такой страны, сквозь которую могла бы безнаказанно пройти невинная девушка с мешком золота!

Кстати, интересно было бы на неё поглядеть. Наблюдатели доносят с помощью почтовых нетопырей, что посланница чрезвычайно хороша собой...

Князь Мира Сего зевнул. Женщины его давно уже не волновали, поскольку все были к его услугам. Ах, как мгновенно состарилась душа в бессмертном и безотказном теле!

Хотелось лишь того, что было недоступно. Лукреция, эта развратная дрянь, отказалась от вечной молодости и сбежала, подобно негодяю Джанфранко. А как хороша была сестрица в молодости! Как сладко было сознание греха!

А нет греха — и ничего не сладко.

Ничто не волнует, ничто не возбуждает. Полуспокойный Папа в таких случаях велел приводить на двор ярых жеребцов и кобыл, а потом, насмотревшись на скотскую любовь, следовал в опочивальню, где ждала его та же Лукреция... Какая весёлая семейка была! Как им все завидовали!

Какого же из своих мужей не простила ему сестра? Одного или всех троих?

Он тоже пробовал ходить на скотный двор — не подействовало.

Потом перешёл на двор птичий — некоторое время помогал...

Дьявол! У последнего мужика больше радостей в жизни, чем у владыки Ватиканской империи!

Нет, этого терпеть никак невозможно!

Чезаре позвонил в колокольчик.

Лежавший у порога Микелотто встрепенулся, но, узнав в вошедшем камерария, успокоился.

Камерарием у Кесаря служил не кто иной, как

бывший флорентийский секретарь Николо Макиавелли. Бедняга! Он-то до сих пор полагает, что Чезаре Борджа достиг всемогущества благодаря его жалкой книжонке «Государь». И мнит себя таким серым кардиналом. Ладно, Кесарь щедр — синьор Макиавелли вознаграждён долголетием, зато ему досталась незавидная роль: то ли шута, то ли сводника... Не умничай! Хотя... Хорошо, что Чезаре взял его на похороны Ерусланского владыки. Ведь пьяное пари — его заслуга...

Может, он и сейчас что-нибудь придумает?

Впалые щеки синьора Николо озарила сладчайшая улыбка.

— Не разбудил? — пошутил Кесарь.

— Что вы, эччеленца! В любое время дня и ночи...

— То-то же. Видишь ли, братец...

Господа не стесняются лакеев, поэтому камерарию всё было объяснено самыми простыми и грубыми словами.

Макиавелли тут же начал перечислять все имеющиеся в наличии афродизиаки: шпанскую муху, любисток, мандрагору, ёшкин корень, заячий помёт, нигерийскую мазь, капустный сахар...

— Не то, не то, — поморщился Кесарь. — Телом я здоров и крепок. Пресыщен и утомлён мой разум...

Макиавелли стянул с головы свою вечную чёрную шапочку с наушниками и почесал голый череп.

— Есть, государь, — сказал наконец камерарий. — Некий нидерландский естествоиспытатель, именем Левенгук, создал прибор...

— Какой ещё прибор? — зарычал Кесарь. — Я в подпорках пока не нуждаюсь! Мне потребно зрелище!

— Это и есть зрелище! Я сейчас его принесу! Макиавелли перепрыгнул через Микелотто и умчался куда-то к себе.

Воротился он не скоро — так что Кесарю едва не пришлось ждать.

— Ну и что это за дурацкая трубка? Трубка Галилея? Так что в ней толку? Глядеть-то не на что!

— Есть, есть на что поглядеть! — суетился камерарий. — Вот так, столик я ваш подвину, чтобы первый луч солнца...

— Солнца дожидаться прикажешь, каналья? Или я сам не светоносец?

— В таком случае, эччеленца, сделайте так, чтобы самый яркий луч упал вот на это стёклышко... А я возьму каплю простой воды — вот хотя бы из цветочной вазы...

— Что за идиотская затея? Что можно увидеть в капле воды, кроме самой воды?

— Не скажите, эччеленца... В капле воды, как в океане, полно жизни! Достаточно глянуть вот сюда...

Чезаре Борджа глянул.

Самые омерзительные козявки, населявшие каплю, корчились, извивались, жрали друг друга, делились, множились, умирали...

Кесарь глядел в микроскоп до самого рассвета, потом поднял воспалённый глаз на согнувшегося в долгом поклоне Макиавелли.

— Да, — сказал он. — Впечатляет. Приведи-ка мне, братец, парочку... нет, лучше трёх монахинь!

ГЛАВА 34

...А потом пошли неизбежные урочные дожди. А как же? Иначе откуда быть урожаю? И в календарь заглядывать не надо...

Сафьяновые сапожки атаман решил приберечь, разулся, связал ушки голенищ бечёвкой и перекинул через плечо.

Страннику Амвонию дождь был привычен, он бодро перебирал босыми ногами, как по сухой городской мостовой.

Обоз с наблюдателями безнадёжно отстал. Время от времени Рахит-бек приносил оттуда вести — в том числе и призывные, от фрау Карлы.

Но Тиритомба к тому времени уже решительно ни на что не годился. Он глухо кашлял, сморкался и смело проклинал красавицу-атамана, словно это Лука сам лично заключал нелепейшее пари с Кесарем.

В первой же попавшейся деревне они забежали в пустой амбар, хозяин которого милосердно оставил в углу кучку прошлогодней соломы. Богодул тут же, по привычке к богоискательству, её переворошил.

— Я крыс боюсь и мышей, — предупредил арап.

— Не бойся — нас охраняют! — сказал брат Амвоний и указал на икону, установленную над дверью.

Охрана и вправду была самая надёжная.

На иконе изображались святые братья Усатий и Полосатий, заслуженно считавшиеся заступниками всех земледельцев и хлеботорговцев. С ними никакие грызуны ужиться не могли.

Брат Амвоний охотно растолковывал изображённое:

— За праведную жизнь и подвижничество Тот, Кто Всегда Думает О Нас, наградил братьев девятью жизнями. А вот и девять клейм по краям, изображающие их девять мученических смертей...

Действительно, Усатию и Полосатию сильно не везло. То их загоняли собаки на высокое дерево, где братья и помирали с голоду. То поселяне топили своих заступников в реке, облыжно обвинив в краже сметаны и сливок. То их в какой-то европейской стране сжигали на костре как пособников местной ведьмы. То уже в Истанбуле султан приказывал зашить их в мешок вместе с любимой женой-изменщицей, а мешок — бросить в пролив Босфор. То какой-то колдун, ища средство стать невидимым, варил их в котле — надеялся обрести заветную косточку. То парижский лекарь-изувер вздумал испытать на беднягах избрётённую им панацею.

Остальные смерти были на совести своих, ерусланских, скорняков, которые потом выдавали покрашенные шкурки братьев за беличьи...

Атаман и поэт пригорюнились, невольно сравнивая мученичество Усатия и Полосатия со своими невзгодами.

— Снова и снова убеждаюсь, — сказал Радищев, — что на благодарность народную нечего и надеяться. Брат Амвоний, а что же — после смерти Усатий и Полосатий тоже угодили в преисподнюю?

Богодул даже растерялся.

— Нет, наверное, — сказал он неуверенно. —

Для таких, как они, должно существовать другое место, только мы пока ещё не знаем — какое... Видимо, там, где в реках сливок плещется форель...

— Ничего-то вы не знаете, — вздохнул атаман. — Может быть, и в самом деле принять нам ватиканскую веру, где всё ясно и понятно — вот тебе Папа в гробу, вот тебе Кесарь-Сын на престоле, а вот и Внук Святой в ночном небе?

— Нет, — уверенно заявил брат Амвоний. — Лучше вера неясная и забытая, зато истинная. У нас, прекрасная отроковица, есть хотя бы надежда обрести её, а у бедных ватиканцев и такой нет.

— Нашёл бедных...

Тиритомба же думал совсем о другом. Из носа у него капало. А о зонтах образованные ерусланцы знали только по сочинению Марко Поло.

— И почему это во всех странах у людей под ногами почва, а у нас — непролазная грязь? Почему Тот, Кто Всегда Думает О Нас, не подумал о такой малости?

— А это для того, сынок, чтобы мы его побыстрее нашли...

Развести огонь было никак нельзя: поселяне тут же расправились бы с путниками, как с Усатием и Полосатием.

— Отвернитесь, — потребовал атаман. — Я переоденусь.

Богодул отвернулся честно, а Тиритомба — не очень.

— А где зеркальце? — спохватился Лука. —

Ну-ка, встань, пиит позорный! Я знаю — ты в него подглядывал!

Тиритомба, сопя и смущаясь, вернул красавице драгоценное стекло.

— Как ещё не раздавил! — возмущался Лука. — Насмотрелся? Теперь беги к своей немецкой красавице, пусть она тебя утешает...

Тут атаман с лёгким недоумением понял, что ревнует поэта.

«Надо спешить, — решил он. — Пока я совсем не того... Девушка ведь тоже живой человек!»

— Ладно уж, держи зеркальце вот так — я гляну...

Но маленькое стёклышко не могло, конечно, в полной мере отразить красоту Луки Радищева в новом, уже зелёном, сарафане.

— Можно постучаться в барскую усадьбу, — предложил поэт. — Там наверняка есть даже французский трельяж...

— А потом спалить ту усадьбу вместе с благородным сладострастником, — сварливо сказал атаман. — Ладно Кучердаевка — это сугубо личное дело. Но не могу же я разорять всех подряд! Какой же я после этого буду народный заступник?

— Да ты и так народу не заступник, — вздохнул арап, но, увидев грозные прекрасные очи, тут же уточнил: — Ты заступница...

Он смотал с головы тюрбан и принялся его выжимать. Павлинье перо из украшения стало пошмишем.

— Худо, что нет у нас карты, — сказал Радищев. — Идём-бредём, а далеко ли до границы — так и не знаем...

— Теперь ты отвернись, — потребовал поэт. — Я портки сушить буду...

Из турбана он соорудил нечто вроде набедренной повязки и занялся портками. Восточные туфли без задников поэт давно и безнадежно утратил в грязи.

— А ведь так и так все дороги ведут в Рим, — сказал брат Амвоний. — Не бойся, мимо не проскочим... Но согреться сейчас согреемся — я тут прихватил у одних...

С этими словами богодул достал глиняную баклажку.

Лука выпить отказался наотрез, хотя и очень хотелось. Но теперь он опасался даже Тиритомбы. Ишь как глазищами-то сверкает! Только бы не вздумал душещипательные вирши читать: можно и не устоять слабой девушке противу подлинной-то поэзии...

— Я тут решил обратиться к суровой и презренной прозе, — сказал арап, словно бы прочитав мысли атамана. — Путевые заметки. Батюшки, тетрадка-то как не размокла! Это же чудо!

— Читай! — приказал Лука. — Всё равно жрать нечего...

— Маленько денег осталось, — сказал богодул. — Я бы сбегал в деревню, чего-нибудь купил... Хотя много ли весной купишь?

— Иди, — разрешил Радищев. — Только не притащи кого-нибудь за собой! А я пока послушаю, что наш верный паж нацарапал...

— Я дело знаю, — обиделся брат Амвоний и вышел в дождь.

Свет в амбаре был скудный, и арап с трудом

разбирал каракули, оставленные свинцовым карандашом.

— Та-ак... Тут нечитаемо... И тут... Ага! «Я оглянулся окрест. Всё было мрак и вихорь. Враги обступали нас со всех сторон. Хищные руки их тянулись к сокровищам атамана. Его прекрасные золотые волосы разметались во все стороны...»

— Подай-ка гребень! — кстати вспомнил Радищев и, охая, начал расчёсывать свои прекрасные золотые волосы. — Да ты читай, читай!

— «Грудь Нового Фантомаса высоко вздымалась, — робко продолжил арап. — Очи метали молнии. Подобен молнии в его нежной ручке был и кинжал — изделие бранного Востока. Почувяв роковой огонь, злодеи попятились и стали храпеть и дико водить очами. Одежда атамана пришла в беспорядок, открывая взору самые превосходные прелести, какие случалось только видеть смертному...» Кхе-кхе... М-да. «Я тоже не плошал. Ятаган в моей верной руке производил в рядах разбойников неисчислимые опустошения. Мы ступали по залу, утопая по самые колени во вражеской крови. Напрасно зывали злодеи к нашему милосердию, а некоторые даже прибегали к злословью. Оно им не помогло. Когда, наконец, последний из них издал предсмертный стон, мы вложили мечи в ножны. Величие осенило нас своим крылом. Мы помолчали.

Тотчас к ногам нашим бросились добрые поселяне, истово благодаря за чудесное избавление от вечной ерусланской опасности. Они добром вручали нам то, что грабители тщились отнять у них силою, — жареных поросят, копчёные гуси-

ные полотки, простой грубый мужицкий хлеб и хлебное же вино в крынках и ендовах...»

— Нет, — сказал атаман. — Хватит. Про еду пропускай.

— А у меня дальше и нету ничего, — развёл руками Тиритомба.

— Вирши у тебя лучше выходят, — постановил Радищев. — Но ты старайся, старайся, дальше пиши, вместо того чтобы на командира паять-ся... Всё-таки заделье...

Неожиданно скоро вернулся богодул. Ни жареных поросят, ни копчёных гусей он не притащил — только простой грубый мужицкий хлеб с колючками остьев.

— А ещё — вот! — похвастался брат Амвоний и протянул Луке пистоль.

— Где взял? — вскинулся Лука. — Прихватил?

— Как можно! Сами отдали! Ведь такую вещь хранить в избе мужичью никак не полагается! А вот и мешочек с пулями, и кремни, и пороху немало...

Лука обрадовался, что ему нашлось мужское занятие, отвлекающее от женской сути. Он, забыв о хлебе насущном, стал любовно чистить оружие, сменил кремён, пропихнул в ствол свинцовый шарик, насыпал на полку порох. На душе стало как-то спокойней.

Теперь можно было и за хлеб приниматься, пока спутники всё не подобрали.

На улице раздалось конское ржание.

— Всё-таки притащил кого-то, — поморщился атаман, взял пистоль и направил его на дверь, взведя курок.

И еле удержался, не надавил на спуск.

За дверью стоял Рахит-бек. Из-за его спины выглядывала довольно противная белокурая головка. Тиритомба ахнул и стал голым задом зарываться в солому.

Лука осторожно, придерживая пальцем, вернул курок на место и спрятал оружие в складках сарафана.

— Фрау Карла, — сказал он. — Вы нарушаете правила договора. Мы ещё не достигли контрольного пункта.

— Вы тоже нарушаль, — сказала фрау Карла. — Я видель ваш ваффе. Но это уже не иметь значение... Майне буби! О, майне кляйне шварце умляют!

— Я болен... — прохрипел Тиритомба, поняв, что от европейской бабы-судьи ни в какой соломе не схоронишься.

А Рахит-бек решительно шагнул к арапу и опустился пред ним на колени.

— Где твой кинжал, ашуг? — спросил он. — Вот грудь моя!

И даже попытался разорвать на себе платье.

Фрау Карла тоже подошла к поэту и рухнула на колени.

— Прости, майн либе! — воскликнула она. — Это бысть сильнее нас!

Лука догадался, в чём дело, и залился задорным девичьим смехом. Брат Амвоний вторил ему басом.

Рахит-бек открыл свою занавеску. В чёрных глазах его стояли слёзы.

— Я не джигит, я шакал! — заревел он. — Я с твой дэвушка...

Окрылённый арап резво вскочил на ноги и принялся поднимать коленопреклонённую парочку.

— О славный Рахит-бек! Не казни себя — ты настоящий джигит, как Аммалат-бек, как Кирджали! Не мы ли поклялись на хлебе и крови в настоящей дружбе? Не мы ли сделали кунаки? Моя девушка — твоя девушка! Бери её — она тебе нужнее! Что я — всего лишь ветреный стихотворец! А вы, сударыня, можете считать себя совершенно свободной от всех клятв и уверений. Настоящая любовь должна быть вольной, как ветер! Прекрасен ваш союз! Благословляю вас на все четыре стороны!

Влюбленные обнялись и зарыдали, потрясённые благородством поэта.

Луку, надо сказать, тоже пробрало. Вот тебе и жгучая арапская ревность!

Фрау Карла позаботилась и об утешении носителя кляйне шварце умяута: хурджин Рахит-бека был битком набит всякой едой и выпивкой. А ещё она связала для Тиритомбы шапочку с ушами на случай ненастья вроде нынешнего.

— А теперь нам цайт возвращаться, — сказала зардевшаяся фрау Карла. — Эти думкопф доненинен ни о чем не догадаться, абер дон Хавьер...

— Абер, абер, — согласился Лука. — Завидую тебе, подружка!

А Рахит-бек, склонившись к уху атамана, прошептал:

— Она мне в самый Ватикан проведёт! Смерть шакалу Микелотто!

Когда восторги влюблённой пары утихли и она покинула амбар, поражённый поэт сказал:

— Возможно ли поверить, чтобы сей дикий сын гор показался ей любезнее нашего ерусланского медведя?

— Однако ж показался, — сказал атаман, хотя тоже несколько обиделся за косолапого. — Зато теперь у нас есть верный союзник в стане врага!

Настоящий воин — он и в сарафане воин.

ГЛАВА 35

Напрасно сокрушался Лука об отсутствии карты. Только моряки, особенно британские, чертили грубые, приблизительные контуры побережий. Ну, было у англичан что-то вроде географии, а на материке её не было вовсе.

Люди знали, что все дороги ведут в Рим. Как ты ни уклоняйся, как ни старайся, а Вечного Города не минуешь. Туда же приведёт и убитый камнями путь, оставшийся от древних римлян, и глухой просёлок, и даже болотная тропа, указанная неверными вешками.

Правда, это правило распространялось только на владения Кесаря. А коли выиграет Кесарь спор, то и ерусланские дороги туда же поведут, и славный Столенград захиреет, как захирели до него и Париж, и Мадрид, и Лиссабон, и Кельн, и Аахен, и Прага, и Варшава и прочие славные в прошлом столицы Европы.

...Когда странники вышли из амбара, чтобы тронуться в дальнейший путь, то увидели, что весь мир вокруг них затянуло туманом. Это обещало день ясный и жаркий, но пока-то развиднеется...

Ноги у человека устроены так, что сами по себе норовят пройти не по вязкой грязи, а по росистой траве да по мокрому песку.

— Бредём незнамо куда, — сказал брат Амвоний. — Ладно бы точно в Рим, а если заблудимся?

— И в самом деле, — сказал Радишев. — Посреди дороги деревьев не бывает, а я уже раза два чуть на сучок не напоролся, да прямо глазиком! Хорош тогда был бы я красавица — вроде Джона Сильвера!

Арап же шагал молчком, поглубже натянув подаренную шапочку. А потом вдруг произнёс:

Сквозь волнистые туманы
В час вечерней тишины
Мы шагаем, как цыганы,
Року странствия верны.

Все пути туман покроет.
Сотни чёртовых внучат
И залают, и завоют,
И ногами застучат.

Вдруг они головомойку
Мне, чумазому, дадут
И в поганую помойку
С головою окунут?

Сколько их? Штук семь иль восемь?
Или целый легион?
У кого пути мы спросим?
Незнакомый регион.

Правда, с первыми лучами
Их простынет мерзкий след,
Но, друзья мои, за вами
Не пойдёт уж ваш поэт.

Его ноженьки зазябли,
Его рученьки дрожат,
Не удержат они сабли
И клинка не обнажат.

Я-то думал, между нами,
В некий просветлённый миг,
Что бессмертными стихами
Себе памятник воздвиг!

Что вокруг него сберётся
Всенародная толпа,
Что к нему навек пробьётся
Незаросшая тропа!

Тщетно всё! Туман скрывает
Путь, которым убыл я...
И никто ведь не узнает,
Где могилка-то моя!

— Ну-ка, хватит про могилку — и так тошно! — прикрикнул на арапа Лука. — Лучше бы что-нибудь весёлое сочинил!

В тумане обозначились, затемнели стволы деревьев.

— Точно — заблудились! — ахнул богодул.

— Привал! — скомандовал атаман и с великим облегчением опустил неподъёмный мешок на мокрую траву.

Помаленьку-то туман разъедало, но уж больно медленно.

— Ты бы помолился Тому, Кто Всегда Думает О Нас! — велел атаман богодулу. — Твоя просьба покрепче нашей будет!

Брат Амвоний покорно забормотал что-то неразборчивое, как и у прочих иереев и микрополитов. Потому что для разборчивого-то бормотания слова нужно знать!

Но ведь помогло!

Дорогу не дорогу, а тропинку разглядели!

— Не ведёт ли она в вертеп разбойников? — обеспокоился богодул.

— Да мы, чай, тоже не девицы красные... — сказал атаман и осёкся. — Ты вперёд иди, — приказал он брату Амвонию. — Тебя не тронут. А мы поотстанем... В случае чего — кричи, как будто тебя режут.

— А ну как вправду начнут резать? — испугался богодул.

— Всё равно кричи! Ведь от меня судьба Всея Великия, Малыя, Белья и Пушистыя Еруслании зависит, а от тебя что?

— Героиня ты наша народная! Девственница ты наша Орлеанская! — поддел атамана верный арапчонок.

— Ладно, — огрызнулся храбрый красавица. — Я пойду. Пистоль-то на что? Тутюшние разбойники, чаю, и устройства такого не видели. От грохоту разбегутся!

Лука неожиданно легко вскинул на плечи мешок и зашагал по тропинке, да так резво, что спутники едва за ним поспевали.

Лес между тем становился всё отчетливее и реже, пока не кончился вовсе.

— Деревня! — возрадовался Тиритомба. — О гus! Узнаю тебя, принимаю! Правда, мысль ужасная мне душу омрачает: вдруг там опять лютый барин властвует, а поселяне влекут тягостный ярем до гроба?

— Они везде его влекут, — сумрачно молвил Радищев. — Один был на свете добрый барин, да и тот — я...

— А я? — обиделся Тиритомба. — Кабы меня царь пожаловал деревенькой, так я ли не был бы добрым барином?

— Ага, — откликнулся Лука. — А потом бы в этой деревне все люди стали такие... Приятно смуглявые...

Деревня была как деревня, путь в неё перего-
раживала нарочитая жердина, возле которой толк-
лись, как обычно, мальчишки. На разбойничьих
детей они вроде бы не походили, но кто его знает?

Тиритомба оторвал от сердца кусок штруделя
и угостил им сорванцов, чтобы убрали жердину.

— Как ваша весь зовётся? — спросил он.

— Большая Змеевка! — бойко отвечал беспор-
точный и нестриженный сорванец в чумазой рубахе.

— А почему она так зовётся? — насторожился
арап.

— А потому, что у нас Большой Змей живёт! —
похвастался беспорточный.

— Где живёт? Прямо в деревне?

— Зачем в деревне? — с достоинством отвечал
сорванец. — Он в пещере живёт, как Змею и по-
ложено.

— А ты его видел? — не отставал поэт.

— Зачем видел? Его никто не видел. Но кто-то
ведь пускает дым, кому-то мы телят да баранов
жертвуем...

— А красавиц Змей не требует? — забеспоко-
ился атаман.

— Нет, девка, совсем не требует! Они, поди-ка,
невкусные! — засмеялся беспорточный.

— Очень даже вкусные, — уверенно сказал
поэт и непроизвольно облизнулся.

Атаман же возмутился:

— Какая я тебе, сопляку, девка? Зови меня...

э-э-э... Анна Лукинишна, вот! Я дворянская дочь! Как зовут вашего барина, каков он, милостив ли до людей? Или аспид?

— Никакого аспида мы не знаем, — подбоченился беспорточный. — Да и сама посуди, девка, на что нам барин, коли есть Большой Змей? Старики говорят, что когда-то барин точно был. Да только Змей его съел.

С этими словами, как бы для наглядности, маленький наглец запихал штрудель в рот, и не подумав делиться с товарищами.

— Опять девкой обзываешься? — нахмурился Лука. — Вот я тебе сейчас все уши оборву!

— Девка, девка, девка! С титьками, с журавушкой! — воскликнул сорванец, но отбежал на почтительное расстояние.

Лука собрался было кинуться на малолетнего оскорбителя, но поэт удержал его:

— Постой, красавица моя! Ведь у ребёнка чистосердечного мы больше выведем, чем у хитрых здешних старцев... Поди сюда, славный отрок! Никто не причинит тебе зла!

С этими словами арап оторвал от сердца ещё кусочек яблочного пирога и маняще протянул его беспорточному.

Он не только предлагал лакомство, он ещё и повысил беспорточного в ранге: ведь отрокам уже полагались портки.

Лесть возымела своё гнусное действие.

— А эта придурочная уши драть не будет? — спросил сорванец, подходя ближе.

Лука стерпел и «придурочную».

— Не будет, не будет, — уверил мальчика арап.

— А ты сам-то чего такой чёрный? — насторожился сорванец.

— Он арап, — кратко ответил за Тиритомбу богодул.

— А-а, тогда понятно... Нет ли среди вас богатыря или героя какого?

— На что тебе герой? — спросил поэт. — Несчастлива та деревня, которая нуждается в героях!

— Ну как же ты не понимаешь? — удивился беспорточный отрок. — Змея воевать, вот зачем! Их, героев-то, у нас мно-ого перебывало! Даже иноземные приходили славы искать!

— Что-то не слышала я ни про какого Змея в Еруслании, — сказал атаман.

— Молчи, девка! — вскричал разгневанный малолеток. — Арап-арап, ну чего она в наши мужичьи дела лезет? Вестимо, не слышала, потому что дура. У меня сеструха вот такая же... кобылица... Ухи дерёт... Вон уже какие вытянула! А про Змея-то вообще мало кто знает. И мало кто в него верит. Потому что дураки.

— Ага, а мы в селенье премудрых входим! — не утерпел Радищев.

— Ты уйми её, арап, а то я с вами толковать не буду. Особенно без пирога...

— Се шантаж а-натюрель! — вздохнул поэт и протянул маленькому негодяю последний кусок штруделя.

— Где же те герои, не по годам развитый отрок?

Вместо ответа мерзкий малолеток засунул ос-

татний кусок в свою дерзостную пасть и начал яростно жевать.

— Вот они у Змея где! — прожевался он и хлопал себя по пузу. — Только доспехи и кости он выплевывает... Кости мы пережигаем на золу для полей, а мечи ихние и прочее мой батюшка кузнец перековывает на орала, на косы, на бороны, на серпы... Воинам тоже продаёт... Так что большую пользу от Большого Змея видим, хотя скотину жалко... Но он у нас и репу ест, и огурцы, и хлеб! И даже дрова!

— Странный Змей какой-то, — сказал Радищев. — Красавиц ему не надо, а репу жрёт...

— Дедушка, — жалобно обратился малец к богодулу. — Может, она хоть седин твоих ради помолчит? Ну невозможно же! Как вы в городах своих баб распустили! Мой бы батюшка её вожжами, вожжами! И замуж, замуж, замуж! Они без этого совсем дуреют! Арап-арап, возьми за себя мою сеструху — она тебя на руках будет носить...

— В самом деле, Анна, помолчи, — сказал поэт. — Значит, не нужно вас от Змея избавлять? Да, как тебя кличут?

Малец почесал колтун.

— Попробовать-то можно, — сказал он. — Отчего же не попробовать? Вам развлечение, нам прибыток... А кличут меня Ничевок, потому что я ничего делать не хочу, не могу и не буду. А сеструха...

— Ладно, ладно, умненький Ничевок, — ласково сказал поэт. — Вот и води нас к отцу с матерью. Заодно и на сестрицу твою посмотрим — нельзя ли и вправду её утихомирить...

ГЛАВА 36

Изба кузнеца, должно быть, была самая богатая, хотя в других путниках пока побывать не удалось. Кузнеца звали Челобан, был он столь здоров, что в иное время Лука охотно бы вступил с ним в борьбу на поясах или на руках. Только глаз у него был один — обычное дело для кузнецов: не уберёгся от искры.

По обилию выставленных на стол угощений Лука понял, что даже Большой Змей для поселян предпочтительнее любого, хотя бы самого доброго, барина.

О нём, о благодетеле, только и было разговоров.

— Прадед мой, — указал кузнец на печку, на которой, должно быть, и прозябал упомянутый прадед, — сказывал, что прежний барин держал нас в чёрном теле, оставлял ровно столько, чтобы не околели с голоду. Ну, мы-то знаем, что Змея положено бороться. Дед мой ходил — не вернулся, отец тоже за общество пострадал... Ну, Змей нам и говорит...

— Так он у вас ещё и говорит? — вскинулся Лука.

— Говорит, когда нужда в том появится. Ну, голос, конечно, страшный... А слова ласковые. Не надо мне, сказывает, никаких красных девиц, а вот приносите мне овцу там, козу, сыр тащите, зелень всякую... Поленья берёзовые, уголь древесный... И ещё он нас научил для себя из муки делать такие тоненькие палочки... Паста, что ли? Бабы наловчились их варить. И всё оставляем у входа в пещеру, но сами туда не заходим... Ни-ни...

Он не велел, да и сами мы убедились... На горьком опыте...

Брат Амвоний отчего-то насторожился, но никто не обратил на это внимания. Лука и арап слишком были увлечены разговором и едой.

— Что же ты, красавица, ни к мёду, ни к бражке не прикоснёшься? — заботливо спросил Челобан.

— Невместно мне, — зарделся атаман.

Тиритомба, набив пузо, стал перемигиваться с сестрой бедного Ничевока, которая подавала на стол. Мамаша её, Челобаниха, заметила это и погрозила чёрному искусителю кулаком. А Лука даже не грозил — попросту заехал в бок локтем.

Утихомилив сладострастника, он спросил:

— А что же змееборцы? Часто ли приходят?

Кузнец засмеялся.

— Часто не часто, а нам хватает. Мы их по-честному уговариваем, предостерегаем, показываем, что от прежних героев осталось... Да сама-то глянь! Красота какая!

С этими словами он протянул Луке солонку.

Солонка была серебряная, тяжёлая, по её краям сидели искусно выполненные морские твари — тритоны и nereиды, определил атаман.

— Уж на что я умелец, — продолжал кузнец, — а такой красоты мне нипочём не сделать.

— Её герой принёс? — спросил Радищев.

— Эх, всё бы вам, девки, героев! Это мастер был, настоящий. Из самого Рима. И не собирался он вовсе нашего Змеюшку губить, а хотел только поглядеть. Чтобы потом его образ в серебре или золоте отлить...

— Как звали мастера? — вскинулся богодул.

«Что в имени мастера монаху?» — лениво помыслил атаман.

— Звали его, вестимо, не по-нашему, — сказал кузнец. — Бен... Бенуто...

— Бенвенуто Челлини, — уверенно сказал брат Амвоний. — Так вот где окончил дни свои великий ювелир...

— А говорил, что борзостей римских не текох! — сказал Лука.

— Да я так... — потупился явно спохватившийся богодул. — Мало ли чего в странствиях нахватаешься...

— Я бы тоже посмотрел... — мечтательно молвил Тиритомба. — И поэму написал... Терцинами, — уточнил он.

— Не ходи! — строго сказал кузнец. — Ты хоть и чёрный, а нашенский. Пусть он иноземных героев губит — те всё своё добро нам завешают на всякий случай. Чай, не краденым живём! Ну, всякий случай с ними всегда и случается. Не любит Змеюшка героев! Сердце на них держит! Видно, крепко они его обидели! А какие были молодцы! Орlando, Баярд, принц Арагонский! Нет, всех приел...

— Сколько у вашего Змея голов? — спросил Радишев.

— Эх, барышня! — сказал Челобан. — Тех, которые головы считали, теперь уж нет. Может, три. Может, девяносто девять. А может, и всего-то одна. Но соображает!

Ушастый Ничевок подбежал к отцу и что-то прошептал.

Челобан мигом переменялся и в лице, и во мнениях.

— А с другой стороны, — лениво зевнул он, — отчего бы вам и не сходить. Попытка не пытка. Я тебя, барышня, не имею в виду. А чёрненький... Может, как раз чёрненьких Змей и боится! Вдруг у них мясо ядовитое? Да и монах смиренный, глядишь, его молитовкой огреет! Ведь никто же ещё не пробовал! А ты, красавица, выходи-ка лучше замуж! Ничевок сейчас подрастёт!

Ушастый малец и Лука поглядели друг на дружку с нескрываемой ненавистью.

— У нас часто бывает, что невеста много старше жениха, — сказал кузнец. — Но никто от этого ещё не помер...

— В бороде седина, а на уме — птичий грех! — впервые подала голос Челобаниха. — Знаю я тебя!

Лука тяжело вздохнул. Внешностью кузнечиха вполне могла бы посоперничать с фрау Карлой, так что понять Челобана он понимал.

— Нет уж, хозяин, — решительно сказал он и встал из-за стола. — Спасибо за хлеб-соль, но мы пойдём другим путём — тем, что наметили. Мы не герои, почестей нам не надо. То ли мы змеев не видали! Обойдемся и без терцин!

— Да кто ж вас теперь из деревни-то выпустит? — ласково сказал кузнец. — С вашим-то мешком?

Атаман поглядел на предполагаемого малолетнего супруга с ещё большей ненавистью.

— Тебе бы мытарем служить, — только и сказал он, добывая из-за пазухи пистоль.

Но Челобан был твёрд. Он нисколько не испугался.

— Допустим, попадёшь ты в меня, дура. А пробьёт ли твой свинец толедский доспех?

И чисто по-еруслански рванул рубаху на груди.

Оттуда и впрямь блеснула вороненая сталь, изукрашенная золотым узором.

— Да и порох по такой погоде наверняка отсырел, — продолжал сельский циклоп. — Так что побереги выстрел для Змея. Может, у него шкура тонкая...

— Сам ты шкура тонкая, — процедил сквозь зубы Лука и вернул пистоль на место. Кузнец Челобан всё-таки не разбойник — он хуже разбойника...

— Какое низкое коварство! — вскричал Тиритомба. — Стервятники! Я... я про вас поэму напишу, на весь мир ославлю!

— Напиши-напиши, — сказал кузнец. — Только прямо сейчас. Может, тогда к нам отважные дураки вообще косяками пойдут... Да ты-то, девушка, сиди, тебе-то к чему туда ходить? Эй, зачем ты мешок трогаешь? Оставь! Все герои своё добро нам оставляют для присмотра! Монаше, скажи ей, чтобы осталась!

— Нет, — ответил богодул. — Пойдём — так уж все вместе. Мне вот тоже интересно посмотреть на такого дракона, который итальянскую пасту любит...

— Нет, — сказал Радищев. — Боюсь, вы царские печати на мешке сдуру повредите, а мне потом отвечать...

— Нет, — сказал арап. — Я девушек в беде не бросаю.

Челобан покачал головой.

— Идите. Мне такая сношенька, что многопудовые мешки ворочает, ни к чему. Ещё сыночка забьет по нечаянности. Тебя бы, барышня, в кухню... По пути зайдите в сарай, оружие себе подберите, доспехи... Всё в исправности, в масляной ветоши. Я обычно продаю броню героям, а вам за так отдам — всё равно же ко мне же и вернется... Сыночек, проводи бесстрашных! Вы уж приглядите там за ним, чтобы в пещеру не совался. Прямо пинками назад в деревню гоните!

— А вот пинки точно обещаю, — сказал Радищев.

ГЛАВА 37

Оружия, сложенного в сарае, хватило бы на небольшую армию. Были тут и длиннющие пики, и окованные железом щиты, и сабли, и мечи, и протазаны, и такие устройства, о назначении которых можно было только догадываться, и то впус-
тую.

— Может, и Дюрандаль где-нибудь здесь валяется, — предположил Радищев.

Стали примерять доспехи. Тиритомбе сгоди-
лась только кольчужка, которую носил, верно, ка-
кой-нибудь несовершеннолетний бедняга-оруже-
носец.

Атаман подыскал кольчугу чуть побольше. —
ни одна кираса на его нынешнюю грудь рассчита-

на не была. Кольчуга задралась, оставляя незащищенным живот.

— Коротка кольчужка... — пробормотал Лука.

Брат же Амвоний и вовсе не стал рыться в доспехах. Он внимательно оглядел весь сарай, как бы занимаясь привычными своими поисками бога, потом заметил самую грязную и промасленную тряпку, небрежно брошенную в угол. Туда монах и устремился.

Тряпка берегла от ржавчины недлинный, но блестящий клинок с кое-как обмотанной рукояткой.

Богодул повертел клинок, потом выдернул сивый волос из бородёнки, подбросил его в воздух и ловко поймал на лезвие.

Волос развалился пополам. В общем-то, это не штука, если сталь хорошая и заточка правильная. Только волос брата Амвония расщепился не поперёк, а вдоль.

Лука поглядел на монаха с великим поражением.

— Было смолоду бито-граблено, — вздохнул богодул, поймав удивлённый девичий взгляд. — Под старость надо душу спасать...

— Ай да ну, — только и молвил поражённый Лука и вдруг пожалел, что подошли они к костеру богодульскому.

— Ну что, собрались? — нетерпеливо сучил ногами проводник-Ничевок. — А то стемнеет, совсем страшно станет...

— Да мне и сейчас страшно, — бесстрашно признался поэт. Мечи и сабли павших героев были ему не по руке, он удовольствовался привычным своим ятаганчиком.

Лука предпочёл остаться с подаренной шашкой.

— Пошли, пошли, — торопил юный проводник и побежал из сарая.

— Глуп наш гостеприимный кузнец, — тихонько заметил богодул. — Ведь мы запросто можем объявить мальчонку заложником и выйти из деревни беспрепятственно...

— Но это же неблагородно! — возмутился Лука.

Зелёный сарафан в сочетании с кольчугой выглядел неопишимо. Атаман выбрал шлем побольше, чтобы уместить под ним роскошные волосы.

— Маслом всё провоняло, — поморщился он.

— А и здоровы же вы, барышня, — сказал богодул.

— Я дочь воина, — высокомерно ответил Радищев.

— Ага, — согласился богодул.

Пещера располагалась отнюдь не в недрах горы (за что змеев обычно и кличут Горынычами), а находилась на дне глубокого оврага. Сам же овраг был усеян костями и черепами, которые селяне ещё не успели или поленились пережечь на золу.

Лука невольно замедлил шаг.

— У себя змеюшка, — радостно сообщил Ничевок. — Во-он как дымит!

В самом деле, далеко впереди, за оврагом, поднимались в небо густые чёрные клубы.

— Всё, малый! — объявил Радищев. — Ступай домой! Бегом!

— Да чтобы я девку послушал! — возмутился

беспорточный и, оттолкнув Тиритомбу, бросился вперёд — то ли от бесстрашия, то ли от глупости.

Брат же Амвоний, наоборот, присел, удобно устроившись на костях.

— Я здесь подожду, — объявил он. — Вдруг се-
ляне нам какую-нибудь каверзу уготовили...

— Вот те на, — обиделся Лука. — И ты, стари-
нушка, покинешь меня, красну девицу, в такой
лютой беде?

— А я пока тут поищу свою пропажу, — объяс-
нил богоискатель. — Не обязательно же ему в пе-
щере прятаться?

Лука сперва обрадовался возможности оста-
вить на монаха свой тяжкий груз, но внезапно пе-
редумал. К чему вводить слабого человека в иску-
шение?

Вход в пещеру был высокий — хоть на коне
въезжай.

— Как же это всё не обрушилось за столько
лет? Почему вешние воды пещеру не съели? —
удивился Лука.

Тиритомба причину крепости сводов понял,
но объяснить не успел — из темноты донёсся жа-
лобный детский вопль.

Лука бросил на монаха укоризненный взгляд и
устремился во тьму, направив впереди себя меч.

Арап кинулся следом, грозно размахивая над
головой ятаганчиком.

— Ничевок! Ничевок! Где ты, деточка? — ка-
ким-то кудахтающим голосом воззвал атаман.

— Пусти! Пусти, гадина! — орал Ничевок.

Лука с арапом пробежали несколько шагов, и
тут тьма кончилась. Под потолком сиял голубой

шарик — Луке приходилось слышать о таких вечных светильниках, коими пользовались алхимики в своих мрачных подвалах.

Взору бывших разбойников представилась следующая картина.

Прямо на земле, как раз под светильником, стояла огромная кожаная сума со множеством кармашков и ремней с блестящими застёжками. Из сумы торчали тощие ноги нахального кузнеца-сына. Ноги эти сильно дрыгались.

Лука отбросил меч, подбежал к суме и успел ухватить мальчонку за пояс.

Какая-то неодолимая сила тащила маленькое тельце в глубь сумы.

Будь Лука в своём прежнем, добромолодцевом, состоянии, так он бы нипочём не удержал бедняжку. Но все ведь знают, что женщина ради спасения гибнущего ребёнка (пусть даже не своего) способна на сверхъестественные поступки, поскольку к силе тут прилагается что-то ещё, богатырям неизвестное.

· Радищев рванул мальчика к себе.

Честно говоря, он боялся, что они с неведомым противником разорвут хрупкое тельце пополам. Но окаянный сорванец оказался на диво крепким. Он вылетел из сумки, не забывая при этом истошно вопить.

— Девка, девка, чего он цепляется?! — орал Ничевок. Руки у него были до локтей в глубоких кровотокающих царапинах.

Арап ухватил мальчика и стал утешающе гладить по колтунам.

— Ребёнка обижать? — звонко, с привизгива-

ниями закричал атаман. — А ты его вынашивал? Ты его рожал?

С этими словами Радищев достал из-за пояса пистоль и погрузил руку в суму. Рука ушла неожиданно глубоко, и тут же в неё вцепились чьи-то когти. Тогда Радищев сунул в суму вооружённую руку и выпалил.

Оказалось, что порох не подмок, так что Челобан здорово рисковал.

Из сумы донёсся возмущённый вопль. Когти разжались.

— Чего дерётесь? Почему законную добычу отнимаете?!

Лука вытащил руки из сумы и раскрыл её пошире, надеясь увидеть обитателя. Но в суме царил непроглядная тьма, рассеять которую не мог даже свет, исходящий из голубого светильника.

— Ты кто, мерзавец? — крикнул Лука, словно в колодец — даже эхо забилося.

Атаман поднял суму — она была лёгкая, словно бы пустая.

— Отзовись! — потребовал Радищев. — А то я тебя расстреляю — не пожалею пороху!

— Не надо пороху, — жалобно сказали из сумы. — Голодный я. Давно героятиной не питался.

— Ты кто? — не унимался атаман.

— Я демон... — признался сумной обитатель. — Голодный демон. Вечно голодный. А зовут меня Депрофундис. Дайте, во имя бездны, чего-нибудь поесть... Хоть коровку! Хоть овечку! Хоть петушка! Но лучше бы героя... Или двух... Желательно конных...

Лука решительно стал затягивать на суме ремни.

— Поголодаешь, не сдохнешь, — безжалостно сказал он.

— Надо сжечь сию ужасную ловушку! — потребовал арап. — Чтобы никто больше в неё не попался!

— А вот мы змея в неё и заманим, — сказал Радищев. — Хотя... Может, он как раз там и сидит?

— Я не змей, — глухо донеслось из сумы. — Я демон Депрофундис.

— Отчего же ты, латинский демон, по-нашему говоришь? — спросил атаман.

— Я по-всякому говорю, — пояснил Депрофундис. — Я же полиглот. Много чего проглотил. Нету здесь никакого змея.

— Значит, нету? А кто же героев губит? — продолжал допрос Лука. Он даже ослабил ремень, чтобы лучше слышать ответы.

— Жадность их губит! — решительно заявил Депрофундис. — Они как суму увидят, про змея враз забывают и лезут внутрь: думают, там есть что-нибудь хорошее. А там ничего хорошего нет, кроме меня и бездонной бездны, ни дна ей ни покрышки. А я в этой бездне витаю...

— И давно витаешь?

— Да уж и не помню... Заточил меня туда этот... как его... Ну да вы сами увидите. А как увидите, сейчас же ко мне пихайте без разговоров! Уж я-то с ним разберусь!

— Что же нас ждёт впереди? — не унимался Лука.

— Колдун, — сказал демон. — Он меня из бездны вызвал, он же в ней и заточил...

— Против колдуна нам бы богодул пригодился... — сказал Тиритомба.

Бедный Ничевок уже успокоился, но продолжал цепляться за его шальвары.

— Нет уж, — заявил Лука. В гневе красавица-атаман стала совсем уже прекрасна. — Брат Амвоний нас в беде бросил — ну да и мы ему про суму ничего не скажем. Чувствую, что она нам ещё пригодится. Бери суму, стихосложец, заверни её в узел. Эй, ты, Детрофундис! Поклянёшься ли нам служить верой и правдой? А мы тебя за то подкармливать будем...

— Конечно, клянусь! — поспешно сказал демон.

— Много ли стоит демоническая клятва? — спросил поэт.

— Равно как и девичья, — нашёлся Лука.

Ничевок шарахнулся от страшного вместилища, побежал было к выходу, но вернулся.

— Ну-ка беги к отцу! — приказал Лука.

— Не пойду, — заплакал Ничевок. — Барышня, миленькая, там же у входа этот ваш бородатый сидит... Я его тоже боюсь... У него глаз дурной!

Радищев хмыкнул.

— Ладно, пойдём. Авось этот колдун не страшней Детрофундиса...

ГЛАВА 38

Разочарование было полным.

Змей располагался не в громадной зале, как мечталось, а в довольно тесной комнатёнке, заставленной всякими столами, увешанной полка-

ми, с огромной алхимической печью-атанором. На столах стояли грязные стеклянные сосуды самой разнообразной формы. Воняло в комнатёнке хоть и не человеческими отходами, но всё равно нестерпимо. Да и жара там стояла несусветная: от растопленной, несмотря на тёплую погоду, печи.

Голова у змея была всего одна, да и та человечесь. И ноги у него были человечесь, и руки, и всё прочее, скрываемое белой некогда хламидой, расшитой незнакомыми, но всё равно страшными символами.

А вот голова змея показалась Луке довольно-таки знакомой.

Один раз он её уже видел. На том самом куске чумазого пергамента, который развернул перед ним на опушке разбойничьего леса злодей Микелотто. Голова была не простая, а золотая: ведь Кесарь Римский обещал за неё кардинальскую шапку и кое-что ещё, о чём не говорят.

Засаленные седые кудри окружали высоченный голый лоб, пересечённый тремя глубокими морщинами. Гордый нос, подобный клюву плотоядной птицы, стремился вырваться из бледно-жёлтого лица. Но у самого основания нос строго стерегли два глаза — маленьких, пронзительно-чёрных и близко посаженных.

Под носом помещались жидкие серые усы, не прикрывающие тонких зловных губ. Скошенный подбородок кое-как прикрывала негустая борода неопределённого цвета.

— Здравствуйте, маэстро Джанфранко да Чертадьо, — произнёс Лука и низко, по-еруслански, поклонился. — Вас-то нам и надо!

Тиритомба попытался что-то спросить, но атаман вовремя наступил поэту на ногу.

Маэстро оглядел пришедших, и вдруг его взгляд как-то внезапно помутился.

— Садитесь, я вам рад, — сказал он. — Отбросьте всякий страх и чувствуйте себя свободно. Я разрешаю вам. Вы знаете, на днях я королем был избран всенародно...

— Вы не король, маэстро! — воскликнул Радищев. — Но выше всякого короля: ведь вы творец нашего мира!

— Ах да, — сказал маэстро. — В самом деле. Как я мог забыть. Но вы действительно садитесь...

Ничевок, испуганно дотоле молчавший, тотчас свалил всё, что помещалось на ближайшей скамейке, на пол и первым уселся, поддёрнув рубаху.

— Меня послал к вам дон Агилера, — продолжал атаман. — От вас, сказал он, многое зависит...

— А, этот безумный моряк... — махнул рукой Джанфранко. — Не следовало вам его слушать, синьорита...

— Синьорита Анна, — сказал Лука. — А это мои спутники — великий ерусланский поэт Тиритомба и отважный отрок Ничевок...

От вторичной похвалы Ничевок обнаглел и сказал:

— Дед, а куда ты Змея-то дел?

— Змея? Какого змея? Здесь не было никакого змея. Я живу один. Совсем один. Добрые поселяне иногда снабжают меня пищей и всем необходимым для работы. Но умоляю вас, не говорите ничего этому зверю Чезаре! Он прикажет отрезать

мне голову и узнает от неё то, чего знать ему не положено...

— Мы ничего ему не скажем, маэстро, — заверил учёного Радищев и сел рядом с Ничевоком, предварительно сняв со спины проклятый мешок. Арап тоже свалил свою ношу на пол с видимым облегчением, но устроился на всякий случай поближе к выходу.

— Деда, а портков у тебя лишних не найдётся? — поинтересовался беспорточный отрок.

— Портков... — глубоко задумался маэстро. — Что такое портки?

— Портки — это штаны! — перевёл Тиритомба. — В смысле — браке, — добавил он на латыни. Атаман дёрнул Ничевока за колтун.

— Куда ты лезешь, сопля? Тут судьбы мира решаются! — прошипел он. — Успеешь ещё в штанах набегаться!

— Деда, скажи девке, чтобы не дралась, — привычно занял малец.

Но Джанфранко да Чертальдо его уже не слышал. Проблема портков, казалось, заняла его всецело. Маэстро подошёл к поместительному сундуку, кряхтя, откинул крышку и, кое-как согнувшись, стал рыться в глубинах.

— Я поклялся отныне творить только добро! — пояснил он, разогнувшись.

В руках седовласого маэстро действительно оказались штаны — вернее, обтягивающее трико — наполовину красное, наполовину жёлтое. И с огромным гульфиком.

— Немного великоваты, — сказал Джанфранко. — Но в гульфик можно положить для солид-

ности апельсин, как поступал один мой французский знакомец...

Ничевок напялил штаны, будто век их носил.

— Теперь апельсин давай! — потребовал он.

Джанфранко да Чертальдо улыбнулся, взмахнул рукой — и в ней оказался огромный басурманский плод, да такой яркий, что стало даже светлее...

Ничевок схватил апельсин и потащил его в рот. Нежная, но по-прежнему сильная ручка Луки остановила наглеца.

— Во-первых, его очистить надо, — сказал атаман. — Во-вторых, положи его, как велено, в гульфик...

Внезапная зависть охватила Луку. У всех людей штаны, даже у этого поганца, а он, Новый Фантомас...

— Ну, теперь ты совсем как студент Сорбонны! — похвалил он разочарованного мальчика. — Нынче все девки твои будут...

— С тебя и начну, — пообещал маленький наглец. — Хотя, по совести, надо было бы сперва себеструху опозорить...

Лука поощрил его затрещиной. Это что за жизнь такая в девичестве — и неоснащённый недоросток туда же метит!

— Не бейте его, добрая синьорита! — воскликнул добрый маэстро. — Бедный бамбино ещё не понимает разницы между добром и злом. И виноват в этом я, я и никто другой. Чёрная зависть к несчастным да Винчи и Буонаротти привела мой гений на службу к Зверю... И я остался один! Один среди злодеев и гомункулов! Не обижайтесь, дона

Анна, но ведь все вы — не более чем порождения моего воспалённого разума...

— Неправда ваша, — сказал Лука. — Я, например, э-э... родилась от честного отца и честной матери. Так что мы никакие не гомункулы.

— Гомункулов мы знаем, — важно сказал Ничевок и потрепал себя по апельсину. — Это которые к мальчикам лезут, пряники сулят... А сами ка-ак... Девка, не дерись!

А Тиритомба ничего не сказал, поскольку не помнил своих чёрных родителей. Вдруг он и впрямь натуральный гомункул, только его в атаноре передержали?

— А что, прекрасная синьорита, — сказал маэстро, — всё ли ещё существует в Париже прославленная Сорбонна?

— Сорбонна-то существует, — вздохнул атаман. — Вот Франции больше нет. Есть кардинальство под началом некоего Кошона... И Бургундии нет, и Фландрии, и Германии... Всю Европу объединил Кесарь, теперь вот до нас добирается...

Джанфранко да Чертальдо обхватил руками свою величественную плешивую голову.

— Что я наделал, безумец! — воскликнул он. — Да и того, что замыслил, не сумел исполнить до конца! Видела ли ты, бамбина, как срезанная верхушка арбуза плавает в бочке с водой?

— При чём тут арбуз? — вытаращился Лука.

— Именно так и выглядит сейчас мир, в котором мы находимся, — вздохнул Джанфранко. — Всё, что говорил вам спятивший Агилера, — правда...

— Мне он вовсе не показался спятившим, —

сказал атаман. — Чудил он не больше любого старика... А где же остальной арбуз?

— О, бамбина, да ты проникательна! Я вот тоже думаю — где он? Куда подевался Новый Свет? Где Южная Земля, где Ледяной Материк? Отчего Северный Полюс оказался в Риме?

— Это мы должны у тебя спросить, — сказал атаман со всей возможной суровостью.

— Не помню... — с тоской промолвил маэстро. — Негодяй Борджа постоянно меня торопил... А я всего лишь хотел освободить мир от проклятой папской власти! Я мечтал о свободе! Без костров, без Инквизиции! И вот что получилось... Убогая модель! Музыкальная шкатулка! Инсула Мундус! Мирок, подвластный дьяволу, да и дьявол-то ненастоящий...

Старец зарыдал так горько, что даже бесцеремонный Ничевок проникся к нему жалостью, не говоря уже о чувствительных Луке и Тиритомбе.

— Не бойсь, деда! — покровительственно сказал малец. — Жить можно, особенно у нас, в Большой Змеевке. А вы чего рассопливились, дедушку расстраиваете? Дай-ка я тебе, деда, слёзки вытру...

И, схватив со стола какую-то тряпку, начал отирать слёзы маэстро.

А Луке слёзки никто не отирал, и они катились по его румяным щекам, как недавний весенний ливень.

— Дон Агилера... — сказал атаман, давась рыданиями, — дон Агилера говорил, что только вы знаете, как исправить мир...

Маэстро поглядел на Луку совершенно бессмысленными глазами.

— Надо уничтожить бессмертного и неуязвимо-го Чезаре Борджа, — сказал он. — А сие невозможно — слишком щедро его одарил враг рода человеческого... Умереть он может только особым, несвойственным человеку способом... И я, столь же бессмертный, наказан тем, что буду вечно наблюдать это безобразие, не в силах его прекратить...

— Синьор Джанфранко, — впервые подал голос Тиритомба. — Но ведь должно же существовать какое-то заклинание... Я — поэт, а ведь вирши — те же заклинания. Может быть, мне удастся... Только подскажите!

Лицо маэстро исказилось, глаза окончательно помутнели, словно бы подёрнувшись старческими бельмами.

— Заклинание... — повторил он. — Говорят, сова была раньше дочкой пекаря. Вот и узнай после этого, что нас ожидает...

— Маэстро, какая сова? Какой пекарь? — вскинулся поэт.

— Говорят, сова была дочь хлебника, — настаивал на своём Джанфранко да Чертальдо. — Мы знаем, что мы есть, да не знаем, что с нами будет...

— Не знаем, — сказал Радищев. — Потому и спрашиваем тебя, что больше-то некого... Ведь ты должен обладать ясновидением!

— Они говорят, что сова была дочь рыбака. Мы знаем, что мы такое, но не знаем, чем могли бы быть... Да, я совершенно ясно вижу впереди тьму, только тьму и ничего, кроме тьмы!

— Он отвык от людей, — прошептал Тиритом-

ба. — Наши разговоры окончательно помutilи ему голову... Наберись терпения, Аннушка...

— Деда, а пожрать-то у тебя есть чего? — вмешался Ничевок. — Мы же тебе, проглоту, много добра перетаскали!

Лука собрался ещё разок проверить колтуны наглеца на прочность, но слова мальчонки произвели на старца неожиданно благотворное действие.

— В самом деле, — опомнился маэстро. — Еда сейчас будет... Говорят, сова была раньше дочерью кухаря. Мы знаем, откуда растут ноги, но не знаем, куда они нас приведут... Скорее всего туда же... Котёл кипит, и я угощу вас настоящими болонскими макарони! Правда, местное вино может вас разочаровать...

— Я не пью! — поспешно выкрикнул атаман.

— Нам больше останется, — улыбнулся Ничевок.

— Бамбино бене, — погладил его по колтунам Джанфранко и направился к печке, где и вправду что-то булькало.

— А бедный богоискатель будет лишь воздуха вдыхать! — раздался у входа голос брата Амвония.

— Он не должен ничего знать про сумку! — ещё раз предупредил поэта Лука. — Так надёжнее... Да ты входи, смиренный брат, присаживайся...

Невдолге появились и макарони, и подливка к ним, и поместительная корчага, издававшая умопомрачительный запах, вмиг перебивший всякую вонь.

А вот мытьём посуды маэстро себя не утруждал.

— Не дерьмо же там было! — утешил спутников Ничевок и живо наполнил свою миску, потом потянулся к корчаге...

— Детям не положено! — рявкнул (вернее — взвизгнул) атаман и шлёпнул кузнецова сына по руке.

— У нас в Черतालдо, — сказал маэстро, — дети пьют вино сызмальства, а сколько славных сыновей дал миру наш городок! Один Бокаччо чего стоит, не говоря уже обо мне. Хотя здешние напитки — да, крепковаты...

— Ну, со знакомством! — воскликнул брат Амвоний и поднял кружку. Его словно бы и не удивило отсутствие в пещере Змея, да оно и понятно: много странствовал, много видел...

Крепковат оказался напиток не только для мальчика, но и для поэта с богодулом. К тому же и сам маэстро раскраснелся, развеселился...

«Вернулся в разум!» — обрадовался было Лука. Но не тут-то было.

Джанфранко да Черतालдо поставил кружку и в ужасе воззрился на свои руки.

— Говорят, сова была дочерью киллера, — сказал он. — Ах ты, проклятое пятно! Но кто бы мог подумать, что в старике окажется столько крови!

— А ты выпей ещё, деда! — посоветовал Ничевок. — Глядишь, в голове и прояснится...

Они выпили ещё (а Лука себя тягостно блюл и даже кружку перевернул, утешаясь незнакомой, но вкусной едой) и начали нести обычный застольный вздор, приводить который здесь неуместно. Ничевок охотно делился подробностями личной жизни обитателей Большой Змеевки, бо-

годул спяну вспомнил всякие застольные при-
словья, а Радищев совершенно осоловел от еды.
Тиритомба же воскликнул:

— Друзья! Тяготы дальней дороги возбудили
мой пиитический дар, и я сложил новую басню!

— Сложил — так читай! — потребовал атаман.

Тиритомба вскочил на лавку и простёр правую
руку к потолку.

— Работа и Дурак! — объявил он. — Басня.

Однажды Дурака Работа полюбила
И всё ей сделалось немило.
Не ест, не спит, глазами дико водит
И говорит примерно так:
«Ах, миленькой Дурак!
Со мною вот что происходит:
Никто меня не производит!
И молча гибнуть я должна,
Хотя бываю и опасна, и трудна.
А ты хоть и Дурак, но сильный, смелый!
В объёме полном ты меня тотчас проделай!
Определённую меня ты проведи —
И отдыхать иди!»
«И, матушка, напрасны упования! —
Дурак в ответ.
— Тебя производить охоты нет,
А тако ж и желанья!
Какой в тебе, признайся, толк?
Ведь ты не волк!
В лесную не сбежишь дубраву,
А я спокойно отдохну на славу.
К тому же я сказать посмею,
Что всякий день и так тебя имею.
Предпочитаю не пахати в поле,
Но зажигати на танцполе.
А лучше бы тебе, уверен в том,
Совокупиться с Творческим Трудом,
Зане ваш плод любезен станет людям.
И боле говорить не будем!»
Ушла Работа в скорби и печали...
Вы, умники, её не повстречали?

После общего молчания Лука осторожно сказал:

— Я вроде бы уже слышал подобную басню, только не про Работу и Дурака...

— Дубина вместо критика! — оборвал его вдохновенный арап и сел на лавку. — Не у чужих людей ворую — у себя, любимого!

— Да вы поэт, батенька, и поэт истинный! — дошло наконец до маэстро.

— Хорошая песня, — зевнул ословелый малец. — Одна правда в ней...

Восхищённый богодул закатил глаза и захлопал в ладоши.

А Джанфранко да Чертальядо встал и подошёл к арапу.

— Говорят, что сова была дочерью Феба, — сказал он. — Вымой руки. Надень ночное платье. Почему ты такой бледный?

Тиритомба оторопел и схватился за лицо, словно надеясь нащупать на нём бледность.

— До сих пор не могу понять, что это за земля Испания, — бормотал спятивший маэстро. — Народные обычаи и этикеты двора совершенно необыкновенны...

— Синьор Джанфранко, — нежно сказал атаман. — Вы не в Испании, каковой, кстати сказать, ныне и не существует. Вы среди друзей. Успокойтесь...

Но учёный не желал успокаиваться:

— Что я сделал им? За что они мучат меня? Чего хотят они от меня, бедного? Что могу дать я им? Я ничего не имею...

— Да и мы ничего не имеем! — успокаивал его воркованием Радищев. — Вот мы сейчас ляжем

спатеньки, а утречком встанем здоровые-здоровые... Разумные-разумные...

И легко вздёрнул старого за локотки.

Джанфранко да Чертальдо покорно позволил довести себя до лежанки, но и там продолжал нести околесицу:

— Я вице-король Индии! Отдайте мне любимого слона! Говорят, сова была дочерью абрека...

— А всё вирши твои! — злобно бросил атаман поэту. — Они и нормального-то человека могут в безрассудство вогнать...

— Вам, бабам, лишь бы виноватого найти! — парировал поэт.

Странникам пришлось улечься кто где: малорослые Ничевок и Тиритомба устроились на лавках, Лука с богодулом на полу, причём по разные стороны стола.

Мешок с золотом и узел с демонической сумкой Радищев пристроил под голову, обернув лямки мешка вокруг кисти. Хотя куда охотней пошёл бы ночевать на вольный воздух.

«Спи чутко!» — велел он себе — и провалился в сон, как Ничевок в сумку.

ГЛАВА 39

— Но кто бы мог подумать, что в старике столько крови? — севшим голосом спросил себя Лука.

...Пробуждение его, в который уже раз, было ужасным.

Сперва он подумал, что не сходил перед сном

на двор по нужде и вот таким образом опозорился как девица.

Но зелёный сарафан был весь в бурых пятнах по подолу.

«Или бабка-колдунья меня обманула, и я теперь девушка во всех подробностях?» — охнул атаман.

Но кровь была не его, и была она на всём: на стенах, на полу, на столе...

А на лежанке покоилось обезглавленное тело маэстро Джанфранко да Чертальядо.

— Тревога! — завопил Радищев и вскочил на ноги.

На него уставились очумелые похмельные рожки Тиритомбы и Ничевока.

Вот брата Амвония нигде не было...

И головы чародея тоже нигде не было...

— Неужели достойный богоискатель польстился на посулы Кесаря, предал церковь Ерусаланскую и теперь стремится в Рим, чтобы повергнуть кровавую свою добычу к ногам тирана?! — воскликнул поэт и зарыдал.

— Ага! Проспали дедушку, горе-герои! Будет сказано! — заорал Ничевок.

— Но кто же мог знать... — Лука развёл руками в растерянности.

— Ты, девка, дура! — настаивал на своём Ничевок. — И ты, арап, вчерную дурень! Вы дрыхли, а я слышал, как дедушка с монахом по-нашему ругались! Вот и доругались! Дедушка был хороший, он всю деревню кормил, а меня, малютку, и портками наделил... Вы же мне портков не дали!

Тут и маленького наглеца пробило на плач: на-

деялся, видно, что одними портками благодеяния колдуна не ограничатся.

А из очей Луки уже давно лилась горькая солёная водичка.

Как порадовался бы покойный Джанфранко, если бы знал, что его будут оплакивать такие невинные и простодушные сердца!

Первым утешился Ничевок. Одним рукавом он отёр скупые слезы, другим — щедрые сопли.

— Труп трупом, да жить-то надо! — провозглашал он.

Видимо, мальчик по нечаянности и случайности произнёс какую-то чародейную формулу: тело Джанфранко да Чертальядо поднялось с лежанки, свесило тощие ноги вниз, а потом и выпрямилось.

Лука, малец и арап оцепенели.

Тело чародея ошупало руками место, где была голова, и в отчаянии затопало ногами и затрясло сжатыми кулаками. Но потом успокоилось и подошло к столу.

— Видимо, мудрец потому и мудрец, что думает не только мозгами, но и всем остальным! — нарушил молчание Тиритомба.

И был он глубоко прав.

Безголовый Джанфранко взял со стола корчажку из-под вина, перевернул её и поставил перед собой. Потом погрузил палец в багровую подсыхающую лужу на столе и кровью начертал на корчаге глаза и уши.

— Рот и нос добавь! — посоветовал Ничевок.

Джанфранко покрутил пальцем возле правого нарисованного глаза и надел корчагу на остаток

шей. После чего повернулся всем телом к пораженной троице и погрозил ей кулаком.

— Прости нас, безголовых му... — сказал атаман и осёкся.

— Но кто же мог знать? — Тиритомба поторопился замять атаманову бестактность. — Кто же мог знать, что преступный монах — соглядатай Римского Кесаря? Он же и нас во сне сумел бы перерезать...

Безголовый жестами дал понять, что так было бы ещё и лучше для всех.

— Дедушка, — жалобно сказал атаман, из очей которого продолжали струиться по ланитам слёзы, — а как же мы теперь спасём мир и уничтожим Кесаря? Мы невежественны, слабы, особенно я...

Тело мудреца, не вставая с лавки, нашарило на полке кусок пергамента. На пергаменте были чертежи какой-то хитрой машины с птичьими крыльями. Омоченный кровью палец забегал по верх рисунков.

— Ищите ключ, — перевёл Лука. — И дверь, которую он открывает. А где же та дверь, синьор Джанфранко? Ага. В замке... Ин туррис... Чей же замок? Церулеус Барба? Синяя Борода! Разве бывает синяя борода? А где он? Ин Галлия? Да мы из Еруслании никак выбраться не можем...

Безголовый обхватил корчагу руками — дескать, с кем я связался?

— Не кручинься, не скорби, о великий обезглавленный старец! — воскликнул вдохновенный поэт. — Мы отомстим за тебя! У нас теперь в руках грозное оружие!

И Тиритомба извлек из узла всепоглощающую сумку.

Джанфранко замахал руками и показал пальцем на всё ещё тлеющие угли в атаноре.

— Сжечь? — возмутился арап. — Ну нет. Она нам ой как пригодится!

Поэты ведь и думают не как все люди. Не по-волшебному, конечно, но вроде того.

Корчага, ясное дело, не могла выказать удивления, но всё же как бы и выказала. Так всем померешилось.

— Только пусть этот гад внутри больше не царапается, — проворчал Ничевок. — А ужо мы тебя, деда, не подведём! Ты к нам по-людски — и мы по-человечески!

— Ты не с нами ли собрался, сопленосый? — насторожился Лука. — Беги-ка лучше теперь домой...

Ничевока перекосило.

— Не гони меня, красна девица, — прошептал он и заплакал. — Мне теперь домой ходу нет — отец убьёт, а сеструха добавит. Да и в деревне нашей отныне ловить нечего... Голодранцы станем, как везде живут...

— Ещё выпустят ли нас из деревни, — нахмурился поэт.

Корчага кивнула, а рука махнула — мол, не беспокойтесь.

— Перекусить бы на дорожку, — вздохнул Ничевок. Он уже не сомневался, что его берут в долю.

В самом деле, не оставлять же в пещере такую пропасть еды! Кое-что скушали, кое-что прибе-

регли в дорогу, а всё оставшееся Лука честно побросал в сумку:

— Лопай, Депрофундис! Я слово держу!

Голос голодного демона был ясным — видно, он не утруждал себя пережёвыванием и глотанием:

— Если ты меня не покинешь, то и я тебя не оставлю! Мне бы репки ещё! Она на вкус почти как герой!

— Вот они, герои-то наши, каковы! — многозначительно поднял палец Тиритомба.

— Будет тебе репка, будет и чеснок! — пообещал Ничевок. — Девка, а девка, а давай я Депрофундису понесу! В нём весу-то совсем нет — видно, не в коня корм...

И, не дожидаясь согласия будущих спутников, стал затягивать ремни на сумке.

— Репку ему, — бормотал ушлый ребёнок. — Помоями обойдёшься... Репку я и сам сгрызть горазд!

— Неси, неси, — согласился Тиритомба. — Только сам туда не суйся!

— Да что я — маленький? — оскорбился Ничевок.

Тут Лука посмотрел на сарафан и понял, что в таком виде показываться на людях порядочной девушке ну никак нельзя.

— А ну — глаза на стенку! — скомандовал он.

Тиритомба и Ничевок сделали вид, что самым внимательным образом изучают висящие на стене связки лука и пучки волшебных трав.

Даже безголовый маэстро поворотил свою корчагу намалёванными глазами в стену. Вот что значит благородный кавалер!

Лука стянул зелёно-бурый сарафан и бросил его в атанор. Не стирать же в самом деле! Потом подошёл к бадейке с водой (видно, в пещере был источник) и стал умывать и ланиты, и перси, и лядвеи. И даже не задумался, что наглые его спутники могут подглядывать. Да ведь наверняка и подглядывали!

Третий, и последний, сарафан был явно выходной — золотисто-жёлтый, с хитрой вышивкой. Не по дорогам бы такую красоту трепать!

— Быстрей, быстрей, — приговаривал Ничевок. — Вечно вы, бабы, собираетесь, как вор на ярмарку...

— Где зеркальце? — гневно завизжал атаман. — Гребешок вот он, а зеркальце где? Сейчас всех за космы оттаסקаю, рожи расцарапаю!

Испуганные арап и малец принялись искать зеркало. Куда же они его девали? Или проклятый монах его прихватил с собой? Но зачем?

Лука опомнился и подумал: Аннушка ли такая стерва или он сам? Или это его собственное представление о женщинах вообще?

Только безголовый сохранял хладнокровие, поскольку вся кровь из него уже вытекла, волосы на корчаге не растут, да и не больно-то её расцарапашь.

Он встал, порывлся в чародейном своём барахле и протянул атаману другое зеркальце — простое, оловянное, давно не чищенное.

— Ну, всё-таки не в лужу смотреться, — примиряюще сказал Радищев.

А лучше бы в лужу! Потому что в мутном металле хотя и отразилось лицо Аннушки, но глаза у

неё были закрыты. Лик любимой покачивался — туда-сюда, туда-сюда...

Лука отодвинул зеркальце подальше. Та, другая Аннушка, была вся в чёрном и находилась в каком-то непонятном полумраке.

— Зеркальце-то непростое! — ахнул догадливый Лука. — Я Аннушку помянул, вот она мне и показалась! Спасибо, добрый синьор Джанфранко! Вы великий мудрец! Но где же это она?

Изображение само отодвинулось ещё дальше, и атаман понял, что его обожаемая двойница сидит в карете. Напротив неё на своём сиденье так же сонно покачивается старик в тюрбане.

ГЛАВА 40

Бесконечны вы, дороги ерусланские... Пока от жилья до жилья доберёшься, всю свою жизнь переберёшь, а если есть у тебя попутчик — то ему расскажешь.

Аннушке пересказывать было почти что нечего — обычное небогатое детство, полусиротство, батюшкино пьянство. Но не всегда пребывали Амелькины столь безнадежно бедны: одно время батюшка для неё выписал из Солнцедаара даже гувернёра-француза, дабы учил её языкам и манерам. Языкам её гувернёр учил, манерам тоже. Вполне возможно, что со временем научил бы и кое-чему ещё, но Аннушка уже взошла в силу и в полной мере овладела коромыслом, превратив его в грозное оружие. Побитый гувернёр бросился к батюшке за утешением, и батюшка Амелькин охот-

но сделал его своим собутыльником. В самом деле, не одному же пить! Потому и разорился дом вдвое быстрее, чем мог бы.

Крепостных пришлось продать за бесценок, была Аннушка и за хозяйку, и за прислугу. Удачное замужество ей, бесприданнице, не светило, хотя ухажёров из соседних усадеб являлось множество. Только намерения у них были какие-то несерьёзные, и снова приходилось применять комысло не по назначению.

А потом появился в её жизни добрый молодец, спасший от поругания, а она, глупая, всё испортила тем же комыслом... И погиб добрый молодец лютой смертью от царских заплечников...

Коварное похищение из тюрьмы поначалу внесло в её жизнь хоть какое-то разнообразие, но всё быстро кончилось, поскольку карета стала для неё той же тюрьмой, хоть и на колёсах.

Капудан-паша как мог развлекал её, кормил вкусно, только после еды хотелось одного — спать и видеть сны.

Во снах этих Аннушка видела себя совсем другой девушкой, и даже не девушкой.

То грезился ей царский дворец — но не тот, глиняный, солнцедарский, а огромный, с бесконечными галереями, увешанными яркими полотнами и уставленными величественными скульптурами, и было у неё в этом дворце множество платьев и туфель: Блестящие придворные крутились вокруг Аннушки, читали ей вирши и приносили на подпись указы. Иногда она выбирала из свиты кого-нибудь покрасивее и вела к себе в будуар. В будуаре начиналось такое, о чём девушка

не смела наяву даже мечтать. Слава о ней шла по всему миру, заграничные мудрецы писали ей восхищённые письма, полководцы её расширяли пределы державы, подданные благословляли её...

А то мнилось ей, что она вовсе не царица, но всё равно большая начальница, только не над всей Ерусланией, а лишь над скоморохами, лицедеями, музыкантами, художниками, пиитами и прочей сволочью. Лицедеи устраивали перед ней представления, допрежь того как показывать их всему народу за деньги. Часто Аннушка оставалась недовольна, топала на дерзких ножками, ругала последними словами, требовала переделать действие, а то и вовсе запрещала его...

Были видения и совсем неприятные — например, как она, одетая в кожу и вооружённая небывалой плоской пистолёю с барабаном, влаычествует над бандой уса­тых мужиков в полосатых фуфайках, плава­ет с ними на сказочном стальном корабле, пьёт большими кружками самогона и стреляет в безоружных людей. От таких снов Аннушка кричала и просыпалась, будя бедного капудан-пашу.

Капудан гладил её по голове, утешал, путая ерусланские слова с басурманскими. Он даже стал учить её басурманской речи, которая оказалась не сложнее французской либо итальянской. Ещё старик рассказывал ей чудесные истории о жизни пророка Басура.

До того как стать пророком, Басур промышлял кражею верблюдов, подобно всем добрым людям. Однажды, угнав очередного горбатого скакуна, он уснул в седле и свалился. Но до того, как коснуться песка, Басур совершил в уме длительное путе-

шествие по всему миру и понял, как он устроен и чего надо делать.

До этого озарения соплеменники Басура жили тихо, резались между собой по малейшему поводу и покорно внимали слухам о франкском Кайсаре-быке, который покорил уже почти весь мир и вскоре прибудет в пустыню, чтобы всех обратить в свою веру в себя же.

«Не бывать тому!» — воскликнул Басур, отряхая песок с шальвар, и тотчас же вокруг него собрались сотни сторонников. Басур спел им очень длинную песню, в которой просто и доходчиво рассказывалось, как из маленького племени сделаться владыками мира. А то до него все песни складывали только про Луну, Солнце и верблюдов.

Поначалу всё шло хорошо и прекрасно, но вдруг обнаружилось, что кроме грозного Франгистана со злым Кайсаром на свете существует ещё и Еруслания, не говоря о прочих землях, населенных чёрными и жёлтыми людьми...

Ещё рассказывал капудан, как замечательно жить у султана в серале. Поначалу Аннушка, обманувшись созвучием, думала, что сераль — это такое басурманское отхожее место. А потом поняла, что это такая огромная женская община с одним-единственным мужем. Каково-то будет делить султана с товарками по счастью? Неужели снова придётся браться за коромысло для борьбы с соперницами? Да ещё есть ли там коромысла? Зачем они там? Песок таскать?

Рассказы капудана вгоняли её в тоску, и Аннушка то и дело отдёргивала занавеску, чтобы посмотреть, где они едут. Но вид из окошка закры-

вали конские крупы и атласные шальвары янычар. Янычары были молодые, черноусые и белозубые. Иногда они на потеху Аннушке устраивали на долгих привалах скачки, на скаку бросали платок и подхватывали его, мчались, встав на сёдлах и размахивая двумя ятаганами зараз.

Капудан-паша строго следил, чтобы юные его стражи не вздумали разговаривать с пленницей, но он часто засыпал, и тогда все Мамеды и Ахмеды наперебой начинали восхвалять Аннушку, сравнивая её то с кобылицей, то с верблюдицей, а то даже и с розой, над которой они, соловьи, поют свои песни.

Но никому из черноусых и белозубых не пришлось в голову наплевать на капудана и султана, выхватить Аннушку из кареты и умчать её на добром скакуне далеко-далеко... И дети у них были бы красивые-красивые, и было бы их много-много...

Таких мыслей девушка стыдилась, поскольку опрометчиво поклялась себе всю жизнь хранить верность погибшему Луке. Но ведь в серале, он же гарем, султан рано или поздно доберётся до неё! И даже скорей рано, чем поздно! Прежние-то жены ему, чай, надоели! Где же тут соблюдёшь верность! Разве что султан — капудану ровесник...

...Однажды леса в окошке кончились и началась степь. Аннушка поняла, что карета миновала ерусланские рубежи.

Если бы бедная девушка поменьше спала и грезила, отравленная дурманом, она бы непременно и ещё давно заметила на дороге странную тройцу,

состоявшую из простоволосой замарашки в некогда нарядном сарафане, бродячего богодула и маленького арапа. И, возможно, поразились бы сходству замарашки с собой...

Только она не заметила, потому что старый капудан усыплял её не одним дурманным зельем, но ещё и своими стихами — посвящёнными, правда, совсем другой девушке из капудановой юности:

Широка нам родная страна, Нафига,
И в длину непомерно длинна, Нафига.
Но другой я такой, к сожалению, не знаю.
А хотелось бы знать — где она, Нафига?

По Еруслании они ехали без приключений — царская грамота не велела чинить препятствий посланнику и его свите, а разбойники, конечно, с янычарами связываться боялись.

А за пределами Ерусланскими это везение внезапно кончилось. Аннушка сразу это поняла, услышав боевой клич белозубых Мамедов и Ахмедов:

— Имам баялды!

ГЛАВА 41

Вопреки ожиданиям, никакой мужицкой засады перед выходом из пещеры не было.

— Так вся деревня по вам тризну справляет, — сказал Ничевок. — Даже обо мне не вспомнили — как я там, жив ли, здоров ли, не пожран ли Змеем вместо пищи... Родители называются... Сами посудите, чему они меня выучить могут? Неужели вы меня им вернёте?

— Потребуют — и вернём, — сказал Радищев.

— Да ведь с нашим дедулечкой никто нам до-рогу не загородит!

В самом деле, синьор Джанфранко являл собой зрелище не для деревенских глаз.

Глазастую корчагу благородный безглавец держал на сгибе левой руки как рыцарский шлем, но шёл уверенно, размахивая посохом. Лука крепко надеялся, что посох не простой, а волшебный. Окровавленные одежды синьора развевались на утреннем ветру.

— Не будет ли присутствие чародея нарушением договора? — беспокоился Тиритомба.

— Не-ет, — неуверенно сказал Лука. — Там ведь ясно написано — никакой вооружённой охраны. То есть живых людей. А про безголовых там ничего не написано.

— Вдруг они богодула задержали? — понадеялся Ничевок. — Тогда дедуля голову себе живо наладит! Он у нас такой! Военный!

— Сомнительно, чтобы они его задержали, — вздохнул Лука, вспоминая волос, рассечённый вдоль.

Когда они вошли в деревню, сразу же стало ясно, что богодула не задержали. Да что там богодула — мимо жителей Большой Змеевки сейчас могла пройти целая армия со скрипом обозных телег и бряканьем доспехов.

— С вечера сидят, — определил малец.

Тризну справляли на славу — лучшей себе путники и пожелать не могли. Столы вытащили прямо на улицу. Многие спали под лавками. Синьор

Джанфранко ударом посоха смёл с дороги и без того уже разломанные гусли.

Неспящие и без всяких гуслей продолжали петь, и песня была всем знакомая:

Как рано пташечки запели —
Уж наступил прощанья час.
Пока их кошечки не съели,
Всё песня дивная лилась...

Песню вёл кузнец Челобан густым своим басом. Стойкая Челобаниха вторила мужу визгливо и не в лад. Головы свои супруги подпёрли руками, чтобы не уронить в бражные лужи на столешнице.

Единственный мутный глаз кузнеца внезапно остановился на сыне в необыкновенных портках. Песня прекратилась.

— Ты это куда, щенок, намылился? — прохрипел сельский циклоп.

— А от вас подальше! — выкрикнул Ничевок. — Не хочу в деревне вашей оставаться! Вы и так мне всю жизнь заели!

И тотчас получил пару подзатыльников — от сироты Луки и от сироты Тиритомбы за непочтение к живым родителям.

— Я на большие дела ухожу! — не унимался малец. — Меня вот дедушка увнучил!

И показал на синьора Джанфранко.

Кузнец, кузнечиха и прочие застольники, узрев безглавца, и свои головы на всякий случай прятали под стол.

— Я же говорил, — снисходительно сказал Ничевок. — Дедуля нас прикроет. А ты, батя, тоже хорош — может, сына на лютую смерть уведят!

Судите сами, Анна Лукинична, каковы здешние нравы!

Лука и поэт переглянулись.

— Пусть идёт, — решительно сказал арап. — Мы его образуем. А кем он тут вырастет — разбойником?

Дедуля меж тем подавал посохом поторапливающие знаки.

— Я только в избу забегу — надо своё добро забрать, — сказал Ничевок. — Не им же оставлять!

— Какое добро? — изумился Лука.

— Как какое? А бабки? А свистульки? Наши огольцы их мигом растащат!

— Растёт человек, — сказал арап. — Прямо на глазах его наши науки питают! Чудак, зачем тебе бабки да свистульки? Право, мне нравится это простодушие! Разве в Сорбонне играют в бабки?

— А разве я в вашу Сорбонну собираюсь? — спросил малец. — Была охота! Это пусть дедуля решает — Сорбонна там или что... А ты лучше, арап, моей сеструхой займись — вон она валяется! Вся чужая! Черныня родит — над ней вся деревня смеяться будет, а маманя косы повыдергает! Отольются ей мои ушки!

— Если собрался идти, то и пошёл! — скомандовал атаман. — Мужчина должен уходить не оглядываясь!

— Много ты в мужчинах понимаешь, — огрызнулся Ничевок, но намерения свои оставил, и они двинулись вослед безглавцу.

— А ещё говорят, что разврат идёт из города, — вздохнул Тиритомба. — Даровой хлеб развращает пейзаж почище городских соблазнов...

— Ничего, — сказал Радищев. — Теперь им беспечальной жизни не будет. Проспят, встанут за сохи, за бороны, хоть и поздновато уже...

— Не пропадут, — подытожил Ничевок.

На большой тракт они выбрались скоро. Дорога была пуста в обе стороны — а видно было далеко.

— Где же наши наблюдатели? — встревожился Лука. — Где контрольный пункт?

— Видимо, дон Хавьер и фрау Карла со своими солдатами обогнали нас, пока мы ходили в деревню, — предположил поэт. — И теперь ждут нас где-то впереди...

— Нет, вон сзади телега тащится! — воскликнул глазастый Ничевок.

— Не вижу, — прищурился Тиритомба.

— Все глаза в свои книжки проглядел — вот и не видишь! — поддел его Ничевок, раздосадованный неудавшейся местью сеструхе.

— Пойдите, синьор Джанфранко! — воскликнул Радищев.

Но безглавец шёл и шёл вперёд, нагоняя свою пропажу.

— Ничего, поспеют, — сказал малец. — А нам отставать от дедули не след. Кто мы без него? Овцы без пастуха!

И они потащились за шустрым синьором Джанфранко да Чертальдо и попевали с большим трудом: видно, мёртвые не знают ни возраста, ни усталости.

Дорога шла по холмам, кое-где украшенным лесными островами. Ни домика, ни строения... Солнце печёт...

— Не могу больше! — выдохнул Тиритомба

возле могучего придорожного дуба. — Объявляй привал, атаман!

— Тоже мне, атаман, — скривился Ничевок. — А почему ты, арап, девке подчиняешься? Ты вон дедушке моему подчиняйся, он и без головы вас двоих стоит... Деда, деда, я устал! У меня босые ноженьки болят! Мне головку напекло! Я есть хочу!

Жалобному голосу ребёнка синьор Джанфранко всё-таки внял и остановился прямо под дубом, хотя и с трудом: мёртвые ноги то и дело нудили его к движению вперёд.

— Тело само за головой стремится, — догадался Лука.

Безглавец прислонился всем телом к дубовому стволу, бросил посох и стал делать свободной рукой опоясывающие движения. Ноги у него при этом ходили из стороны в сторону.

— Привязать себя просит, — снова догадался Лука. — А есть ли у нас верёвка?

— Тюрбан размотаю, — сказал Тиритомба. — Надеюсь, с арапчонка спрос не велик.

С этими словами он стащил тюрбан с головы и показал миру свои многочисленные косички, чем привёл Ничевока в совершенный восторг.

Лука и арап размотали тюрбан — полотнище получилось изрядное.

— Не глупы басурмане, — сказал поэт. — Полезная вещь в дороге.

Они бережно привязали ходячего покойника к дубу, а корчагу с глазами осторожно положили на травку. Привязали с умом, на ту сторону дерева, что глядела на холмы — зачем зря пугать прохожих-проезжих?

Управившись с безглавцем, Лука со стоном снял со спины золотой мешок и тоже повалился на траву.

— Если бы я стал царём, — жалобно сказал атаман, — я бы такой особый указ издал, чтобы девушкам не таскать тяжестей, а то рожать не будут...

Ничевок фыркнул:

— Нечего вашу сестру поважать! Да и как бы ты стала царём — разве что царицей...

Сарафан Луки задрался много выше колен, но сил его одёргивать не было.

«Хорошо, что я в обмороки не падаю, как прочие девки, — подумал он. — А то мужикам соблазн... Крепкая у меня Аннушка... Куда же её везут? Что за дед басурманский? Не поглядеть ли в зеркальце?»

— Вы за дорогой-то присматривайте, не спите, — распорядился он. — Что там за телега катит?

— С тобой уснёшь, — проворчал поэт и с трудом отвернулся от вольно раскинувшейся красавицы.

— Журавушку прикрой, — посоветовал Ничевок. — А то первый же прохожий тебе ка-ак...

Лука мысленно дал ему подзатыльник и всё-таки достал зеркальце.

ГЛАВА 42

Старый капудан по-молодому выскочил из кареты и гортанными криками подбадривал своих воинов.

Аннушка в ужасе задернула занавеску.

Каковы воины есть янычары, она много слышала и крепко надеялась, что здешние разбойники противу них не выстоят.

Но, к изумлению её, звона сабель вовсе не было слышно. Вместо этого стали раздаваться вопли ужаса, дикое ржание коней, одинокий выстрел и какой-то непонятный шорох.

Пленница забилась в самый угол и сжалась в комок: вот сейчас дверца откроется и заглянет в неё чумазая рожа с кинжалом в зубах...

Она долго пребывала в таком ожидании, но слышала только шорох и обоняла некий знакомый, но вовсе не уместный здесь запах.

Наконец и шорох прекратился.

Аннушка отдёрнула занавеску.

Карета стояла посреди поляны, а на траве валялись в самых разнообразных позах кони и люди.

«Будь что будет», — решила девушка, содрала с головы ненавистную чадру, встала и пинком растворила дверцу.

Солнце находилось прямо над головой, означая полдень. Тишина стояла такая, что хоть топор вешай.

Аннушка, вырастая в деревне, всякое повидала: и сражения деревенских героев стенка на стенку, и совместное наказание конокрадов, и братский раздел имущества, и супружеские размолвки с применением вожжей и скалок. Так что крови она не боялась.

Да ведь никакой крови и не было.

Отважные всадники в ярких красных безрукавках и таких же шальварах лежали тут и там на

траве, как и добрые их кони. Лица у янычар были белые-белые, словно все Ахмеды и Мамеды целую зиму пролежали под снегом и вытаяли только по весне. И были эти лица искажены непомерным страхом.

Спокойным выглядел только капудан-паша. В одной руке он сжимал кривой нож, в другой пистоль. Но и его жёлтый морщинистый лик побелел и даже вроде помолодел.

Аннушка бросилась к старику — привязалась она за дорогу к заботливому похитителю почти как к родному. Она тормошила старика, даже хлестала его по щекам, как привыкла приводить в чувство пьяного батюшку.

Но щеки посланника были холодны.

Аннушка, всё ещё не оставляя надежды, разорвала на груди старика рубаху, чтобы растермозить остановившееся сердце, — от старух она знала, что таким образом иногда удаётся воротить человека оттуда, откуда обычно не возвращаются, — и сама едва не сомнела, закусив губу.

Шуплая безволосая грудь капудан-паши покрыта была множеством крошечных красноватых точек.

— Он ведь старый, — вслух сказала Аннушка и в странной какой-то надежде бросилась к ближайшему янычару.

Тому и молодость не помогла. Под рубахой он тоже был весь в уязвлениях, а дальше уж она и глядеть не стала.

Ни в одном из её пленителей не было ни капли крови. Только на белоснежных рубахах тут и там проступали красные пятна.

Аннушка встала и огляделась. Никого. И даже листья на придорожных кустах и деревьях не шевелились, и птицы не пели.

Да, она, конечно, хотела, чтобы её освободил кто-нибудь — но не такой же ценой!

— Теперь твой черёд! — сказал позади кто-то. Голос был какой-то глухой, как из-под одеяла или даже из-под земли.

Дурман мигом выветрился из головы девушки. Она повернулась и увидела юношу в богатой одежде, расшитой жемчугами и золотом. Лицо у юноши прямо-таки пылало здоровым румянцем, губы под густыми чёрными усами были ярко-алыми. Рядом с юношей стояли ещё трое таких же румянчиков, одетых победнее. Никакого оружия при них не было.

— Страшно? — спросил нарядный и улыбнулся, обнажив белые и острые клыки.

— Страшно... Упыри мерзкие... — только и смогла сказать Аннушка.

— А ты не бойся, — сказал юноша и полез пальцем в рот.

Клыки оказались ненастоящими. Нарядный аккуратно вытер накладные челюсти шейным платком и спрятал их в карман. Потом махнул рукой, и его спутники забрались в карету, откуда послышались торжествующие крики. Ясное дело — там было чего пограбить.

Упряжные кони тоже лежали в дорожной пыли, только у одного голова была поднята, как у живого, — её держали постромки.

Аннушка невольно поглядела на солнце —

ведь всякий знает, что упыри не терпят солнечного света.

— Глупый вы народ, люди, — сказал юноша глухим своим голосом. — Сами про нас сочиняете невесть что, а мы потом можем брать вас голыми руками.

— Кто ты? — спросила девушка, содрогаясь от омерзения. Она ещё вспомнила, как деревенские парни, играя в «покойника», вот так же вставляют в рот мнимому мертвецу зубы, вырезанные из репы.

Нарядный юноша вытянул губы и произвел гадкий хлюпающий звук. Из кареты вылез бородатый румянчик, держа на вытянутых руках сундучок с деньгами. Сундучок он поверг к ногам хозяина.

— Я господарь здешний Влад, — сказал юноша. — Враги ещё называют меня Убоищем Румынским.

— Верно называют, — сказала Аннушка. — Убоище и есть. Только вот отчего же вы солнца-то ясного не боитесь, кровопивцы?

Господарь захохотал, открывая нормальные человеческие зубы.

— Да это мы сами сочинили — про солнце, про чеснок, про осиновый кол, про ночёвки гробовые... И что мы можем в летучих мышей обращаться... И прочий вздор... А всё гораздо проще.

— Отчего же я до сих пор жива?

— Торопишься, красавица? А нам торопиться некуда. У нас ещё вся жизнь впереди, да не одна, милостью Кесаря. Вот как он нас наградил, а мы зато его от басурман прикрываем.

— Вы сами хуже всяких басурман! Они честно воюют!

— Где честность и где война? Я защищаю свою державу, а уж каким образом — это моё дело. И тебя я вовсе не пощадил, не надейся. Ведь и вы, люди, сладкое только после мяса едите, а мы чем хуже? Мы намного лучше. Басурман я, правда, частенько сажаю на кол, но это исключительно прилюдно, для острастки. И народ мой процветает, и налог на него возложен совсем небольшой. Просто мы нынче оголодали после спячки, вот и решили подкрепиться. Пополдничали мы на славу, но ведь и тебя в живых оставлять никак нельзя... Теперь ты нашу тайну знаешь...

— Какую тайну?

Мысленно Аннушка уже распрощалась с постылой жизнью — жаль только, что Рима ей увидеть не доведётся, — но всё ещё на что-то надеялась. И обидно же в такой ясный день погибать от какой-то неясной пакости!

— Сейчас всё узнаешь... Только никому уже не расскажешь... Зато мы никакого урона твоей чести не нанесём — уже повезло! Или хотелось бы напоследок?

— Заткнись, срамник!

Аннушка присела и выхватила из-за пояса мёртвого янычара, лежавшего у её ног, ятаган. Хотя и не коромысло, но сойдёт!

— Сейчас зарежусь! — сказала она и поднесла к шее клинок.

— Эй, эй, не смей! — воскликнул господарь Влад, Убоище Румынское. — Нельзя понапрасну

кровь проливать, это преступление! Мы так не договаривались!

— А мы вообще ни о чём не договаривались, — мстительно сказала Аннушка и внезапно обрушила ятаган на проходившего мимо неё с грудой одежды румянчика. Тот завизжал и схватился за место, где у него только что была рука.

Но завизжал и господарь Влад. Его перекосило от боли.

— Высосать её! — скомандовал упырь и... осыпался в траву.

Аннушка с окровавленным ятаганом в руке ошеломлённо смотрела по сторонам. Все четверо упырей исчезли, только из травы слышался знакомый уже шорох и завоняло снова...

— Так вот вы какие кровопивцы... — прошептала девушка и бросилась к карете. Сперва она залезла на место возницы, потом на крышу. И только там опомнилась.

«Дура я, дура! Бежать надо было! Хотя... Парни-то и на конях не убежали!»

Трава ходила ходуном. Живое бурое одеяло выползало на дорогу, подбиралось к колёсам.

— Огня бы мне... — с тоской сказала она. — Их ведь лучиной жгут... О Тот, Кто Всегда Думает О Нас, подумай как следует!

Чаще всего короткая эта молитва не помогает... И ждёт её лютая и позорная смерть...

Аннушка услышала, как по щекам её катятся обильные слёзы. Она крепилась из последних сил, чтобы не заплакать, и вот поди ж ты...

Только слезы были очень уж обильными. И волосы от слёз не намокают...

Свершилось небывалое. В неурочное время с безоблачного неба хлынул дождь, да ещё для крепости и молния сверкнула, отозвавшись вскоре могучим раскатом.

Аннушка взглянула вверх, и её прямо хлестнули по лицу уже не капли, а какие-то непрерывные струи. А солнце продолжало светить и потихоньку двигаться по неизменному своему пути.

Передовой отряд кровососов мгновенно смыло с каретной подножки. Дорога превратилась в грязь, а потом и в реку. По реке поплыли, вымытые из травы, мелкие упырики. Было их великое множество: ведь из четырёх здоровых мужиков ой немало клопов получилось! А собраться в прежнее состояние они уже не могли — поток нёс их вниз по склону прочь от кареты.

— А-а, гады! — кричала Аннушка и приплясывала на крыше кареты, как в детстве под урочным дождем. — Не любите! Правильно говорят: «Кровь людская — не водица»! Хлебай водицу, нечисть!

И тут силы оставили её.

...Очнулась спасённая оттого, что кто-то хлопал её по щекам и величал мадемуазелью.

Аннушка открыла глаза.

Она лежала на брошенном поверх мокрой травы плаще, и над нею склонялся самый настоящий рыцарь — в доспехах и в шлеме с перьями.

О чём ещё может мечтать образованная девушка?

Только вот сквозь прорези шлема кусками торчали толстые синие волосы.

ГЛАВА 43

В траттории было пусто.

И не мудрено, коль скоро в неё вошли два человека, наиболее приближённых к владыке Чезаре Борджа, вечно живому Тёмному Кесарю. Все остальные посетители, не дожидаясь повелительного знака, покинули уютный зал, наполненный вкусными запахами.

Но всё же телохранитель Микелотто и камерарий Николо Макиавелли и сами чувствовали себя несколько неуверенно. Впервые за многие годы они оба враз оставили своего господина без дозволения и рискнули предпринять самостоятельные действия.

Они сели за маленький столик в углу так, чтобы одновременно видеть и входную дверь, и окно. Хотя бояться им в Риме было решительно некого.

Боялись их.

Трясущийся хозяин, толстый Джакопо, тотчас оказался возле них. Через руку у него была переброшена грязная салфетка.

— Вальполичеллы! Много! — решившись, выкрикнул Макиавелли.

Для него-то эта вылазка была едва ли не первой. Ведь большую часть своей незаконно долгой жизни он провёл в прихожей, вечно готовый очутиться в опочивальне Хозяина по первому зову. Обычно там он пребывал в состоянии полудрёмы, но толком выспаться ни разу не удалось. Да и питаться приходилось урывками. Всё-таки эти Борджа ничего и никому не забывают. Не забывал и Чезаре того, как вероломный Макиавелли неко-

гда заявил с великой наглостью на заседании флорентийской синьории, что поддерживать воинственного папиного сына не стоит: это-де «отработанный материал». Так и заявил, разве что на пол не сплюнул.

— И пару каплунов, — добавил дон Мигель Коррельо. Он чувствовал себя получше: всё-таки немало странствовал вдали от Вечного Города и неумолимого владыки.

Мгновенно появились и кувшин, и кубки, и тарелки с зеленью и сыром.

Синьор камерарий жадно, точно басурманин в пустыне, припал к кувшину. Микелотто наблюдал за ним с неудовольствием.

— Слюней не напусти, — проворчал он.

Макиавелли поставил кувшин и отдышался.

— Как вы думаете, Микелотто, Хозяин может нас здесь услышать? — шёпотом спросил он.

Микелотто махнул рукой. Лапа у него была грязная, с чёрными ногтями. Каждое утро он подавал Хозяину тазик для умывания, а сам о чистоте как-то забывал.

— Он может услышать нас где угодно, — сказал телохранитель. — Только ему сейчас не до этого. Ему привезли из Нидерландов какую-то особенно мощную линзу, и он теперь наблюдает падение нравов среди сверчков. Хозяин стал любопытнее, как Леонардо: тот вечно забывал поесть и выпить, препарируя своих птичек и ящерок. Эта ваша идея со стёклышками была весьма удачной.

— У меня все идеи весьма удачные. Они останутся в веках, — гордо сказал флорентийский сек-

ретарь, но уже погромче. — Боюсь, Хозяин даже не заметил неурочного ливня.

— Вот и я боюсь, — Микелотто наполнил свой кубок, а потом, поколебавшись, и кубок сокувшинника. — Я всю жизнь боюсь...

— Довольно долгую жизнь, — заметил Макиавелли и стянул с головы чёрную шапочку. Лысина была мокрой, а кубок в руке дрожал.

— Тем обиднее будет её потерять... За жизнь! — провозгласил дон Мигель и выпил залпом.

Некоторое время они жевали сыр и травку.

— В конце концов, он же ваш кузен... — промолвил Макиавелли. — Вернее — вы его кузен...

— Да, — вздохнул Микелотто. — Но он не расправился со мной отнюдь не по причине кровных уз. Просто ему нужны настоящие, *прежние*, люди.

— Он быстро воспитает новых, — вздохнул Макиавелли. — Непостижимо верных...

— И непостижимо глупых, — добавил дон Мигель. Шрам на его лице, заработанный в невероятно далёком детстве, побагровел. — Господи, — еле слышно сказал он, но в траттории было так тихо, что слово это показалось флорентийскому секретарю громом небесным, — как мне надоели эти куклы, мнящие себя людьми...

— Да они уже почти люди, — откликнулся Макиавелли. — По сравнению с тем, что было в самом начале.

Рыцарь клинка и пинка невесело хохотнул.

— Да уж, намаялись мы...

— Ну, маялся-то главным образом почтенный Джанфранко, — возразил синьор Николо. — Я пре-

красно помню тот день, когда солнце и луна едва не столкнулись прямо у нас над головами.

— Но всё-таки не столкнулись: мерзавец знал своё дело. Ему не хватило уверенности в себе. Прямо как в том анекдоте про хирурга-корсиканца: «А-а, опять нисего не полусяется!» Ну, потерпел бы Хозяин ещё немножко... Да Хозяин его, кстати, и не торопил... Чего-чего, а времени-то было навалом. Его и сейчас навалом.

— А толку? Ведь ученейший подлец избавился от всех соперников во всех видах искусств. Клянусь Ваххом! — воскликнул бывший дипломат и в подкрепление клятвы опять присосался к кувшину, минув кубок. — Второго такого завистника не было в нашей истории!

— В прежней истории, — уточнил Микелотто. — Любопытно было бы узнать, как там у них, *на самом деле*, всё устроилось...

— А вот мне не любопытно, — сказал Макиавелли. — Это прошлогодний снег. И даже не прошлогодний. Возврата нет, как не было его и в самом начале. Там мы уже давным-давно умерли и стали добычей хронистов. Ну, меня-то, разумеется, помнят...

— Ну конечно, — развёл руками убийца. — *Тамошние* правители, поди, вашу книжонку под подушкой держат и прямо с утра, не опохмелившись, листают: «Посоветуемся-ка с Макиавелли!» Э, кувшин-то пустой! Джакопо! Почему у тебя такие маленькие кувшины?

— Это чтобы почаще оказывать вам внимание, почтеннейшие синьоры! — нашёлся мгновенно воз-

никший трактирщик, но в каждой руке его уже было по полной посудине.

— Уши ему проткнуть, что ли? — тоскливо сказал Микелотто.

— Это мой человек, и докладывать он будет только мне! — гордо сказал флорентийский секретарь.

Микелотто заржал от души, обнажая кривые и жёлтые зубы.

— Человек! Се человек! Ну вы и скажете, синьор Николо!

— А что? Он-то родился от отца с матерью, как мы. И ещё неизвестно, какие мысли бродят в его кучерявой башке. Римляне испокон веку были вечные бунтовщики и заговорщики. Ещё со времён Цезаря — того, настоящего...

И синьор Николо заткнулся.

— А наш, стало быть, не настоящий? — усмехнулся убийца. — Может быть, Цезарь Второй?

— Первый! — страшным голосом выкрикнул Макиавелли. — Самый Первый и единственный!

Он даже оглядел пустой зал — все ли слышали?

— Успокойтесь, дорогой. И отчего это все флорентийцы такие трусы?

От оскорбления камерарий пришёл в себя.

— Грех вам так говорить, Микелотто...

— Грех? — дон Мигель опять разразился хохотом. — Что есть грех? Ну-ка, ну-ка? Может, вы зададите этот вопрос нашим кардиналам и епископам? Нашим э-э... дьяволословам?

— Не пытайтесь подловить меня. В конце концов, Мигель, ваши шуточки мне надоели. С кем

ещё мы можем поговорить по душам, как не друг с другом?

— По душам... Вы уверены, что она у вас есть, душа-то? Может, вы и крестик на груди сохранили?

— Я сохранил свой блестящий ум, — высокомерно сказал Макиавелли. — И не надо оскорблять флорентийцев. Мы не раз ставили всю Италию на уши. Просто так получилось...

— Это потому, что вы слишком много внимания уделяли всяким побрякушкам, картинкам, статуям... Да вы же резали друг дружку, споря, где стоять мраморному Давиду! Тоже проблема!

— Кстати, он стоит именно там, где указала моя партия.

— Только вот фигового листка он лишён, — мрачно сказал Микелотто.

— Мы все много чего лишились, — вздохнул флорентиец. — Фиговый листок был отброшен заодно со всем лицемерием и ханжеством. Ожидался невиданный расцвет искусств и ремёсел...

— И где же он? Ремёсла — да, расцвели, зато все художники сегодня — не более чем ремесленники... Взять хотя бы этот кубок... Просто жестянка с убогим орнаментом...

— Да вы знаток, Микелотто, как я погляжу! Вы новый Петроний! Новый Джорджо Вазари! Грызите вашего каплуна и не касайтесь возвышенного своими жирными пальцами!

— Хорошо сказано, — заметил убийца и невнятно, по причине набитого рта, добавил: — Да, я не новый Петроний. Я даже не второй синьор Вазари. Но и мне, грубому вояке, ясно, что нет и не будет отныне ни Леонардо, ни Буонаротти, ни Рафаэля,

ни Бенвенуто. Бедняга-ювелир ускользнул из моих лап и где-то сгинул...

— Не он один, — напомнил Макиавелли. — А ваша кузина Лукреция? А ваш вечный соперник Лоренцо Берья? А...

— Вот уж не надо! Я простой испанский головорез, и не мне тягаться с маэстро Джанфранко. Вся Инквизиция не может его найти...

— Вот-вот. И ваш земляк Торквемада все свои речи так начинает: «Я простой Великий Инквизитор...»

— А вы уверены, что Джакопо — ваш человек, а не его? — внезапно спросил убийца. — Зарежу-ка я его на всякий случай. Вот найду муху в вине — и зарежу... Как вам, кстати, вальполичелла?

Флорентиец нахмурился.

— Бессмысленный вопрос. Она такая же, как в прошлом году, и в позапрошлом, и тридцать лет назад. Это *тогда, там* можно было сравнивать вина по годам. А нынче погодные условия одинаковые — значит, и вино будет одно и то же...

— Нет! И нынешний дождь тому доказательство! Мы говорим о пустяках, а на нас надвигается что-то страшное! Вот о чём надобно толковать! Если бы в Риме остался хоть один шарлатан-астролог, он бы непременно заметил, как почти на час замерло в небе солнце! И я уверен, что кто-нибудь в Европе это заметил! А не в Европе — так в Катае или в Великой Тартарии...

— Ну вы скажете тоже... Что-то не встречал я там астрологов...

— Ха! Много вы знаете! А я исходил эти про-

клятые края вдоль и поперёк! Там уже есть университет! Там уже появились поэты!

— Представляю, — скривился флорентиец.

— Нет, не представляете, милейший синьор Николо! Вы весь свой немалый талант интригана потратили на обустройство Единой Европы — неплохая мысль, согласен. Но этого мало...

— Да бросьте вы! Скоро Тартария вольётся в нашу семью народов. Будет один язык, единая монета... Тогда и с басурманами управимся, и с Катаем... Это ведь моя заслуга!

— Это заслуга вовремя помершего короля Патифона. А нынешнее жалкое существо на тартарском престоле... Можно подумать, что принца воспитывали лесные звери! Он вытирает рот скатертью!

— Некоторые вообще не вытирают, — сказал Макиавелли куда-то в сторону. — И рук не моют.

Убийца побагровел.

— Не пыжьтесь, — осадил его флорентиец. — Я вам нужен. Мы нужны друг другу. И мне плевать на ваши манеры. Вы правы, что-то меняется, и это настораживает. Я всё-таки надеюсь, что Хозяин меня выслушает. Поиски Джанфранко нельзя прерывать ни на минуту. Он заварил эту паску — пусть он её и жрёт. Без соуса. К слову, Мигель, это правда, что вас в Тартарии избила до полусмерти какая-то девчонка? Да не дёргайтесь, давайте лучше выпьем за взаимоуважение и взаимосохранение.

Но оказалось, что выпить-то уже нечего.

— Джакопо! — взревел Микелотто. — Убери

кости и тащи граппу! Сколько можно хлебать твою кислятину?!

Граппа в хрустальных стаканчиках, резко упавшая в желудках на вальполичеллу, оказалась кстати. Бунтарские речи соперников-собеседников причудливо сплетались с верноподданническими.

— Наш мир — машина... — затосковал Макиавелли. — Но это наша машина. И она должна служить нам исправно...

— Не нам, не нам, — поспешно возразил рыцарь клинка и пинка. — Но владыке нашему...

— ...А коли машина сломается, — продолжал флорентийский секретарь, — то нас всех затянет в шестерёнки... Все-ех... И его тоже...

— Мы спасём его, — решительно сказал Микелотто. — А значит, и себя. Я вот сейчас же, прямо сейчас, отправлюсь в путь. И притащу Джанфранко в Рим, хотя бы и по частям...

— Пойдём сперва к Хозяину! — воскликнул Макиавелли. — Может быть, он нас выслушает.

— Ему бы лучше не мешать, — неожиданно робко сказал убийца. — Он ведь нас того... запросто... Он такой...

— Непред... Непредсказуемый! — слово это далось флорентийцу с большим трудом. И с ещё большим трудом дались другие слова: — А вдруг он... раскается?

От этой страшной мысли испанец лишился речи. Пришлось ему налить полнёшенький кубок и выпить, хоть граппу и не пьют кубками.

Появился трактирщик и что-то шепнул камерарию. Мессер Макиавелли вздрогнул, поднялся, почти не шатаясь, и бросился к дверям.

Микелотто остался на месте, устремив глаза в одну точку. Губы его беззвучно шевелились, ладони сложились перед грудью.

Добрый подзатыльник вернул его к действительности.

— Ты ещё перекрестись, — сказал вернувшийся Макиавелли. — Теперь нечего размышлять. И некогда спрашиваться у Хозяина. Джанфранко нашёлся.

— Что? — вскинулся убийца. — Где? Когда?

— Прискакал гонец. Мой тартарский проект придётся свернуть. Дело серьезное. Нашёлся и Лоренцо Берья. Твой свинячий кондотьер идёт в Рим.

— Убью, — мотнул головой Микелотто.

— Идиот! Он идёт с головой Джанфранко! И, если он бросит эту чёртову башку к ногам Хозяина раньше нас, нам конец! Мы будем не нужны!

— Перехвачу! — убийца попробовал встать, но не случилось.

— Болван! За ним охотится сейчас вся Европа! Последний мужик знает, что Чезаре в награду за голову маэстро обещал кардинальскую шапку и кое-что ещё, о чём не говорят. То есть исполнить любое желание. Любое — он так и сказал, если помнишь! А какое желание может быть у Лоренцо?

— Понял, — кивнул Микелотто и упал головой в тарелку.

ГЛАВА 44

...Когда рыцарь с обеспамятевшей Аннушкой на руках скрылся за поворотом, зеркальце померкло — было, видать, с норовом или же нуждалось в отдыхе.

Лука рыдал.

— Горе мне, слабому и беззащитному! Где тот герой, что вызволит мою любимую?

Притихший Ничевок прошептал:

— Тронулась наша девка: уже и слова путает! Намаемся мы с ней, дяденька Тиритомба! Давай-ка загоним её первому попавшемуся барину за хорошие деньги, а сами пойдём, куда дедушка поведёт!

Предательские ребячьи речи вернули несчастного атамана в ум.

— Замолкни, недоросль! Вот я самого тебя уже продам!

— Кое в чём юнец прав, — сказал поэт. — Вы, барышня, не расстраивайтесь. Не всё ещё потеряно. С нами тело великого волшебника. С нами грозное оружие — демон в сумке. У нас есть цель...

— Какая? — спросил атаман, отводя от глаз промокший рукав.

Тиритомба задумался. Он поглядел вдаль, на раскисшую дорогу, по которой еле-еле ползла чья-то телега.

— Во-первых, найти Аннушку. Во-вторых, уничтожить Римского Кесаря, оставшись при этом в живых...

— Не получится, — замотал распушенными косами Радищев.

— Это почему же?

— В живых не останемся, — просто сказал Лука. — Потому что тогда и мира нашего не будет, а в том, другом, ещё неизвестно, родимся ли мы...

— Да ты бредишь, — вздохнул арап — к вящему удовольствию Ничевока.

— Если бы... Я всё понял. Тот, Кто Всегда Ду-

мает О Нас, действительно существует. А когда он перестанет думать — тут-то всё и провалится в тартарары... Я-то полагал, что это мудрый синьор Джанфранко...

— А на самом деле? — вскинулся Тиритомба.

— А ты не понял?

— Не понял... — заморгал поэт.

— Мир держится волей Кесаря. Синьор Джанфранко — всего лишь подрядчик, к тому же не слишком удачливый...

— Не срами дедушку! — возмутился Ничевок. — Вы, дураки, дрыхли, а я ещё с ним разговаривал, он мне много чего рассказал...

— И чего же он тебе рассказал, обглодыш?

— Это наше дело! — гордо отвечал Ничевок. — Раз обглодыш — значит, нечего и спрашивать... Эй, смотрите, дедушка тревожится!

Атаман и арап головы повернули к дубу. Ветви могучего древа тряслись, как под большим ветром. Безглавец дёргался, стараясь освободиться.

— Сейчас пойдём, деда! Я их палкой подыму! — малец побежал к своему покровителю.

— В самом деле, идти надо, — сказал атаман и на всякий случай ещё поглядел в зеркальце.

— Зачем идти, друг мой? Подождём ту телегу — быть может, добрый поселянин согласится подвезти нас хотя бы до ближайшего контрольного пункта...

— Подождём, — кивнул Радищев. — Только не нравится мне всё это.

— Что именно?

— Да всё. И ливень этот неурочный с ясного неба... Ты хоть раз в жизни видел такое?

— Не видел, ну и что? Я много чего не видел, а оно есть...

— Знаешь что? — сказал атаман. — Я всё-таки гляну напоследок, что там Кесарь подделывает. Он-то первый должен заметить, что в мире какой-то непорядок...

И обратился к зеркальцу:

— О любезное зеркало! Не покажешь ли нам Кесаря Римского?

Зеркальце замутилось, прояснилось, и в нём обнаружился искомый Кесарь. Лука даже невольно, по-девичьи, zalюбовался зиждителем мира: о таких ненаглядных зеленоглазых дролечках всякая мечтает — хоть деревенская дурочка, хоть блистательная фрейлина...

Зеленоглазый дролечка Римский сидел за длинным столом. Перед ним на особой подставке стояло большое, с тарелку, увеличительное стекло, как бы выломанное из очков гиганта. Стекло, судя по устройству подставки, могло вращаться в раме. Чуть подальше стоял плоский короб, в котором бегали два ёжика.

Кесарь смотрел не в стекло и не на ёжиков, а на собственные руки с вывернутыми вверх ладонями. Руками он делал какие-то таинственные движения, словно бы переливал нечто из чаши в чашу...

— Колдует... — прошептал Лука. — Ну, сейчас он нам наворочит...

— Да, он пронзает мыслию само мироздание и решает, где отныне располагаться небесному своду: сверху или снизу! — догадался Тиритомба, заглядывая в зеркало через атаманово белое плечико.

— А вот и нет, а вот и нет! — торжествующе заорал оголец Ничевок. — Эх вы! Просто дядька сидит и от большого ума соображает, как это ёжики плодятся: и так колко, и так колко!

На такую трактовку зеркало, видимо, обиделось и вновь помутнело, а Ничевок был удостоен новой затрешины.

— Всё испортит! — возмутился Лука. — Налаживай теперь!

— А чего там налаживать, — махнул рукой малец, словно бы и не заметивший затрешины. — Зеркальце надо не за пазухой держать, а на солнышке, только и всего. Его солнышко кормит...

— Тебе-то откуда знать? — насторожился Лука.

— Да уж знаю! — приосанился Ничевок.

— Какой сообразительный! — сказал поэт. — Всё ему ведомо. Видно, не зря его маэстро приметил и приголубил. Я всегда верил в творческие силы простого народа... Синьор Джанфранко, полагаю, ведёт его точнёхонько в Сорбонну!

— Тогда нам не по пути, — вздохнул Радищев. — Чего мы в Париже не видели? Точно ли там живёт тот рыцарь, что похитил Аннушку? И отчего у него борода посинела?

— Так ведь про то нам и писал безглавый генерал: Барба Адзурра! — вспомнил арап. — У рыцаря сего якобы какой-то ключ имеется...

Но не успели друзья осмыслить и обсудить этот вопрос: телега, влекомая клячей, приблизилась настолько, что стало возможно разглядеть и сидков.

Лука нежно и томно застонал в бессильном бешенстве.

В телеге тряслись осточертевшие панычи-предатели, нунции-легаты.

— Да когда же вы кончитесь! — плюнул атаман.

Кляча с видимым облегчением встала.

Панычи приподнялись со своего соломенного одра страданий и громко закричали:

— Пани Анна! Наконец-то! Пан Тиритомба! Как мы рады, что вы живы!

— А уж как мы-то рады, — проворчал арап. — Узнали, сволочи. Не хотел поэт рубить вас на строфы, да, видно, придётся...

— Цо то за сличный хлопец с паньством? — живо заинтересовался Яцек Тремба.

Недашковский же скривился в припадке жгучей ревности.

Но сличный хлопец глядел вовсе не на панычей.

— Вы что с лошадьё сделали, изверги? — заорал он. — Вы её кормили или сами всё её сено сожрали?

С этими словами Ничевок подбежал к телеге и принялся распрягать клячу.

— Нечего, ничего, маленькая, — приговаривал малец. — Вон травка-то нынче какая после дождичка сочная!

— Не касайся до коня, лайдак! — вскричал Недашковский.

Ничевок освободил клячу и хлопнул её по крупу ладонью. Кляча тут же отбежала от телеги, нашла подходящее место и жадно стала собирать губами зелёные стебли.

— Что вы здесь потеряли? — хрипло сказал

атаман. — Где все остальные? Где фрау Карла, где дон Хавьер, где солдаты? Где контрольный пункт, который должен быть тут, возле дуба?

— Катастрофа, ясна пани! — сказал Тремба. — Все сошли с ума. Они далеко впереди — ловят Лоренцо Берья. Запрещённые легенды — то чистая правда.

— Какой Лоренцо? — спросил ошеломлённый арап. — Ведь он всего лишь плод поэтического воображения!

— О, если бы так! — Недашковский даже руки вскинул к небу. — Тот дурной монах, что сопровождал вас, и есть Лоренцо Берья! А ведь владыка наш полагал его давно умершим!

— Ну-ка, ну-ка, — сказал Радищев. — Девушка я деревенская, хоть и знатного рода, премудростей ваших не превосходила. Выкладывайте всё, что знаете, не то сейчас прикажу верным моим пажам вас высечь!

Панычи задрожали так, что даже телега затряслась.

— Не надо, проше пани! Всё скажем!

— Слушаю, — атаман высокомерно вздёрнул свою изящную гордую головку.

— Пани Анна... — вкрадчиво начал Тремба.

— Встать! — внезапно даже для себя воскликнул поэт. — Вы с прекрасной дамой разговариваете! Развалились тут у меня!

Панычи вмиг забыли про свои болезни, скатились с телеги и на всякий случай попадали в ноги Луке, норовя при этом облобызать подол сарафана.

— Пани Анна, — всё так же вкрадчиво сказал Тремба. — То не паж с вами и вовсе не мальчик.

То разбойник Тиритомба — правая рука трусливого и подлого атамана Луки Радищева, которого мы вывели на чистую воду. И увязался он за вами лишь с целью грабежа, а возможно, ещё и насилия с убийством. Почитайте-ка его стихи — и вы ужаснётесь! То певец крови и злодеяний!

Лука с трудом переварил оскорбления и жестом остановил паныча.

— Если вы ещё раз, — сказал он, — оскверните своими лживыми устами имя народного заступника, вам не миновать хворостины или чего похуже. Нынче я не в настроении — у меня дни такие тяжёлые. Поэт уже во всём признался мне под пыткой и во всём раскаялся. Вы говорили про дела Кесаря — вот и продолжайте.

— Як Кесаря кохам! — Тремба ударил себя в грудь. — То, что мы говорили паньству разбойникам в лесу, была, верно, чистая пропаганда. Но настал час истины, провозвещённой нам Внуком Святым, что спустился к нашему каравану с небес. Беда, беда великая!

Лука снова прервал паныча.

— А ну-ка пойдём к дубу — там вас кое-кто ждёт. Пусть и он послушает. Да не вздумайте падать в обморок!

Как ни крепились папские легаты, а в обморок всё же рухнули — пришлось их водой отливать.

Привязанный синьор Джанфранко снял с плеч горшок и взял его в руки, чтобы лучше слышать. Видимо, безумие его исчезло вместе с головой.

Дрожащий Тремба поведал, что Лоренцо Берья — вовсе не легенда, что кондотьер с таким именем существовал и считался самым искусным

воином во всей Италии и в деле своём соперничал с самим Кесарем. И что Лоренцо, в отличие от них, панычей, и даже от сличной панёнки Анны, есть *настоящий* человек из прежних времён, каких во всём мире насчитывался от силы десятков. Поначалу злодей Лоренцо был верным соратником Князя-Папы, ведь это именно он завоевал для Кесаря все европейские страны...

— Постой, — вмешался поэт. — Как это так — настоящий? А мы кто?

— Потом растолкую, — нетерпеливо сказал атаман. — Продолжай, мерзавец.

Мерзавец продолжил, бросая испуганные взгляды на тело синьора Джанфранко.

Он рассказал и о том, как завистливый и коварный («Коварней самого Кесаря, моя пани!») Лоренцо организовал заговор, в который втянул и сестру Кесаря, прекрасную Лукрецию. Лукреция же вовсе не померла родильной горячкою, как повсеместно считалось, но скрывалась под чужим именем в женском монастыре. Ей без труда удалось обольстить мудрого Джанфранко да Чертальдо, который до того самозабвенно пособлял непревзойдённому Чезаре Борджа в деле мироустройства, и смутить великий ум к измене. О нет, заговорщики вовсе не собирались вернуть мир к ужасным порядкам, царившим до Возрождения Кесарева, — они хотели только устранить самого Кесаря...

— А то ж не можно! — брызгая слюною, кричал Тремба. — Не можно поразить Князя Мира Сего! Подлый же Джанфранко...

При этих словах безглавец изловчился и достал носком сапога до панычёвых рёбер.

Тремба проворно откатился в сторону и открыл рот:

— Так это...

— Да, — сказал Радишев. — Ты наконец-то догадался.

Тремба, попутно кляня себя за куриные мозги и крепость заднего ума, сообщил, что достойнейший и высокоучёнейший синьор да Чертальдо счел за благо сменить своего работодателя. Увы, из затеи ничего не вышло, и Тёмный Кесарь прилюдно поразил Лоренцо Берья копьём в самое сердце, а тело приказал бросить собакам («Кто ж то знал, что он выживет!»). Прекрасная Лукреция и премудрый Джанфранко бежали и бесследно исчезли в степях и лесах Великой Тартарии. Кесарь объявил за их головы великую награду, а мир так и остался недоделанным...

— Дальнейшее я примерно знаю, — сказал атаман. — Но вот с вами-то что произошло, куда контролёры подевались?

— Так я же говорю пани, что с небес слетел Внук Святой и велел всем искать злодея Лоренцо, оставив прежние дела!

— Выходит, он ещё и говорящий — Внук Святой? — подал голос и арап.

— Так, пан разбойник! Голосок у него негромкий, но приятный, как бы писклявый...

— А я-то полагала, — сказала красавица Лука (и со страхом отметил, что впервые говорит о себе в женском роде без запинки, хотя бы и мыслен-

ной), — что это всего лишь обычный ручной нетопырь, разве что белый...

— Ни, слична пани! То великого разума креатура! Внук Святой нам объявил, что Кесарь ныне погружён в глубокие размышления и за недосугом поручил дела именно ему, Внуку, вот он и летает, оповещая верные Кесарю сердца о том, что Лоренцо Берья жив и плетёт новые козни! Что он таки обезглавил синьора Джанфранко и теперь спешит, воспользовавшись его головой, урядить мир по-своему...

— Так он вроде бы должен спешить в Рим, чтобы поклониться Кесарю головой мудреца... — сказал Радищев и задумался.

— О нет, ясная пани Анна! Берья знает, что не будет ему ни награды, ни прощения! Поэтому все так и всполошились!

— Кто — все? И почему всполошились?

— Как же пани не понимает? — досадливо сказал Тремба. — Ведь если злодею удастся склонить голову к сотрудничеству, грядут великие перемены, а кому они нужны? Нам, например, во все не нужны, мы тут уже с Недеком и к свадьбе начали готовиться...

— И что — посланцы Совета Европы тоже ищут голову?

— Так, пани Анна! Они здрайски бросили нас, больных и недужных, вскочили на коней и помчались в разные стороны!

— И фрау Карла? — с надеждой спросил Тири-томба.

— Нет, эта швейцарская курица всецело занята своими амурными делами, — скривился Не-

дашковский. — Она с этой... с этим... с ужасным трансвеститом! Они отстали, но скоро, вероятно, будут здесь...

— Синьор Джанфранко, — обратился Лука к премудрому телу, — всё, что плел тут этот ватиканский висельник, — правда?

Синьор Джанфранко вернул корчагу на плечи и сделал неопределённый жест рукой — дескать, кое-где правда, а кое-где брешет, гад, напропалую.

— Я так и думал, — вздохнул атаман. — Только что же нам-то делать?

Вместо ответа маэстро поднёс к горшку указательный палец и стал делать им вращательные движения.

— Просит дырку проделать, — догадался поэт. — Только разве можно проделать в корчаге дырку? Она же разобьётся!

ГЛАВА 45

Страшно девушке в мрачном, сыром и полуразвалившемся замке! Страшно и ужасно! Там сочится со сводов и падает на мокрые плиты тёмная густая влага, вовсе не похожая на обычную воду, там ползают по стенам кольчатые и многоногие насекомые, издающие тихий, но мерзкий скрежет, там гнездятся под потолком громадные чёрные летучие мыши, роняющие повсеместно свой зловонный помёт, там воеет гнилой и затхлый ветер, перелетая из бойницы в бойницу, там позвякивают цепями в подвальных застенках давно умершие узники и оглашают пустые пространства ко-

ридоров своими унылыми однообразными жалобами: должно быть, и по-за жизнью им неймётся...

Да ведь, пожалуй, и всякому мужику станет страшно в такой обстановке!

Именно поэтому в старинные рыцарские замки мужиков и не пускают. Нечего им там делать.

А вот сами владельцы замков чувствуют себя превосходно: зажигают смоляные факелы, чтобы кровавые сполохи весело гуляли по гранитным стенам, подбрасывают в очаги толстенные брёвна, чтобы ветер переменял своё завывание на бодрое гудение, насаживают на вертела цельные бычьи и кабаньи туши, чтобы жир смачно шипел на углях, разливают по кубкам старое вино, чтобы тоже шипело, отдавая запахи давнего, позабытого уже лета, кличут музыкантов, чтобы древние напевы и новомодные куплеты способствовали пищеварению..

...Всё было, кроме музыкантов. А музыка — музыка тем не менее играла, и несуществующая певица выводила нежным, светлым, совершенно неуместным в сумеречном этом обиталище голоском причудливые рулады без слов, словно бы тосковала здесь безвылазно уже многие, многие годы...

Аннушка сидела во главе длинного и, видимо, ни разу не обихоженого дубового стола. Перед ней стояла ваза с немыслимыми по весенней поре фруктами, дымилась на блюде кабанья нога, присыпанная мелко нарубленной зеленью, пенился кроваво-красным вином золотой кубок, ножку

которого поддерживали два золотых же чертёнка с вилами и крючьями.

Рядом с Аннушкой на таком же стуле с высокой резной спинкой недвижно покоился хозяин замка, любезно увёзший её со страшного клоповьего пира и промчавший свою драгоценную ношу, как показалось Аннушке, едва ли не через всю Европу.

«Ну и пусть, — думала она. — Всё-таки не у султана, не в гареме. Мужчина обходительный, вежливый, по-французски знает. Да он, поди, и сам француз! Барон, а то и герцог! Могла ли я мечтать о таком? Жаль, что подруги меня сейчас здесь не видят: то-то бы обзавидовались! В самом деле, что за жизнь с разбойником? Подумаешь, Новый Фантомас! А ты старого-то видел, нищерброд?»

Тут она вспомнила, что сама себе поклялась хранить до гроба верность Луке Радищеву, и снова погрузилась.

«Что было, того не воротишь, особенно когда ничего и не было. Спи спокойно, добрый молодец. А с этим я уж как-нибудь управлюсь. Первым делом перекрашу ему бороду. В брюнета или блондина? И когда же он наконец латы свои снимет?»

— Что же вы сами даже вина не пригубите, добрый мой спаситель? — спросила девушка и наполнила второй кубок.

Рыцарь ничего не ответил, взял кубок и смял его одним движением стальной своей рукавицы.

— Ну почему вы, рыцари, всегда даёте такие глупые обеты? Разве можно прожить без еды и

питья, пусть даже во имя самой благородной цели?

Вместо ответа из-под забрала раздался даже не вздох — шорох какой-то, не по-хорошему знакомый...

«Уж не клопы ли под железом?» — ужаснулась бедняжка.

Но клопами и не пахло. Пахло жареным мясом и вином с корицей.

— Ага, я знаю! — воскликнула Аннушка. — Вас заколдовала злая ведьма, и снять чары может только моя чистая любовь вместе с поцелуем! И вы сразу же станете юным и прекрасным! Так я поцелую вас прямо сейчас! Чего тянуть-то?

Она вскочила и попробовала поднять забрало, но лишь накололась об сизую щетину.

Рыцарь осторожно, но властно отстранил её руки от шлема.

Голос его, казалось, исходил не из четырёх щелей в забрале, а из тех же неведомых далей, что и музыка.

— Дорогая моя, — сказал рыцарь Синяя Борода. — Я и сам не знаю, какое именно заклятье на меня наложено. И ведьмы никакой у меня не было. Я лишь надеюсь, что на этот раз ваше благоразумие вкупе с выдающимися душевными качествами помогут мне понять, кто я такой и для чего существую на белом свете все эти нескончаемые годы...

«Невозможно, чтобы такому голосу быть у злодея, — помыслила девушка. — Так может говорить либо суженный-желанный, либо батюшка родимый. А у злодеев и голоса злодейские... Толь-

ко вот что значит «на этот раз»? Были, выходит, и другие разы?»

— Друг мой, — осторожно сказала она. — Так, получается, вы всё время жили в одиночестве? Бедный, бедный! Я помогу вам...

Прошуршал ещё один вздох.

— Не жалейте меня, дорогая, ибо я не ведаю, достоин ли я жалости. Мне остаётся только лишь надежда — и она умрёт последней... из вас... из вас... из вас...

Голос рыцаря стал хриплым, и даже треск слышался какой-то, и вроде бы на краткий миг озарились щели в забрале нездешним голубым светом.

— Что это с вами? — испугалась Аннушка и почему-то стала колотить рыцаря по спине, как будто спаситель её подавился вином или костью.

Как ни странно, это помогло.

— Благодарю, любезная девица, — сказал Синяя Борода, и в голосе рыцаря появилась неожиданная бодрость вместо вековой грусти. — Всё, что от вас требуется, соблюдать некоторые несложные правила. Уверяю вас, что они необременительны и нимало не оскорбят ваших благородных чувств и принципов. Будьте полной хозяйкой в моём доме!

— Буду! — согласилась Аннушка. — Я тут всё разгребу, подмету, перестираю, переглажу, перевою, переставлю, переменю, перестелю, повыведу насекомых, поснимаю эти пыльные шторы, выколочу пыль из гобеленов, нарву в саду сирени, заведу самого весёлого зяблика, самого ленивого

кота, самую добрую собаку, а ещё у нас будет пять или десять человек детей!

— Дети неоднократно здесь бывали, — сказал рыцарь. — Но они, увы, тоже не проявили должного благоразумия.

— Да не будет у нас никакого благоразумия, а будет счастье! — вскричала Аннушка. — Довольно вам, доблестный шевалье, прозябать во мраке и тоске! Коли не желаете ужинать — ступайте отдыхать, а я пока займусь нашим жилищем!

Она уже присмотрела в углу подходящую метёлку.

— В отдыхе и сне я не нуждаюсь, — сказал рыцарь. — Лучше я проедусь по окрестностям, погляжу, не обижают ли людоеды вдов и сирот, не притесняют ли кровопийцы-ростовщики добрых пейзажей, не томится ли в каком-нибудь таком же замке прекрасная принцесса...

— Эй, — сказала Аннушка. — Это уже лишнее. Нам принцессы ни к чему, мы сами ничего из себя. За мной знаете как один благородный разбойник ухаживал? А, не знаете. Розами осыпал, золото горстями разбрасывал! Одного народу погубил — ужас! Чуть царя-батюшку не сверг! И взошел на эшафот с моим именем на устах! Вот как у нас, в Еруслании, заведено! А ваших принцесс я видела-перевидела: ни рожи, ни кожи! Только попробуйте привести хоть одну — от кутюр её ни клочка не останется! К слову — нет ли у вас в замке коромысла?

Этот вопрос поверг рыцаря в замешательство. Толстые щетинки, торчащие из забрала, напряглись.

— Коро... чего?

— Мысла, шевалье! Воду носить!

— Вода в колодце, — задумчиво сказал рыцарь. — Колодец прямо в замке. Вёдра в кладовке. Но неужели вы будете, как простая служанка...

— Да не в грязи же сидеть!

— И в самом деле, — сказал Синяя Борода. — Коррозия... электролиз... пробой... пробой... пробой...

Аннушка снова шлёпнула его по стальной спине, и снова помогло:

— ...тогда только я смогу назвать вас своей супругой, — досказал рыцарь внутреннюю мысль. — Но не вздумайте нарушить моего запрета!

— Какого запрета? — возмутилась Аннушка.

Рыцарь встал из-за стола, прогремел по залу, порывлся в стенной нише и вернулся с огромной связкой ключей. Таких связок Аннушка даже в тюрьме не видела.

Ключи были разные — большие и малые, медные и железные, новенькие и ржавые, с одной бородкой, с двумя бородками, вовсе без бородки, круглые и плоские, длинные и короткие.

— Будьте хозяйкой в моём доме...

— Сообщал уже!

— ...всё здесь принадлежит вам, дорогая невеста. Отпирайте любую комнату и берите всё, что вам понравится. Но только никогда, никогда и ни за что не отпирайте маленькую железную дверь вот этим маленьким серебряным ключиком! Иначе вы опять всё испортите!

Аннушка потупила глазки, потом оживилась:

— Разве это запрет? Да чего я не видала в той

комнате? Мне она и ни к чему. Ладно, разберусь — поди, не в чужих людях росла! А вы, суженый мой, отправляйтесь на подвиги. Я не люблю, когда во время уборки мужики под ногами путаются. Ах да! Милый мой шевалье, вы до сих пор не назвали своего имени, чтобы я знала, кого благословлять мне за неожиданное счастье...

Рыцарь глубоко задумался.

— Меня зовут... Меня зовут Жиль, — сказал он наконец.

Аннушка захохотала.

— Жиль, жиль, да и помер! Ничего, бывают и посмешней имена! А меня зовут просто — Анна...

Синяя Борода замер.

— Анна... — повторил он. — Анна... Иоанна, отчего же ты не зовёшь меня в бой, как прежде? Отчего не трепещет знамя над твоей головой? Почему не слышу я приветственных криков солдат?

— В своё время позову, затрепещет и услышите, — на всякий случай пообещала девушка.

ГЛАВА 46

Разбить горшок просто, а вот провертеть в нём дырку...

— Нет чтобы ещё в деревне сказать, — ворчал Ничевок и ковырял глину кинжалом. — Я бы тыкву с чердака принёс, глаза в ней прорезал, рот... Годится что мудрецу думать, что мелюзгу пугать...

Мудрец только руками разводил — дескать, и на меня довольно простоты, хоть я и не всякий.

— Осторожно! — то и дело вскрикивал Радищев. — Дай лучше я...

— Без юбок обойдёмся, — сопел мальчонка. — Не говори под руку! И ты, дядя арап, не суйся, это не арапское дело, тут думать надо...

Панычи и подавно не совались.

Ничевок зажал рукоять кинжала между ладошками и стал быстро-быстро вращать — так в самых глухих деревнях добывают огонь из двух дровяшек.

Наконец образовалось желанное отверстие. Оголец стал расширять его и старался до тех пор, куда из дырки не слышалось:

— Достаточно, юноша. Этого достаточно.

— Больно тонкий голос-то, — важно сказал Ничевок: ведь настоящий мастер никогда не бывает доволен своей работой!

Но работу мастер всё же прекратил и с поклоном вручил горшок синьору Джанфранко.

— Знали бы вы, господа, — сказал учёный действительно высоким и свистящим голосом, никак не похожим на человеческий, — как просторно научной мысли в этой восхитительной пустоте! Она может ходить и туда, и сюда, и с поворотом, и вприпрыжку! Никакого сравнения с жалкими людскими мозгами, где ей, бедняжке, приходится протискиваться между извилинами, и чем их, извилин, больше, тем труднее. Вот если бы ещё откачать из горшка воздух... О, восхитительный абсолютный вакуум! О наука, ты в очередной раз посягаешь на природу! О...

— А как бы ты тогда, деда, говорил, без воздуха-то? — спросил Ничевок.

Синьор Джанфранко заплотировал.

— Я не ошибся в этом достойнейшем юноше!

Ученик сей непременно превзойдёт учителя, и на сей раз никакая зависть не смутит мой чистый разум и никакая критика не усомнится в нём! Завистливость моя, погубившая прежний мир, наряду с прочими низменными чувствами осталась там, в никчёмном черепе! Юноша прав, и Лоренцо Берья не сможет испросить ни совета, ни помощи у своего кровавого трофея! Ведь для этого ему понадобится приладить к гортани кузнечный мех и неустанно его качать, приводя в действие голосовые связки, а до этого никакому головорезу-интригану нипочём не додуматься!

— А как же гор... то есть вы сами, маэстро, говорите? — спросил поэт.

— Вы слышите не убогие звуковые колебания, но лично мысль! Ведь знание есть само по себе сила! Даже если мою бедную голову принесут самому негодяю Чезаре — пусть! Расчленять-то он мастак, но вот поинтересоваться божественной анатомией, познать восхитительное строение человеческого тела...

— А коли ему подскажут? — спросил атаман и махнул косой в сторону панычей. — Вы неосторожны, синьор Джанфранко...

Панычи вострепетали. Тиритомба взял из руки Ничевока кинжал и хищно осклабился белоснежными зубами. Кудерьки на поэтической голове встали дыбом.

— Не смей! — остановил его Лука. — Как ты, творец чудных песен, потом жить-то будешь, зарезав безоружных?

— Так они же... Как ты говорил? Ненастоящие?

— Для нас они самые настоящие, — вздохнул атаман.

— Больно вы жалостливые! — возмущился чудо-ребёнок. — Зря врут на арапов, что свирепые! Бойтесь, так я лучше сам...

— Верно! — воскликнул маэстро. — Бамбино от природы лишён эмоций! Потому он так и сообразителен! Жаль, что нету с нами второго горшка — тогда бы я быстро произвел несложную ампутацию...

Но чудо-бамбино и от несложной отказался:

— Ага, деда, а потом я с горшком на плечах пойду к царевне свататься!

— Твоя царевна — наука! — торжественно провозгласил учёный. — Ей, единой, должен ты посвятить все помыслы и чаяния...

Теперь уже не только панычи, но и Лука с арапом стали боязко глядеть на учёную парочку.

— М-да, — сказал Тиритомба. — Не зря изучал я народные предания и сказки. Всё сходится. Ведь, как известно, старый колдун обязательно все чары свои должен передать молодому...

— Какие же они колдуны? — спросил Радищев. — Сплошная наука! Ты вот, к примеру, хотя бы тригонометрию помнишь?

— Пифагоровы штаны поднялись за честь страны, — сказал арап. — Поэзия науке не товарищ. В одну телегу впрячь неможно свинью и вольного гуся. Или нет — гуся и трепетну свинью... А волшебник — фигура вполне поэтическая. Я хотел написать поэму про одного злого колдуна, что красавиц похищал. У него вся сила была в бороде. Ныне же сама жизнь подсказала мне верный ход.

Не борода у него будет, а горшок взамен головы! Заодно выйдет и скрытая сатира на так называемую чистую науку...

— Меня другое тревожит, — признался Лука. — Атаман я или баба?

Поэт отодвинулся подальше и сказал:

— Баба! Меня к атаманам сроду не тянуло!

Лука даже не обиделся.

— Ну... я же временно баба... Да и не баба, а *femina intacta*... Девицы мы с Аннушкой...

— А если она встретит... Да что там — уже встретила! Синюю Бороду! Ты ведь навсегда... Извини, Лука... Но...

— Он же ры-ыцарь, — сказал атаман, причём произнёс эти слова томно и мечтательно, как всякая девушка. — Да я бы и узнал, если что... Почувствовал бы... Ведь между нами симпатическая связь. С Аннушкой покуда всё в порядке. Хотя у султана ей было бы безопаснее. Но тут ведь всё от неё зависит. Она-то не знает, престокая, как из-за неё добрый молодец страдает. Вот что: ты пока расплети-ка мне девичью косу, расчеши её да вплети потом вот эту славненькую ленточку...

Солнышко пригревало, старый дуб склонялся и шумел, горшкового мудрец и юный его ученик проникали мыслями мироздание, панычи на телеге зарылись в свою солому...

Делать Луке ничего не хотелось, а хотелось уснуть и проснуться... Да хотя бы на нудной лекции отца Гордония. В студенческом кафтане. Чтобы никаких бунтов, никаких кружал, никаких разбойников, никаких Аннушек Амелькиных...

«Э нет! — опомнился Лука. — Что же я за чело-

век, если мечтаю обойти судьбу на кривой? Неужто я и впрямь гомункул?»

— Снова кто-то по дороге прётся, — сказал Тиритомба.

Лука нехотя приподнялся, сделал козырьком ладонь и пригляделся.

По дороге шли две женщины. Только шли они не как две подруги на ярмарку, а совсем наоборот. Одна из дам тащила другую на верёвке, то и дело забегала сзади и давала спутнице хорошего пинка.

— Это ещё кто? — сказал атаман и потряс головой.

— Может, монашки... — мечтательно сказал поэт.

— Опомнись! Разве монашки друг дружку верёвками вяжут?

И действительно: та, которую тащили, была основательно, до самой шеи, перевязана крепким вервием. Лица связанной было не разглядеть, поскольку его скрывала такая знакомая вуаль...

— Так это ж Рахит-бек! — обрадовался Лука. — Как это он дал себя связать... э-э-э... даме?

— Это не дама, — с тоской сказал поэт. — И вообще не женщина...

— Ну, ясно, не женщина, — хмыкнул Радищев. — Это вольный горец.

— Да нет, — простонал Тиритомба. — Я не про него. Вторая-то, разуй глаза — это же фрау Карла! Видно, наш вольный горец хотел от неё сбежать, а она вон как с ним обошлась... Теперь за меня примется...

— Отобьём, — с большим сомнением сказал

Лука. — Ничевока нашего попросим в случае чего...

— Гляжу я, моя дорогая, что нынче у нас за главного сей дерзостный ребёнок! — заметил арап. — Но что же послужило причиной размолвки между нежными любовниками?

— Сам ты дерзостный ребёнок, — проворчал атаман. — Только как же она его скрутила, такого умелого?

— Она может, — вздохнул поэт. — Мне вообще сдаётся, что фрау Карла на самом деле не фрау Карла, а переделанный ландскнехт вроде...

И на всякий случай замолчал.

Да и не надо было уже ничего говорить, поскольку посланница Совета Европы обладала зычным командирским голосом.

— Я его поймален! — кричала она ещё издали. — Я его разоблачайт! Это не бергбевоннер, это энгляндер! Это энглиш шпион!

— Какие вы, бабы, дуры! — сказал обнаглевший арап. — Как будто поэт не видит сути вещей! Как будто певец свободы не узнал бы в удалом сыне гор английского разведчика!

— Но ведь с братом Амвонием мы оба пролетели, — сказал Радищев, словно бы не заметивший замечания об умственных способностях женщин.

— А крепко она его захомутала, — похвалил поэт.

Сам же крепко захомутанный Рахит-бек ничего сказать не мог, потому что рот у него был за-
ткнут его же вуалью.

В отличие от панычей фрау Карла и не поду-

мала упасть в обморок при виде синьора Джан-франко и корчаги на его плечах. Она усадила своего пленника на траву и, покрасневшись от гнева, стала возмущённо рассказывать историю крушения своей недавно обрётённой любви. При этом фрау время от времени ударяла увесистым конопатым кулаком Рахит-бека по башке, словно бы подкрепляя истину.

Фрау Карла, конечно, не была заколдованным ландскнехтом, но в жизни повидала много чего: до того как напялить ей судейскую мантию, послужила в европейской интерполии, о чём обстоятельно и поведала всему собранию.

— Как я ошибался себя! — кричала фрау судья. — Как я мог променять майн кляйне шварце буби на этот бестий! Он говорил во сне! Он признал себя!

Оказалось, что, утомлённый ландскнехтскими ласками, Рахит-бек не уберётся и действительно стал разговаривать во сне, восклицая: «Британия — рулёз!» Хитрая фрау Карла сделала сперва вид, что ничего не слышала. Но на другую ночь всё повторилось!

— А ну-ка откупорь его! — приказал Радишев.

Фрау Карла поглядела с большим сомнением на раскомандовавшуюся эрусланише медхен, но всё-таки подчинилась.

Разоблачённый горец поначалу вообще не мог ворочать распухшим языком, но жалостливый Тиритомба поднёс к его потрескавшимся губам флагу.

— Это правда, друзья, — сказал Рахит-бек без всякого горского выговора. — Но что вы хотите: тридцать лет вдали от родины... И никаких явок,

никаких резидентов! Никакой связи с лондонским бюро! И вдруг впервые в жизни я встречаю понимающее меня существо! Да, я расслабился, сэра Тиритомба, я плохой имперсонатор...

— Кто же вы на самом деле? — спросил Радищев, властно вернув себе главенствующую роль.

— Я лорд Рипли, — гордо заявил бывший го-рец. — Нахожусь на секретной службе её величества... Я — агент с правом преступления против человечества!

Некоторое время слушатели молчали, пора-жённые услышанным. Лорд Сарджент Рипли был фигурой не менее легендарной, чем кондотьер Лоренцо Берья. В его существование тоже никто не верил, кроме глав многочисленных секретных служб Тёмного Кесаря да ещё Инквизиции. На сэра Сарджента и его вредоносную деятельность было очень удобно списывать многочисленные просчёты кесарских шпионов. «Англичанин гадит!» — разводил пухлыми ручками даже сам Торквемада.

Главным и основным заданием лорда Рипли было возмущение племён. А поскольку в горах на юге Еруслании этих племён было видимо-невидимо, он и стал Рахит-беком. Племена возмущались, но толку от этого выходило немного: упрямые горцы никак не хотели покидать родные места и отправляться походом на Рим.

Число завербованных сэром Сарджентом вождей, старейшин и князей давно перевалило за сотню. Всем им следовало платить, но легкомысленный король Британии (а потом его столь же легкомысленная дочка Бритни Спирс) расставался с

деньгами неохотно. Поэтому король ограничился лишь присвоением лорду Рипли звания сэра Сарджента Кавказского. Званием сыт не будешь, вот ему и пришлось встать на тропу разбоя — благо эта профессия всегда почиталась в горах наипервейшей.

— Словом, мне всё надоело, — заключил Сарджент Кавказский свой горестный монолог. — Надоело жить двойной, а то и тройной жизнью, в нечеловеческих условиях, недостойных джентльмена. Можете себе представить, я даже не каждый день переодевался к обеду! Я годами обходился без дворцового! О, сколь много отдал бы я за возможность сыграть хотя бы одну партию в крокет! И вот я раскрыл своё сердце этой прекрасной леди, а она...

— Даль ему по башке! — радостно сказала фрау Карла. — Кайзер будет щедро наградить меня за трофей. Я буду стать главный ойропиш рихтер!

— Растут люди! — сказал Тиритомба.

Пленник и пленительница всё-таки вздрогнули, услышав голос синьора Джанфранко:

— Развяжите этого человека, — потребовал мудрец. — Он — враг Чезаре и, следовательно, наш друг. У меня созрел восхитительнейший план!

Покуда синьор да Чертальядо излагал честной компании свой план, воистину восхитительнейший, шустрый Ничевок уже разрезал верёвки на пленнике.

Напрасно фрау Карла орала, что её возлюбленный есть опасный государственный преступник, напрасно пробовали что-то вякать папские

нунции-легаты — их-то уж вообще никто не слушал.

— Деваться вам некуда, синьор инглез, — про-свистело из корчаги. — Всё равно Чезаре Борджа с вами расправится — на всякий случай. Так что сама судьба поставила вас на нашу сторону. И не вздумайте нам вредить!

— Я присмотрю, деда, — скромно заверил Ничевек, и от этой скромности атаману стало не по себе.

Фрау Карла зарыдала, и Луке сделалось ещё хуже. Он подошёл к судье и стал её по-свойски, по-девичьи, утешать: мол, ей, Аннушке, пришлось куда солоней, и то она справилась...

Тут он снова вспомнил про настоящую Аннушку.

— А что это мы сидим? — вдруг возмутился он. — Нам же надо в замок Синей Бороды!

— Верно, — сказал Джанфранко. — Там моя клавикула дожидается нас под надёжной охраной...

— Клавикула? — спросил поэт.

— Ключ от мира, — пояснил великий итальянец.

— Ну и аллес с ними со всеми, — сказала утешенная фрау. — Всё-таки либе выше, чем пфлихт.

Она повернулась, чтобы схватить любимого в объятия, но обняла лишь воздух.

Сэр Сарджент тем временем раздевал панычей прямо на телеге, одновременно стаскивая с себя наряд горянки. Панычи сперва думали, что он делает это с благородными намерениями, но горько ошиблись.

— Надоела эта двойная маскировка, — пояснил лорд Рипли. — Пусть уж лучше принимают меня за попа...

...Лиловое трико Недашковского трещало на мощных ляжках лорда. Лука сообразил запоздало, что следует отвернуться. А бедному легату досталось платье дочери гор — правда, щедро расшитое мелкими монетками.

Лука поднял с травы заветное зеркальце и мысленно воззвал к любимой.

Прав был Ничевок: изображение стало гораздо ярче и яснее.

Аннушка стирала какие-то тряпки в огромном корыте.

ГЛАВА 47

Многие люди почитают уборку помещений за грязное и нудное занятие, а зря: ведь всякое наведение порядка есть маленькое волшебство.

Аннушка запорхала по замку, посрывала шторы и портьеры и погрузила всё это добро в богатых размеров корыто, предварительно налив туда подогретой на кухне воды. Она даже задумалась, отчего это при отсутствовавшем хозяине оставалась горячей плита, но ненадолго.

Нацепив на кончик длиннющей алебарды первое попавшееся на стене полотнище, будущая хозяйка замка Синей Бороды собрала по углам всю паутину — благо яркие лучи светила явственно обозначили всяческие безобразия внутри зала. По-

тревоженные летучие мыши пробовали было протестовать, но хитрая уборщица повязала волосы косынкой и тем обезопасилась от их острых коготков. Обиженные нетопыри всей стаей вылетели в окно и устремились прямо к солнцу, чего вообще-то за этими тварями не водится. Только ведь не каждый день попадают в их обиталища такие шустрые девушки! Аннушка даже не обратила на это никакого внимания.

День выдался необычно долгий, солнце всё никак не хотело уходить с полудня — но и сие не показалось красавице странным.

«Как прекрасна женщина в процессе труда!» — мог бы воскликнуть Тиритомба, но он в сей момент в зеркальце Луки не заглядывал. И был бы прав: ведь мужчина в таких обстоятельствах весь перевёлся бы на ругань и проклятия, мгновенно бы переутомился и начал бы то и дело искать подкрепляющих сил в бутылке. А уж прекрасным его не назвал бы и самый восторженный стихотворец.

Аннушка в этом не нуждалась. Не нуждалась она и в свидетелях, и в собеседниках: ей было достаточно разговаривать с собой вслух.

— Вот он вернётся, увидит всё и поймёт, что все прежние невесты были как одна неряхи и распустёхи, — говорила она. — И в нём сразу же произойдут разительные перемены: он просветлеет взором, снимет латы и предстанет во всей красе. Но первым делом я его заставлю побриться. Только боюсь, что обычным лезвием тут не обойтись — придётся его щетину перекусывать кузнечными клещами... Ой, я, наверное, сейчас страшная, как чума!

Но ни подтвердить, ни опровергнуть свои предположения красавица так и не смогла: на стенах не было ни единого зеркала.

— Поди, какая-нибудь его уродина со злости переколотила! — решила девушка. — Вечно эти мужики женятся на ком попало, а потом жалуются! Ну да со мной такое не пройдёт! Не допущу! Не каждый день меня взаправдашние рыцари спасают!

Тут Аннушка сама себе приврала: ведь спас её вовсе не синебородый жених, а неурочный ливень, но какая, в конце концов, разница! Может, он по дороге-то, покуда она в беспамятстве пребывала, кучу людоедов порубал? Да ведь наверняка и порубал — как же без этого?

— Возвращайся скорей, мой сердечный друг! — зывала она в окошко. — Да, теперь бы просушить это всё...

Вот насчёт просушить оказалось сложнее.

Аннушка не помнила, как оказалась в замке, и почему-то не подумала про дверь. И даже не обратила внимания, куда именно вышел, попрощавшись с ней, благородный шевалье.

В стенах залы было множество дверей — в их числе и та, маленькая, запретная.

Но все они были заперты.

Тут настроение девушки резко переменилось:

— Ах ты, железяка ходячая! — воскликнула она. — Я тут пластаюсь, а он мне, видишь ли, не доверяет! Под замком держит! Вот удавлюсь косой, тогда узнает! Ничего, связка-то у меня... Видно, он просто запер дверь по привычке... Бывает... А если не по привычке? Если он меня томить тут

собирается? А потом, после свадьбы, заставит ещё железные штанцы для верности натянуть?

Про железные штанцы для верности рассказывал ей в детстве забубённый гувернёр.

И Аннушка подошла к первой попавшейся двери и стала подбирать к ней ключ. При этом она незаметно для себя ругалась на Синюю Бороду, как ругался по утрам папенька, разыскивая припрятанную от него бутылку с брагой.

Ключ наконец подошёл. Но лучше бы не подходил...

...Когда девушка пришла в себя, солнце всё-таки склонилось к вечеру.

Аннушка захлопнула страшную комнату, вернула ключ на три оборота, сняла его со связки и бросила в корыто.

— Вот, значит, как, — прошипела она. — Вот, значит, как тут с женщинами обходятся! Да он хуже всякого людоеда! Людоед хоть с пользой людей расходует: солит, коптит... Может, выход рядом?

Но рядом был не выход, а такой же ужас.

Аннушка решительно сняла со связки заветный серебряный ключик.

— Дурочку нашёл! Думал, я испугаюсь! Только ты какой-то неправильный злодей — сильно глупый... Тебе бы в эти комнаты напихать золота, серебра, нарядов да цацек всяких, да зеркал навешать — я бы три дня примеркам предавалась и себя от счастья не помнила. А уж покойниц бы стаскал в запретную комнату... Значит, это и не

комната вовсе! Значит, там и есть выход! Эх, зря я столько времени на уборку потратила! Тебе бы, извергу, во щи на столе нагадить, только девичий стыд не позволяет — твоё счастье...

Серебряный ключик звонко провернулся в замке.

Маленькая железная дверь распахнулась.

Прежних жён Синей Бороды там не было, но не было и выхода на волю.

Освещённый настенными факелами коридор уходил куда-то во мрак.

«Страшно, — подумала девушка. — А я безоружна. Ножик, что ли, взять?»

Она отошла от ведущей в неведомое двери и прошлась по залу. Оружия было полно, только всё какое-то тяжёлое, неловкое...

«Ага! — решила Аннушка. — Вот оно! Теперь попробуй возьми меня голыми руками! И штанцы железные — для верности!»

В углу стояли нарядные рыцарские доспехи — сделанные, по всей видимости, на подростка...

ГЛАВА 48

Лука рыдал.

Слёзы катились по румяным ланитам, перси сотрясались, сажа с ресниц размазывалась по лицу.

Несчастный, вглядываясь в зеркальце, вдруг понял, что давно уже не любитесь работающей возлюбленной, а любитесь уже исключительно собой и озабочен единственно своей внешностью.

«У меня уже и мозги бабы делаются», — обречённо понял он.

Вот почему рыдал атаман.

К счастью, его никто уже не слышал — спутники спали, набираясь сил перед завтрашней дорогой, только привязанный к дубу синьор Джанфранко задумчиво кружил вокруг ствола, не пытаясь освободиться.

Они даже не побоялись развести костёр на открытом месте. А чего бояться? Коли и подойдут лихие люди, так от лихости их ничего не останется, когда узрят тело в окровавленной одежде и с корчагой вместо головы.

— Подойди, — еле слышно просвистела корчага.

Атаман, всхлипывая, приблизился.

— О чем плачешь, девочка? — спросил итальянец.

— Я не девочка... — чистосердечно признался Лука.

— Ах, вот в чём дело! — странно прозвучал смех мудреца. — Не беда. Не ты первая, не ты последняя, аморе — страшная сила... Только не проси меня вытравить плод — я и без того достаточно зла натворил... Ничего страшного, коли младенец родится чёрным...

От гнева мозги атамана обрели утраченное было мужество.

— Говори, да не заговаривайся! Мужик я, не хуже прочих! И Тиритомбе нипочём бы не поддался: он ведь мне боевой товарищ, хоть и лелеет преступную надежду. Дышло ему тележное в самые эмпиреи, а не тело моё белое!

— Бедняжка, ты обезумела от пережитого, — ласково молвил мудрец. — На рассвете я соберу в

поле соответствующие травы, и ты снова станешь прежней весёлой Анитой...

— Я не Анята, — буркнул атаман. — Меня Лукой кличут... И ещё неизвестно, кто обезумел...

Он сел у ног итальянца и рассказал ему всё — начиная с неудачного похода в разбойники...

...Есть сказочка про весёлый горшок на ярмарке: всякий, кто брал его в руки, начинал безудержно хохотать. А вот хохочущего горшка никто пока не видел, кроме бедного Луки. Ведь мало не раскололся горшок-то!

Просмеявшись, волшебник сказал:

— Жаль, что не слышал твоего повествования славный мой земляк Джанни Бокаччо. Уж он из этого сочинил бы такую новеллу, что всем попам сделалось бы тошно! Ну и учудила же мона Лукреция! Всё-таки она первоклассная ведьма, что ни говори! Ну да утешься. Я тебе помогу. Хрящик мы позаимствуем из твоего же носа: ведь красота в разбойнике не главное. Кожу для мошонки бережно срежем опять же с твоего же зада, а за тестикулы сойдёт пара желудей от нашего гостеприимного дерева... О, это будет триумфом хирургии!

— Ты мне чего предлагаешь, глиняная твоя голова? — подскочил атаман.

— Не тревожься, ты ничего даже не почувствуешь, усыплённый маковым молочком. Я отделю твою прекрасную грудь от тела столь аккуратно, что не останется и следа, а на её место мы вживим курчавые волосы...

— Нет, так я не согласен. Мне бабушка иное обещала...

— Так она же обычная ведьма! Она на тебя наложила примитивное заклятие с помощью особого отвара. Я же, как подлинный учёный, не признаю никаких чар, а надеюсь лишь на свою верную руку и свободную мысль! Завтра же и приступим!

Лука схватился за низ живота. Нет уж, лучше честная журавушка, чем какие-то жёлуди с носовым хрящиком! И с журавушкой половина народу живёт!

— Нет, я лучше кротко упаду бабушке в ноги. Тем более что она сказала: мол, когда совсем припечёт...

— И припекало? — заботливо спросил мудрец.

— Сто раз! — вздохнул Радишев.

— Значит, припекало, да не совсем, — вздохнул Джанфранко. — Ладно, не отчаивайся и терпи. Всё равно после такой операции тебе пришлось бы отлёживаться всё лето, а нам следует спешить. Боюсь, как бы Синяя Борода не навредил той девушке...

— Да кто он такой?

— Моё изделие, — тоскливо свистнул горшок. — Синяя Борода есть гомункул, только механический. Я, бамбина, на какое-то время отвлёкся от миротворения, которое мне порядком поднадоело, и затеялся построить для детей такой городок, в котором жили бы персонажи разных сказок, но все подряд весёлые и добрые, в отличие от своих прототипов. К сожалению, проклятый Чезаре Борджа снова пристал со своими дурачки-

ми выдумками, и я успел воздвигнуть только замок Синей Бороды. Бедный автомат, видимо, совсем разладился от сырости... До меня доходили ужасные слухи... Да что автомат! Весь этот несчастный мир у нас на глазах разрушается! И он похоронит нас под своими обломками... Может, это и к лучшему...

В неверном свете костра Лука увидел, как по глазурованному боку корчаги катится то ли слеза, то ли предутренняя роса.

— А ключ? Клавикула твоя? — спросил он.

— Ключ... — задумался итальянец. — Ключ, верно, был... К чему же он был? Неужели это случилось в моей отсечённой голове? Нет, вспомнил! Вот он для чего: чтобы всякий, открывший запретную дверь, оказался в надлежащее время в надлежащем месте!

— И что тогда?

— Ну... я не знаю. Возможно, что и этот механизм пострадал от времени... Тогда я уж и не знаю, что делать!

— Так ты же сам всё это учинил! — вскричал во гневе Лука. — С тебя и спрос! Твой и ответ!

Он хотел было сгрести мудреца за грудки, но опомнился — ведь синьор Джанфранко уже ответил головой, а дважды за одну вину не казнят...

— В надлежащее время в надлежащем месте... — тупо повторил Радищев. — Хотел бы я там оказаться — чтобы совсем уж припекло, и бабушка Лукреция пришла мне на помощь, как обещала...

— Узнаю ли я её? — вздохнул горшок.

— Я помогу, — посулил Лука. — А теперь мне отдохнуть надо. Утро вечера мудренее.

— Не знаю, не знаю, — сказал итальянец. — Посмотрим.

...А чего смотреть? Утро выдалось уж такое мудрёное, что и не выскажешь.

Во-первых, солнце, едва показавшись на горизонте и обменявшись с луной Зелёным Лучом, мгновенно взлетело в зенит, и, судя по всему, обосновалось там всерьёз и надолго.

Во-вторых, дуб, к которому привязан был итальянский мудрый синьор, вдруг затрещал и накренился, так что Лука еле успел перерезать верёвку, а то бы Джанфранко искупил свою вину по второму разу.

В-третьих, Тиритомба в ужасе заорал, увидев, как по небу с немыслимой скоростью несётся гусиный косяк, сопровождая свой странный полёт отчаянными криками и устремляясь прямо к светилу.

— Началось, — сказал синьор Джанфранко. — Надо торопиться. А то мы тут совсем как в миланской опере...

— А что в миланской опере? — спросил Лука.

— Так в опере герои вечно поют: «Бежим! Спешим! Погоня близко!» — а сами не трогаются с места по часу и более.

С этими словами он вернулся к рухнувшему дубу и стал внимательно вглядываться в яму, образованную вывороченными корнями.

Лука тоже заглянул. Яма была, казалось, без-

донная, из неё доносился приглушённый скрежет, словно между гигантскими мельничными жерновами угодил какой-то особенно твёрдый камешек.

— Слазить, что ли... — в сомнении сказал Джанфранко.

Пробудившиеся от крика поэта панычи только лупали глазами, чем страшно раздражали Луку.

Фрау Карла прижалась к своему кавалеру, который, сохраняя истинно британское спокойствие и не обращая внимания на даму, свободной рукой стал срезать кинжалом надоевшую бороду.

Тут в небе послышался какой-то свист, и все по мановению руки старого Джанфранко укрылись под ветвями упавшего богатыря.

Тотчас же на землю стали со страшной силой падать какие-то мешки — штук десять.

Даже хладнокровный Ничевок ненадолго утратил самообладание, но всё же вылез из укрытия, первым всё понял и закричал:

— Завтраки прилетели!

Потому что павшие мешки и были те самые гуси, что устремились недавно прямёхонько на солнце. Все перья на них обуглились и отваливались вместе с гусиной кожей.

Пахло вкусно, только есть почему-то не хотелось никому, кроме отважного пострелёнка. Покуда спутники приходили в себя, он уже грыз две гусятные ножки, попеременно откусывая то от одной, то от другой без соли. И всю рожу перемазал жиром.

— Вот вам, амики, и манна небесная — вернее, перепела жареные, — сказал непонятные слова синьор Джанфранко да Чертальядо.

Лука же, не говоря ни слова, взвалил на себя надоевший груз и совсем уж изготовился в путь, но ему не пришлось сделать и шага.

Никто и не понял, поражённый небесными бесчинствами, что мимо пронёсся, тяжело бухая копытами, конь под железным всадником и что никакого Луки, он же Аннушка-Анита, рядом не стало.

Железный всадник ухватил атамана за девичью золотую косу, ловко перекинул поперёк седла и умчал в неизвестную даль.

Там, где стояла невинная девушка с мешком золота, осталось только волшебное зеркальце, безжалостно расколотое тяжёлым копытом.

ГЛАВА 49

...Говорили стражники по-французски, поэтому Аннушке снова пришлось напрячь память.

— Меня зовут Анна, — просто сказала она.

— Жанна? — обрадовался старший стражник.

— Нет, Анна, — поправила девушка.

— Не придирайся, старина, — сказал страж помоложе. — Всё сходится — у неё ужасный эльзасский акцент. Но на всякий случай — вы девственны, сударыня?

— Конечно! — воскликнула Аннушка и невольно покраснела, а про себя подумала: «И какая дура призналась бы первому встречному, что себя не соблюла?»

— Тогда я доложу, — сказал пожилой и скрылся за дверью.

Аннушка в нетерпении переминалась с ноги на ногу. Доспехи её издавали скрипение и лязгание. Молодой стражник смотрел на неё с большим уважением.

— Проходите, дорогая, — сказал вернувшийся пожилой страж. — Несчастливая Франция давно вас ждёт.

Аннушка вошла в распахнутую дверь и оказалась в просторном помещении, битком набитом людьми. Там были мужчины и женщины, старики и дети, при мечах и безоружные — но все были одеты нарядно: у неё даже зарябило в глазах от красного, синего и белого бархата, сверкающей парчи, роскошных ерусланских мехов.

При виде Аннушки все эти люди издали единый восторженный вздох и раздались к стенам. Перед ней открылся широкий проход, в конце которого она увидела покрытый золототканым покрывалом престол. На престоле сидел, болтая кривыми ножками, лохматый карлик и корчил ей рожи. Одновременно карлик обеими руками тасовал карточную колоду. Карты описывали в воздухе самые разнообразные фигуры.

Из толпы придворных вышел старый воин — хоть и не в доспехах, но зато с лицом, порепанным боевыми шрамами.

— Я — Этьен де Лабрюйер, сенешаль замка Шинон, — распевно сказал ветеран. — Ты ли та, что называет себя Орлеанской девой?

— Я, — смело сказала Аннушка, хотя и не знала, что значит «Орлеанская». Но слово было красивое, вот она и согласилась.

— Ты слышала голоса? — спросил Этьен де Лабрюйер.

— Месье, я слышу их с тех пор, как помню себя, — сказала Аннушка и добавила на родном языке: — Чай, не глухая.

— И что же они тебе говорили? — не унимался порепанный.

— Ну... — Аннушка растерялась. — Всякое говорили. Сперва «Солнышко моё», «А кто это тут у нас такой славненький?», потом, как подросла, — «Не чавкай за столом!», «Иди умойся!», «Убери за собой», «Помой посуду!», «Прощай, доченька, береги папу!», «Куда ты вчерашний штоф опять, дурища, запрятала?», «Учи французский, дочка — он тебе в жизни пригодится...»

По залу прокатился восторженный ропот.

— И эти голоса велели тебе прийти сюда, во владения скрывающегося наследника французского престола, с тем чтобы освободить родину от нечестивого римского узурпатора? — тут у благородного старика даже голос перехватило от волнения.

Огорчать деда суровой правдой девушке не хотелось: вон как его враги-то поуородовали! И гувернёра-изгнанника ей тоже было жалко...

— Ну разумеется, — сказала она. — Прямо как сейчас слышу: освободи да освободи Францию! Чего, мол, она стенает? Зачем её всякие гады на конюшне порют, непосильными трудами утомляют, с детьми разлучают, чужим помещикам продают...

— А кому принадлежали голоса? — не унимался сенешаль.

Сперва девушка хотела сказать «людям», но вдруг сообразила, что это будет как-то неубедительно. Поэтому она указала пальцем стальной перчатки куда-то вверх — так всегда делают в Ерусалиме, не желая к ночи поминать царскую власть.

Этот немой ответ поверг придворных в ещё больший восторг.

Седой сенешаль многозначительно поднял руку, призывая к молчанию.

— Всё сходится, — сказал он. — А для чего ты облеклась в боевые доспехи, что несвойственно женскому полу?

Девушка задумалась.

— Так ведь мало ли на кого нарвёшься? — сказала она. — Тут, поди, по дорогам всякие разбойники бродят, могут и обидеть. А у меня и коромысла нет. Вот и пришлось взять эту штуку... Хотела ещё и волосы обстричь, да жалко...

И она потрясла в воздухе алебардой — той самой, для уборки. Она даже тряпку позабыла смотать с острого наконечника, так торопилась покинуть страшный замок.

— Подожди! — взволнованно вскричал старец и жестом принял алебарду из её рук. Потом осторожно развернул всё ещё влажное полотнище.

Тут уж восторгу толпы вообще не стало предела.

— Тихо! — рявкнул сенешаль. — Агенты Инквизиции повсюду!

И добавил — уже приглушённо:

— О мои добрые соотечественники! Она не только произносит слова с эльзасским выговором! Она не только слышала вещие голоса свыше! Она

не только облачилась в мужскую одежду! Она ещё и принесла утраченное знамя королей Франции!

И тяжело опустился на колени, лобызая сырую ткань.

И все опустились на колени, кроме карлика, который у себя на троне прекратил баловаться картами, а встал на сиденье и необыкновенно ловко перекувырнулся.

«Ну, я им угодила, — с облегчением подумала Аннушка. — Как ладно с тряпкой-то получилось! Вот бы и дальше так!»

Тут голос ветерана задрожал. По его седой бороде пробежал паучок, дотоле скрывавшийся от безжалостной уборки в складках священной тряпки.

— А теперь, дорогая моя, — сказал Этьен де Лабрюйер, — выполните своё высокое предназначение: подойдите к нашему драгоценному дофину и приветствуйте его, как подобает приветствовать особу королевской крови...

«Дофин значит дельфин, — поспешно вспоминала и быстро рассуждала Ерусланская девственница. — Дельфина я видела на картинке в бестиарии. Это рыба, а тут никто на рыбу не похож. Значит, так здесь принца кличут. А принца они переодели — хотели, чтобы он на принца не походил. Чтобы я, значит, его отыскала по своему предназначению. А кто здесь более всего на принца не походит?»

И Аннушка двинулась вдоль прохода, внимательно вглядываясь в собравшихся. Шла она очень медленно, вся геройская сбруя на ней погрохатывала — всё-таки не умела она её носить как надо. Иногда Аннушка задерживалась глазами на ка-

ком-нибудь миловидном молодце, но потом досадливо морщилась и следовала далее. Придворные тоже страшно волновались, но никаких указующих знаков ей не делали...

Внезапно она звонко топнула ногой в стальном башмаке и решительно направилась к трону. Взошла по ступеням возвышения, сняла с головы шлем, отчего волосы её, собранные в пучок, рассыпались по кирасе, и опустилась на одно колено. Какая-то железяка впиалась ей в поясницу.

— Любезный дофин, — сказала она. — Милый мой карлик. Ты напрасно прикидываешься паяцем. Кончай дурака валять и займись делом!

Последних слов, впрочем, никто не понял — сошло за эльзасское наречие.

Если бы сенешаль предусмотрительно не погрозил бы толпе французов хорошим кулачищем, то вопль торжества услышали бы, наверное, и в самом Солнцедаре.

Карлик прямо с трона прыгнул ей на руки.

— Здравствуй, сестрица! — пропищал он. — Долго же я ждал! Теперь будет с кем в пикет перекинуться!

...Служанки под надзором придворных дам переодели Аннушку в роскошное и тяжёлое платье рытого бархата, ноги обули в отороченные беличьим мехом башмачки, волосы зачесали назад, чтобы лоб стал как можно выше, и увенчали высокой остроконечной шапкой с вуалью.

«Я теперь сама как королева, — думала Аннашка, глядя в зеркало. — Но вот как бы они меня

не вздумали за этого карлика просватать! Ведь не с титулом жить, а с человеком!»

— Увы, милая Жанна, — сказал ей потом за праздничным столом старый сенешаль. — Наш бедный дофин действительно безумен, да что поделать — ведь он единственный, в ком течёт древняя королевская кровь. Но сколь блестяще выдержали вы последнее испытание! А ведь мы его нарочно усложнили по сравнению с тем, о котором говорилось в забытом предании! Но теперь в вашей тождественности никто не сомневается. Вы поведёте наше войско на Орлеан, и Франция перестанет наконец быть жалким кардинальством и снова станет великой державой! Кстати, как попало к вам в руки священное знамя?

— Неведомая сила заставила меня снять со стены именно его, — чистосердечно призналась девушка. — Голос был...

— А где вы его взяли?

«Вот же неймётся ему! — рассердилась Аннушка. — Что же сказать? Уж не правду ли?»

— А в замке у этого... Ну, борода у него ещё такая... Толстая, синяя...

— Я так и думал! — восторженно вскричал Этьен де Лабрюйер. — Ваше высочество! Друзья мои! Наша отважная девственница вырвала драгоценное полотнище из нечистых лап кровавого безумца Жилия де Лавалья! Никому, даже отважному Жану Бастарду это не удалось! Как же вы смогли с ним совладать? Вы, девственница?

«Нехорошо по-французски-то невинность звучит — «плюсель»! Всё равно что «сикуха»! Ну да ладно!»

— Хитростью, — потупилась девушка. — Не драться же было с полудурком.

— Не скромничайте. Вы отняли его в честной схватке! Вы поразили злодея!

«Кабы так, — вздохнула про себя Ерусланская девственница. — Боюсь, он много девок ещё изведёт... Может, вот и сейчас...»

ГЛАВА 50

Как же тяжело всё-таки быть девушкой! Ещё того тяжелей оставаться! А тут тебя бьют по башке железной рукой, хватают за волосы, влекут неведомо куда! Хуже, чем плохо!

«Да на кой я ему, кабану, сдался? — соображал атаман, медленно приходя в себя. — А здоров, сволочь! Как будто и вправду не человек, а чучело стальное! И куда это он меня привез? Конь у него добрый, да и на коня не больно похож... Кони храпят, когда долго скачут... И как долго? И почему друзья за меня не вступились? И Рахит этот английский ушами прохлопал — тоже мне, голец-разведчик...»

Одно утешало: пистоль кузнеца надёжно покоился там, где положено: промежду прекрасных персей. В случае чего можно застрелиться...

Тут Радищева грубо свалили на какую-то лежанку, и он инстинктивно сжал ноги: положил наперёд сражаться за драгоценную свою девственность до самого конца.

«А вдруг у него всё железное?» — с ужасом подумал атаман и решился наконец раскрыть глаза.

На затылке он ощущал добрую шишку — а ведь волосы ещё изрядно смягчили удар!

Над Лукой нависали гранитные своды, озаряемые багровым светом. Лука со стоном попытался привстать, но железная рука оставила его на месте.

— Ты выполнила недопустимое действие и будешь расчленена! — услышал он нечеловеческий голос и увидел над собой воина в воронёных латах. Забрало шлема было опущено, в нём тоже светились два багровых огонька за путаницей синих даже не волос, а каких-то жилок.

— Да я тебя, дяденька, знать не знаю! — жалобно сказал атаман. — Я сидела себе, веночки плела, песенки пела... Зачем ты меня ударил?

— А зачем ты сбежала? Зачем нарушила мой запрет и отперла тайную комнату, которую мне суждено хранить до скончания веков?

— Никуда я не сбегала... — начал было Лука и вдруг возликовал: Аннушка спаслась из этого мрачного логова! Она была здесь и сумела уйти! Ай да она! — Ну, хватит, — решительно сказал он и всё-таки привстал, превозмогнув неодолимую силу. — Никакая я тебе не Аннушка. Я, если хочешь знать, вовсе мужчина, да непростой. Ты, дядя, меня ещё не знаешь. Вот уже скоро примчатся за мной мои эти... братья, вот! Вся лихая шайка! Они тебе башку-то ссекут! У меня один Рахит-бек чего стоит!

— Ты выполнила недопустимое действие, — тупо повторил чёрный злодей. — За это я буду тебя долго мучить...

— За что?

Железный задумался, зашевелил вслух мозгами.

— Ты скончаешься после нечеловеческих пыток, — сказал он — но не весьма уверенно. — Такова твоя участь. Шестеро твоих предшественниц уже уничтожены. К сожалению, в них я не нашёл необходимого, хотя разобрал их до основания.

— Понял! — радостно вскричал атаман. — Ты же не там искал! Они ведь живые, откуда в них взяться необходимому-то? Тебе, чай, не кровь с кишками, а добрая смазка нужна! Еле скрипишь ведь! Уж ты-то точно ненастоящий! Оставь меня, мерзкое чудовище, иначе познаешь всю тяжесть моего праведного народного гнева! Ты, поди, и землепашцев своих угнетаешь?

— Землепашцев? — задумался железный. — Я их никогда не угнетал. Я их расчленял. Они прятали то, что мне нужно. Они не отдали.

— Так ведь и я не отдам, — сказал Радищев и, вспомнив мудрое изречение, добавил: — Ни одна девушка не в состоянии дать больше, чем у неё есть.

Под шлемом что-то звякнуло.

— Анна, Анна! — воскликнул железный с явной человеческой горечью. — Я-то думал, что ты поведёшь меня на проклятых англичан! А ты вместо этого выполнила недопустимое действие и будешь расчленена!

— А пойдём! — Лука воспользовался моментом и сел на ложе. — Прямо сейчас и пойдём! Чего мне англичан-то жалеть? Да мы с тобой их в капусту покрошим! В самом деле — чего они на своём острове окопались и о себе возомнили?

«Заговорю его бабьим обычаем, — думал Ради-

шев. — Мужики ведь все одинаковые — что мясные, что железные...»

— Я надеялся, что ты хозяйкой войдёшь в мой дом, — продолжал страдать железный расчлени- тель. — А ты вместо этого...

— ...выполнила недопустимое действие и буду расчленена! — закончил за него Лука. — Слыхала. Довольно. Подайте мне еды и питья, доблестный мой рыцарь! Я проголодалась.

Злодей пришёл в замешательство.

— Может быть, сперва расчленение? — пред- положил он.

— Это всегда успеется, — весело сказал ата- ман. — Дурное дело нехитрое. А вот ты лучше до- бра молодца накорми, напои, а потом уж и спать укладывай...

«Соблазню-ка я его, заморочу! Мужики ведь все одинаковые! Мало ли что у него шкворень же- лезный! Не устоит!» — решил атаман и стал по- спешно вспоминать, как это дело у них, девочек из весёлого домика, поставлено.

— Молодца? — проскрежетал злодей. — Доб- рого молодца?

— Да я оговорился! — оправдал себя Лука. — Я, конечно, имел в виду красную девицу... Нет, не «плюсель руж», а «бель дам»!

И немедленно приступил к соблазнению, об- нажив правую персь — или персю? Пистоль же надёжно задвинул под персю левую, чтобы ловчее было выхватить в час роковой.

— Не лапай! — сказал атаман, игриво ударив по стальной перчатке, хотя страшный хозяин и не

пробовал его лапать. — Мужчина, лучше угостите даму портером!

Никакого портера Лука сроду не ел и не пил, но вспомнился ему кстати один портовый кабаk...

— Прошу к столу, — растерянно сказал железный.

Лука решительно подоткнул сарафан, да повыше. Кого стесняться? Железяки, что ли?

— Ножки у меня что надо! — мечтательно вздохнул атаман. — Вот если бы вы, благородный рыцарь, похитили не меня, а фрау Карлу, то вас ожидало бы горькое разочарование...

И, гнусно виляя изо всех сил стегнами, пошёл к столу.

— Хорошо, чисто живёте, — похвалил он. — Лично стряпаете или прислугу неволите?

— Так это же вы сами, Анна! — воскликнул Синяя Борода. — Вы ведь сами, как обязались, привели мою берлогу в порядок! Но, к сожалению, вы выпол...

— Ни слова более! — торопливо сказал Радищев. — Простите, у меня ведь и память девичья...

— Каков же объём девичьей памяти? — задумался рыцарь.

— У-у! Пока девка с печки летит — семьдесят семь дум передумает!

Конечно, по-французски это звучало несколько неуклюже.

— Семьдесят семь одновременно? — не поверил Синяя Борода. — Значит, ваша мощность не уступает моей? Значит, вы тоже...

— Так в народе говорят! — подтвердил Лука. —

Да вы сами-то садитесь вот здесь, напротив... Чтобы я вами через весь стол любовалась...

И быстренько поспешил на дальний конец стола, где стоял хрустальный графин с вином.

«Выпью всё-таки! — решил атаман. — Сколько можно терпеть? Головы я не потеряю, на железку вешаться не стану... Аннушка ведь не стала! Разве я хуже?»

Он решительно наполнил ближайший оловянный кубок, разом его выдул и стал искать глазами, чем закусить. Глаза разбегались — то ли много на столе было закуски, то ли вино с отвычки резко ударило в голову.

— А теперь — со свиданьем! — весело воскликнул умыкнутая красавица и снова наполнил кубок.

— Не понимаю, — сказал Синяя Борода. — Выходит, я напрасно расчленял бедных поселян и своих невест?

— Напрашно, шовшем напрашно, — согласился атаман с набитым ртом.

— Выходит, мне следовало сначала отыскать вас, чтобы использовать вашу память?

— Охотно поделюсь, — кивнул Радищев. — Я вам, друг мой, такого навспоминаю! Хотите, наизусть «Слово о полку Кесарева» перескажу? Только попозже...

— Нет, сударыня, мне понадобится ваша память в полном объеме, — прогудел рыцарь. — Я очисти её, присовокуплю к своей и приду в совершенный порядок. Тем более что вы выполнили...

Он не договорил, поднялся и тяжело забухал в сторону Луки по каменным плитам.

«Вот же дуры бабы! — укорил себя Лука. — Дёрнуло меня поговоркой блеснуть! Память-то где? В голове... Или в теле, как у синьора Джанфранко? Значит, он мне голову всё-таки оторвет...»

— Потом я изготовлю для вас новую память, — успокаивал на ходу пленницу Синяя Борода. — Как повезло, что я наконец встретил подобное себе существо... Вы ничего и не почувствуете...

— Только бы заряд не подвёл! — сказал себе Лука, вытащил пистоль (отчего обе перси вывалились наружу, но уже не для соблазна: некогда было их заправлять назад под рубаху), взвёл курок, хорошенько прицелился...

Взрыв был такой, что атаман в который уже раз потерял сознание. Какой всё-таки слабый народ эти девственницы!

ГЛАВА 51

...Из ямы, образовавшейся под корнями вывороченного дуба, запах доносился вовсе не земляной, не могильный — оттуда тянуло горелым железом и жаром, словно помещалась там кузня либо мастерская. Слышался также некий недобрый скрежет...

— Да, всё приходит в упадок, — провыл синьор Джанфранко. Вытьё у него было вместо вздоха. — Успокойтесь, юный мавр. Бедный синьор Лука никуда не проваливался. Его действительно похитили — а значит, наш путь всё равно лежит в замок Синей Бороды...

— Я о нём слышала, — сказала фрау Карла. —

Я неоднократно посылайт ему повестка в Ойропише Герихт. Абер он не являль себя.

— Я также сталкивался с этим типом, — произнёс лорд Рипли. — И еле ноги унёс. Саблю сломал, а какая была сабля — не чета нынешним!

Тиритомба был безутешен и паялился в чёрную дыру с какой-то нелепой надеждой.

— Ну, чего вы мне сочинителя расклевили! — вскричал Ничевок. — Будет теперь гундеть и охать всю дорогу! Ой, деда, поехали! Лошадка подкормилась, худо-бедно нас покатыт, телега крепкая... Только вот этих заспинников, — он указал на одетых как попало панычей, — брать не станем! Лучше их в яму свалить: хоть какая-то польза от неё будет!

— Ни в коем случае, мой юный друг! — возразил мудрец. — Они ещё, чего доброго, угодят между шестерней, застопорят их, и тогда мы вообще не дождёмся смены дня и ночи! Ах, как всё запущено...

— На дороге, поди, застав полно, деда, а эти выродки вон какие подозрительные, — не унимался Ничевок. — С ними нас никуда не пропустят! Да ты знаешь ли, куда нам ехать?

— Естественно, бамбино, ведь замок воздвигал не кто иной, как я, — сказал синьор Джанфранко. — Только вот зачем я его воздвигал...

Итальянец задумался — видимо, и корчага вместо головы имела свои недостатки.

А сэр Сарджент Рипли добавил:

— Не думаю я, друзья мои, что встретим мы на своём пути какие-либо препоны или заставы. Вся Европа сошла с ума: стражники оставили свои по-

сты, землепашцы побросали плуги, ремесленники позакрывали мастерские, а уж здешнее робкое дворянство и подавно в разъездах: ведь за светлую голову синьора Джанфранко Тёмный Кесарь обещал кардинальскую шапку и кое-что ещё, о чём не говорят!

— Мы тоже хотим... — робко пискнул Яцек Тремба.

Ничевок свирепо на него глянул.

— Хорошо, — сказал итальянец. — Только бросать и без того нарушенное хозяйство не годится...

— Почтенный синьор, но ведь злодей может убить Луку! — воскликнул Тиритомба. — Нам дорого каждое мгновенье!

Не удостоив арапа ответом, синьор Джанфранко подошёл к дубу, подлез под ствол, как-то поособому крикнул — и толстенное дерево, прошумев листьями и ветвями, встало на прежнее место. Мудрец отряхнул руки и походил ещё вокруг ствола, утапывая потревоженную землю.

Опять сделалось страшно всем — кроме Ничевока.

— Я придумал! — закричал оголец. — Мы лошадку не станем томить — она нам теперь ни к чему! Пусть пасётся!

...Сэр Сарджент, даром что разведчик, всё-таки был не прав: как раз на дорогах-то и ловили в основном похитителя головы. Понятно, это было всё равно что ночью искать потерю исключительно под фонарями, но так уж устроен человек.

И ещё так он устроен, что привык разбегаться

при виде мчащейся телеги, в которую запряжено вместо лошади безглавое человеческое тело. Причём за безглавцем этим никакой лошади не угнаться...

Даже самые матёрые кондотьеры отскакивали к обочинам, не говоря уже о простонародье. С мостов же дозорные сигали прямо в воду! Если даже мелко было — всё равно сигали! А коли и догадывались положить поперёк тракта брёвна, так синьор Джанфранко да Чертальдо те брёвна с несусветной лёгкостью перемахивал, и седоки судорожно цеплялись за края своего экипажа и друг за дружку, чтобы не вывалиться.

Не успевал бедный арап спросить у попутчиков, какая за бортом страна, как телега уже въезжала в другую — это можно было заметить только по меняющим цвет придорожным столбам. На ходу ели, на ходу спали — ночь была нипочём резвому телу итальянского механика, ни разу ни во что не влетели! Ночи, кстати, становились всё короче и короче — это мог уже заметить и неучёный человек.

Даже городские ворота синьор Джанфранко отворял единым пинком, выносил створки, ломал верей...

Ничевок восторженно визжал, нагоняя страху на обывателей.

— Я непременно увезу старика в Англию, — обещал агент с правом на преступления против человечества. — Он должен служить британской короне.

— Абер, майн либер, он принадлежит Объединенной Европе по месту рождения! — возражала

его милая, глядя бывшего горца по всем местам с такой страстью, что даже поэт чувствовал что-то вроде ревности — никто ему больше кудерьки не разбирал, не расчёсывал...

Даже если плестись кое-как, нога за ногу, любая дорога куда-то, да приведёт. А поскольку здесь все дороги вели в Рим, синьору Джанфранко всё чаще приходилось сворачивать на проселки, на малозаметные тропки, а то и вовсе по бездорожью лететь. Раза два чуть не утонули, но всё обошлось.

— Ну, вот вам и замок! — объявил наконец итальянец. — Сейчас нам навстречу выбежит радостная Анита или, на худой конец, железное чучело вынесет её бранные останки... Болван полагает... Впрочем, вам сие не интересно.

Это внутри замок Синей Бороды был мрачный, а снаружи он выглядел очень даже весело: стены заросли ярким плющом, многочисленные башенки крыты красной черепицей, на вид совершенно новенькой, никакого рва вокруг, никакого подъёмного моста...

Зато и входа никакого!

Синьор Джанфранко отбросил оглобли и с удовольствием потянулся.

— Как же мы попадём внутрь? — испугался Тиритомба.

— Очень просто, — отозвался британский агент. — Я весьма опытный скалолаз... Вот только придётся поискать в ближайшей деревне верёвку и железный крюк...

— Успокойтесь, друзья, — молвил итальянец. — Здесь есть хитрое и преискусное устройство для подъёма наверх. Оно выполнено в виде девушки. Достаточно позвать её особым образом, и она спустит вниз свои роскошные золотые косы, а мы по ним и вскарабкаемся — как в сказке! К сожалению, вызывающее заклинание я никак не могу припомнить — вероятно, оно осталось в голове...

— У тебя, деда, как я погляжу, многое осталось в голове! — сказал Ничевок, копаясь в завязках гюльфика.

Малец мужал на глазах: вот уже и почтение к наставнику из него выветрилось!

— Юноша, с нами дама! — вскричал сэр Сарджент. — Не провоцируйте меня на необдуманные действия!

— С вами дама, а со мной нужда! — парировал Ничевок. — Не лопнуть же мне!

— Майн либер херр, мы впоследствии усыновлят этот ферфлюхте кинд и воспитают его! — сказала фрау Карла, задумчиво крутя в руках хвостину.

Вот это уже по-настоящему испугало дерзца: на затёкших ногах он поспешно удалился за угол замка и даже непристойное журчание попытался заглушить какой-то песенкой.

— Вспоминайте своё заклинание, вспоминайте скорей! Наш друг в опасности! — напомнил механику Тиритомба.

Итальянский мастер стучал пальцами по корчаге, вращал её вокруг усечённой шеи, снимал, тряс и вновь водружал на место.

— Деда, а давай я тебе там, где быть затылку, почешу! — вернулся повеселевший Ничевок. — Нашему дедушке это очень помогало... Он чего и не было сроду припоминал...

Помогло, да не очень.

— Заклинание было в стихах... — только и сказал почёсанный.

— В итальянских? — спросил арап. — О, сколь сладкозвучен язык знойного Юга, сколь приятен он грубому северному дикарскому уху...

— Да нет, язык не имеет значения, — махнул рукой синьор Джанфранко. — Тут важен смысл... А он примерно таков: столь прекрасны волосы твои, моя донна, что все мужчины, сколько их есть в городе, устремляются за тобой и следуют повсюду... Владеете ли вы искусством импровизации?

Тут уж пришлось и поэту призадуматься из-за всей поэтической силы. Он тоже принялся мучить свою голову, колотить по ней кулачками, разве что не отрывал...

— Ненавижу волос шотландских эту желтизну... На бронзу волос, на ланиты... Кудри девы-чародейки... И тяжкий водопад волос... Завитки её кос развились... И ручьями б разбежалась шелковистая коса... Льётся бурливым волос вином... Куст волос золотистый вянет... И помню россыпь золотую твоей божественной косы... В извивах кос... Короткие крылья волос...

Всё не годилось.

— Эх ты, чернота! — сказал Ничевок. — Да это же проще простого:

Распустила Дуня косы,
А за нею — все матросы!
Распустила Дуня ленты —
А за нею все студенты!
Распустила Дуня пряди —
А за ней другие...

— Отчего же только лишь матросы и студенты... — перебил соперника посрамлённый импровизатор, но тут в одной из башенок раздался пронзительный стальной скрежет, и в узком окошке обозначился ржавый скелет — правда, из черепа его, прямо из металла, стали расти золотистые нити и так доросли до самой земли. Нити кое-где сплелись в перемычки, образуя тем подобие верёвочной лестницы...

— Вперёд, друзья! — предложил механик. — Тут и ребёнок залезет: ведь замок предназначался именно детям... Проклятый болван ободрал оболочку тончайшей работы — думал, видимо, что ему сгодятся детали... А тут же совершенно иной принцип!

— Ребёнок не залезет, — предупредил Ничевок. — Ребенку ещё жить не надоело.

— Конечно, леди и джентльмены! — воскликнул лорд Рипли. — Я птицей взлечу наверх, а потом вытащу остальных...

— Ещё чего! — сказал малец. — Ты, дяденька, конечно, боец, но нам боец и самим нужен. Вдруг там засел разбойник с топором? Тюкнет по головке, и мы без защиты останемся... Нет, пусть они лезут!

И указал на скукожившихся панычей.

— Ежели первый пострадает, — продолжал

Ничевок, — то другой ещё успеет нас предупредить, а ещё того лучше свалится на злодея бездыханным кулём и придавит! А этих — чего жалеть!

— Резонно, — сказал агент её величества. — Пустые людишки, вроде испанцев...

— Я единообразно бралъ живъём в Базеле некоторый вооружённый маньяк, — предложила свои услуги фрау Карла. — Правда, он зер шнелле умрайт...

— Видите, позорники, женщина — и то не боится! — подхватил Ничевок. — Вот какая храбрая тётенька, — заискивающе добавил он, явно опасаясь возможного усыновления.

— Тогда мы вас и до Рима подвезём! — посулил пряник Тиритомба. А синьор Джанфранко ничего не посулил и даже не просвистел: подлинный мастер выше человеческих страстей!

Панычи, подталкивая друг дружку вперёд, приблизились к подножию башни, поочерёдно попробовали лестницу на прочность. Потом тихонько стали торговаться между собой, кому сгинуть первым.

Тиритомба подошёл к ним, протягивая верный ятаганчик.

— Я же не воин, — оправдывал он себя. — Я лишь певец во стане воинов... А коли вам гибель суждена, так я её воспою в надлежащей балладе!

От оружия нунции-легаты не отказались и между собой как-то всё же уладились: первым полез Недашковский, сверкая голизной: одежды ему досталось совсем мало. Обширный его зад едва не застрял в узком проёме, но всё же протиснулся.

Вместо ожидаемого предсмертного вопля послышалось:

— Яцек, коханный, за мной!

Яцек Тремба взял ятаганчик в зубы, как заправский пират, подоткнул горское платье и устремился за возлюбленным.

— Кажись, пролезло! — вздохнул Ничевок. — Ну, теперь мой черёд. Я-то подавно ничего не боюсь.

Мальчик резво подбежал под окошко, ухватился за золотые пряди...

...и лестница-чудесница плавно полетела вниз, перерезанная предательским клинком.

В окошко высунулась торжествующая физиономия Трембы.

— Ваша панночка померла! А всё золото теперь наше!

ГЛАВА 52

— Как они могли! — не успокаивался Тири-томба, бегая взад и вперёд вокруг башни. — В такой миг думать о презренном металле! Вот к чему приводит милосердие! Вечно оно стучится в наши сердца не вовремя! Что сделали они с бедным атаманом? Как мы доберёмся до них?

— Мы построим пирамид из живых нас, — предложила фрау Карла. — Буби ползет первым...

— Не выйдет! — скоренько откликнулся Ничевок. — Первому башку мигом отчекрыжат... А, знаю! Затомим их голодом!

— Не выйдет, — скорбно свистнул синьор

Джанфранко. — Наверняка железный болван пополнял запасы воды и пищи для своих гостей. Но где же он сам? Если с ним всё в порядке, эти псы Тёмного Кесаря недолго проживут...

Между тем уже смеркалось — солнце торопилось на закат, чтобы оправдаться за многочисленные дневные задержки и промедления.

— Да разве здесь одно окно? — сказал сэр Сарджент. — Дайте мне веревку с крюком, и я легко попаду внутрь... Конечно, лучше было бы иметь арбалет...

— С арбалетом и дурак залезет, — вздохнул Ничевок, вспрыгнул в телегу и напоказ раскинулся на сене — дескать, сделал всё от меня зависящее, а теперь не мешайте мне отдохнуть!

— Синьор Джанфранко, вам знакомо искусство осады? — с надеждой спросил арап. — Не верю я, чтобы душа моя Радищев сгинул там ни за грош. Он необыкновенно живуч, а уж в женском-то теле...

— Нихт ферштеен, — сказала фрау Карла. — Фройляйн Анна — она мужик или фемина? Налицо правовой казус.

— Фемина, фемина, — откликнулся поэт. — Но не всегда была она феминой...

Глиняная корчага на плечах итальянского механика выглядела явно сконфуженной. Зрелище было не из простых.

— Синьор Джанфранко, вы же сами строили замок, — нетерпеливо произнёс лорд Рипли. — А в каждом приличном замке должно быть множество потайных ходов на случай осады...

— Это игрушечный замок, — развёл руками безголовый мудрец. — Я-то думал спрятать там свой Тайный Узел — ведь никому и в голову не пришло бы искать его в месте, ставшем игрищем детей.

— Зато убийцам и не выйти оттуда! — воскликнула фрау Карла. — О, я им устрою судебный процесс!

— Не думаю я, чтобы Лука поддался этим гадам, — вступился Тиритомба за честь друга. — Он бы их и спящий передавил...

— Вот отдохну маленько и сам разберусь! — подал голос Ничевок с телеги. — Тётяшка Анна, конечно, вредная, но всё же нашенская. Да они, поди, наврали, что она убитая!

— Бедный добрый бамбино, — пожал осиротевшими плечами механик. — А ведь я и хотел, чтобы такие вот смышлёные ребятишки бегали там по винтовым лестницам, искали потайные рычаги за гобеленами и шкафами... Были бы там полными хозяевами... Какой злой и коварной оказалась невинная игрушка!

— Игрушку и сломать можно, — сказал Ничевок. — Или разобрать... Я их в жизни-то много раскурочил, игрушек этих. А коли крепость ненастоящая — так, может, она и не каменная?

Эта простая мысль поразила синьора Джан-франко.

— Эх, надо было взять горшок побольше, — свистнул он. — Ребёнок прав! Замок-то не каменный!

— Деревянный? — спросил арап.

— И не деревянный. Это такой особый материал, он неподвластен времени и стихиям...

— Вы нас утешаль, — саркастически бросила фрау Карла. — Дер тейфель! Мы будем сидеть тут, пока не посидим... нет, побелеем...

— Я пошёл за верёвками, — решительно сказал лорд Рипли. — Уступить двум соплякам было бы позором.

— Увы, — сказал синьор Джанфранко. — Ближние деревни наверняка опустошены безумным стальным чудовищем...

— Может быть, существуют ещё какие-нибудь заклинания? — умоляюще спросил Тиритомба. — Хотя намекните — я живо их воспроизведу!

— Вспоминай, деда, вспоминай! — Ничевок слез с телеги и подошёл к механику. — Хочешь, я тебе память освежу?

И, не дожидаясь согласия мудреца, снял корчагу с туловища, начал махать ею туда-сюда, словно бы проветривая. Потом для чего-то заглянул вглубь горшка, удовлетворенно кивнул, плюнул туда и вернул сосуд на прежнее место.

Вся компания застыла в благоговейном ожидании.

— Bravo! — воскликнул наконец синьор да Чертальдо. — В самом деле! Ведь есть же вход для ремонта! О, я всё предусмотрел, всё учёл! Не в моей привычке карабкаться по верёвочным лестницам. Ведь перед нами всего лишь аттракцион, хоть и гениальный...

— Ищи, ищи, скоро темно станет! — приказал малец.

Долго искать не пришлось. Повинуясь жестам синьора Джанфранко, сэр Сарджент своей острой саблей срезал побеги плюща в указанном месте.

Но никакого входа там не было — просто в стене была высечена таблица, поделенная на девять квадратов. В каждом квадрате имелась своя цифра — за исключением одного.

— Теперь требуется всего лишь начертать хотя бы пальцем контуры недостающего числа, — сказал механик. — Бумагу мне! Счёты!

— Где ж мы их тебе возьмём? — растерялся Тиритомба.

— И бумаги не надо! — снова пришёл на выручку Ничевок. — Пятёрочку там надо поставить, тогда и вверх будет двадцать семь, и вниз будет двадцать семь, и наискосок!

Синьор Джанфранко снял корчагу с плеч и чуть было не расколотил её об стену с досады, но ему не дали.

Тем временем удивительный ребёнок подскочил к стенке и чумазым пальцем вывел искомую цифру.

Часть кладки медленно, со скрипом, стала уходить вбок, открывая чернеющий проход.

— Тихо! — воскликнул Ничевок. — Мы к ним подкрадёмся, пока не ждут... Веди, деда! Ты тут всё знаешь, ты вспомнишь...

...Двигались вдоль стенки, на ощупь, держа друг дружку за руки. Лорд Рипли шёпотом тревожился, чтобы кто-нибудь не попал под его саблю в будущей неизбежной суматохе.

Сначала попали в зал, слабо освещённый факелами, но рассматривать его убранство было некогда. Из зала поднялись на галерею по безмолвной лестнице, а уж оттуда, мелкими шагами, вошли в проход, несомненно, ведущий в коварную башню. Света там было мало, но достаточно, чтобы увидеть предостерегающее движение секретного агента её величества.

Странники застыли, прислушиваясь.

В башне пыхтели, сопели, стонали, шипели, ойкали, кряхтели, крякали — словно случилась там либо великая любовь, либо большая драка.

Драка и была: какая любовь?

— Смерть предателям! — воскликнул сэра Сарджент, наступивший на брошенный ятаган.

Нунции-легаты катались по круглой площадке ложного камня, норовя задушить друг друга. Вожделенный мешок был распорот, золотые монеты раскатились по полу, но всё-таки образуя две примерно одинаковые кучки.

Возмущённый крик лорда Рипли вернул негодеев к действительности — они в ужасе вскочили и отпрянули к стенам.

— Где леди Анна? — лорд Рипли схватил Трембу и Недашковского за глотки, причём лезвием сабли едва не отрезал голову Яцеку.

— Майн либер, зачитай подозреваемым их права! — напомнила фрау Карла, ни на миг не забывавшая о законности.

— Хрящик им из носовой перегородки, а не права! — раздался откуда-то знакомый нежный го-

лосок. — Подождали бы немного, и сии клеветы Тёмного Кесаря сами бы себя уничтожили!

— Лука! Фройляйн! Донна! Тётенька! — обрадовались спасатели.

На свет вышел — или вышла? — невинная девушка, лишённая мешка с золотом. Вид у девушки был всё равно самый атаманский: волосы расчёпаны, в одной руке кинжал, в другой пистоль. Глаза Луки горели неистовым пламенем.

— Я уж давно не без памяти! — продолжал спасённый. — Они даже не сочли нужным определить, бьётся ли моё верное ретивое сердце — столь отвратно для них само прикосновение к женскому телу! Ну да я бы подождал кровавого исхода — не самому же руки марать...

— Совершенно верно, — скривился лорд Рипли и бросил предателей на пол, чтобы всякому приличному человеку сделалось доступно их попинать. Панычи не сопротивлялись, понимая свою обречённость.

— Где же Синяя Борода? — озабоченно спросил синьор Джанфранко. — Если он в отлучке и скоро воротится, то нам угрожает серьёзная опасность...

— Застрелил я его! — торжествующе сказал Радищев, отбиваясь от восторженных ласк арапа. — И тебя застрелю — уברי руки!

— Так я же не в том смысле! — обиделся поэт. — Я же по-товарищески!

— Товарищи под сарафан не лезут, — проворчал Лука.

Зажгли ещё пару факелов и увидели алые от-

светы на воронёных доспехах. Шлем на похитителе двух Аннушек был разворочен, оттуда торчала проволока и пахло чем-то горелым.

— Простая пуля — а чего натворила! — похвастался атаман.

Синьор Джанфранко склонился над поверженным чудовищем, попытался скрутить обрывки проволоки, но махнул рукой.

— Проще нового сделать, — сказал он. — Восстановлению не подлежит.

Фрау Карла тем временем ловко вязала преступников обрывками их же одежд.

— Пани Карла! Пани Карла! — кричали они. — Вы не имеете права! Мы подпадаем только под юрисдикцию самого Кесаря! Мы выполняли его приказ! Девушка не должна была дойти до Рима — так велел нам синьор Николо, камерарий!

— Процесс! — требовала фрау Карла. — Да будет он скор и справедлив!

— Какой процесс, моя леди? — спросил её пылкий обожатель. — Объявите бездельников вне закона, и вся недолга... Я же с удовольствием продемонстрирую вам пару несложных приемов лёгкого умерщвления, доступных и женщине, и старцу, и ребёнку...

— Чем же мы будем тогда отличать себя от наёмных мёрдерен? — возразила справедливая леди.

— Какой процесс? Вы с ума сошли! — кричал Радищев. — Надо спешить! Надо Аннушку выручать!

Но фрау настояла на своём.

Процесс устроили в зале. Фрау Карла размес-

тила в хозяйском кресле самого беспристрастного и вообще неживого — разумеется, синьора Джанфранко. Остальные заняли места на табуретках. Арапа суровая жрица юстиции определила в секретари. Прокурором назначила быть себе, в адвокаты пошёл агент, а Ничевоку, носителю уст младенца, пришлось стать одиноким присяжным. Потрясённого Луку практически отстранили от участия в судилище как главного свидетеля и вообще лицо заинтересованное. Ничевок мстительно показал атаману язык.

Для панычей пришлось притащить тяжеленную скамью подсудимых. Такая была длинная скамья, что хватило бы её для всех обидчиков Луки.

На столе стояло и главное вещественное доказательство — распоротый опечатанный мешок. Все золотые монеты были аккуратно разложены столбиками и пересчитаны лично фрау Карлой.

— Где айне монет? — грозно спросила судья и сразу же безошибочно определила похитителя, указав на него мускулистым пальцем.

Ничевок засмутился и вытащил денежку изо рта.

— И вовсе они не золотые, — объявил он. — Сперва надо было проверить! А из этих я себе грузила отолью на всю оставшуюся жизнь...

— Как не золотые? — удивился горшок судьи. — Ну-ка, ну-ка...

Кому как не алхимику и знать про золото!

— В самом деле, — растерянно сказал синьор Джанфранко. — Это позолоченный плюмбум.

— Вот же прямые подлецы! — воскликнул сек-

ретарь, хотя ему и надлежало безмолвствовать. — И во всём у нас так!

— Монеты должен быть пробирен... дон Хавьер! — воскликнула фрау Карла. — Видимо, он вошёл в сговор с ерусланише финансовиректор. Он будет отвечать перед Ойропише Трибуналь им Страсбург! Таким образом договор с Кесарем объявляется юридически ничтожным! Никаких претензий к Еруслянд не может того быть, испытание начнётся заново!

— Хрящик вам, — пробормотал под нос Лука. — Вдругорядь не пойду... Мешок свинца задаром пёр через всю державу!

Отвозмущавшись, приступили к допросу подсудимых.

Панычи по очереди поведали историю своей нечеловеческой любви, во имя которой им не раз приходилось поступаться принципами, опускаться до провокаций, вводить народ в заблуждение, лжесвидетельствовать, воровать, идти на поводу, служить слепым орудием...

Лука то и дело порывался рассказать высокому суду о предательских делах Трембы и Недашковского в разбойничьем лесу, но всякий раз фрау Карла заявляла, что сие к делу не относится, и вопросительно глядела на горшок судьи, а тот согласен кивал.

Постепенно клубочек размотался, и тогда выяснилось, что негодяи ни в чём таком особенном не виноваты. И действительно: фальшивую монету чеканили не они, подмены не производили, печатей на мешке не подделывали, а вменить им в

преступление можно разве что добросовестное заблуждение, мелкую кражу цветных металлов да неоказание помощи пострадавшей фройляйн Анне, хотя адвокат из лорда Рипли был никакой.

— Ну прямо мученики Усатий и Полосатий! — выкрикнул несдержанный Тиритомба. — Хоть балладу складывай! Может, их прямо тут и освободить из-под стражи в зале суда?

Во всём положившийся на опытную фрау, синьор Джанфранко с удивительной для покойника грустью согласился, что для смертной казни оснований нет, а вот на телесное наказание средней тяжести деяния панычей вполне тянут. Присяжный с некоторым неудовольствием высказал своё мнение.

— Приговор привести в исполнение в зале суда! — свистнул судья и вместо молотка грохнул по столу кулаком.

— Деда, деда, дай я! — обрадовался присяжный Ничевок. — Я тальнику нарежу, в соли замочу...

Но услуги ребёнка были безжалостно отвергнуты. Луку тоже не допустили в палачи: чего доброго, заперет до смерти, не женское это дело. И пламенный Тиритомба заявил, что оружие поэта — острое слово да скованный для мести кинжал, изделье бранного Востока, но никак не розги.

Да ведь и сэр Сарджент с этими обязанностями справился преотлично, воспользовавшись витым шнуром от штор. Шнур он, правда, не вымачивал, а присоливал секомое непосредственно из серебряной солонки.

От такого зрелища отвернулся даже синьор Джанфранко, а Ничевок глядел во все глаза и считал вслух.

ГЛАВА 53

В замке Синей Бороды не пугали Аннушку многочисленные нетопыри — она отважно гоняла их алебардой и тем сеяла среди рукокрылых тварей ужас, а тут поди ж ты — подвел её обычный девичий страх в самый неподходящий момент, когда войско маленького дофина брало город Реймс.

Французские рыцари устремились в атаку со своей предводительницей на челе. Анна решительно подняла забрало, чтобы её боевые призывы слышало войско освободителей.

— Монжуа Сен-Дени! — кричала она, как научил её старый сенешаль. Он скакал по правую руку Орлеанской девы, а по левую размахивал мечом маркиз Депардьё, чей нос напоминал руль небольшой бригантины.

Защитники города, с бору по сосенке набранные кондотьеры да ополчение Инквизиции, с трепетом глядели на приближавшуюся к ним стальную лавину.

За дни, проведённые в боях и походах, Аннушка Амелькина привыкла и к тяжёлым доспехам, и к запаху конского пота, и к воплям раненых, и к торжественным победным пирам, и к солдатской ругани (та не шла ни в какое сравнение с батюшкиной), и к оружию. Специально для неё лучшие мастера изготовили железное коромысло, ничем

не отличавшееся от родного, привычного, — только стальные крюки на концах были побольше размером да остро заточенные. С их помощью девушка наострилась выдёргивать вражеских всадников из сёдел по двое зараз.

Она и сейчас хотела проделать свой боевой приём, но вдруг откуда-то сверху в лицо ей устремилось нечто белое, громко хлопающее крыльями и нестерпимо воняющее.

— Сдавайся, дрянь! — пропищало оно.

Внука Святого девушка видела только на картинках и потому оторопела. Она бросила верное коромысло и вскинула руки к шлему. Шипастые перчатки впились в жалкое тельце, но нетопырь вдруг с необыкновенной силой рванул вверх. Анна не удержалась в седле и свалилась в сторону. Ни сенешаль, ни маркиз не успели её поддержать, а вот вороная кобыла, напуганная белой тварью не меньше всадницы, понесла с удвоенной скоростью. Шлем Орлеанской девы запрыгал по кочкам, стремяна же были весьма надёжные...

— Дева убита! Наша Жанна убита! — кричали отважнейшие из отважнейших и в беспорядке поворачивали коней...

... — Очухалась, еретичка! — сказал кто-то жирным голосом.

Анна открыла глаза и сразу успокоилась: такие добрые, лучистые, всепонимающие и всепрощающие глаза устремили на неё свой ясный и ласковый взор.

Толстеный старичок в чёрной рясе, украшенной лишь золотой головой быка на золотой же цепи, сидел у её ложа. Чисто выбритое личико старичка лоснилось, из-под красной шапочки торчали седые кудри.

— Успокойся, я лишь пришёл подготовить тебя к аутодафе, — сказал старичок.

— К свадьбе, что ли? — задуманным голосом спросила Аннушка. — Я в серале у басурманского султана?

— К счастью, нет, — улыбнулся толстячок. — Это не гнусное обиталище погрязшего в пороке восточного владыки, где несчастные пленницы, утопая в розовом масле и шербете, с ужасом ждут дня, когда растленный тиран соизволит обратить на них своё нечистое внимание. Здесь всего лишь гостеприимные подвалы кесарской Инквизиции, а я — простой Великий Инквизитор Фома Торквемада... Покайся во всех совершённых тобой преступлениях, и тогда ты спокойно, с достоинством сможешь взойти навстречу всеочищающему пламени Преисподней, где чёрные и рогатые слуги Кесаря нашего примут тебя на благословенные вилы и багры, проведут к сковородам, на которых так заманчиво шкворчит вожделенное кипящее масло... В противном случае тебя ждут вечная скука и тоска среди однообразных облаков под заунывное пение бесполох пернатых существ! Ничто не сравнится с этой мукой!

Аннушка соображала — хоть и с трудом.

— Нет, — сказала она. — Я не хочу на сковородку... Я не цыплёнок... Да ты, старый, никак

меня курицей обозвал?! Тебе стыдно должно быть!

Фома Торквемада выпучил ясные глаза:

— Стыдно? А это как?

— А вот я тебе объясню!

Девушка дёрнулась, чтобы объяснить, но не вышло, поскольку тело её было привязано к ложу кожаными ремнями. Комната была просторная, с низким потолком, на котором изображались и сковородки, и багры, и сами рогатые, и много ещё чего плохого. К стене привинчена была медная бычья голова с выпученными бельмами. Ещё в комнате стоял почерневший от времени простой деревянный стол, украшенный снежно-белыми салфетками. На салфетках лежали различные инструменты: клещи, тиски, буравы, кузнечные мехи, крючья, киянки. Посреди стола возвышался нарядный женский сапожок — почему-то непарный.

«Вот это я влипла! — подумала девушка. — Инквизиция! У нас ей детей пугают! И мы сами крепостных стращали: платите подати вовремя, не то придут к нам в Ерусланию инквизиторы, так барские батоги вы будете с благодарностью вспоминать: свои мучители слаще иноземных! Только ведь я их законам неподвластна!»

— Я вашим законам неподвластна! — заявила она. — Я подданная государя царя Всея Великия, Малыя, Белыя и Пушистыя Еруслании! Я буду жаловаться!

— Хоть в Страсбург! — засмеялся Великий Инквизитор. — Поймите, милое дитя, сейчас уже нет

в помине никакой Еруслании. Или не будет в ближайшее время. А вы нарушили все мыслимые и немыслимые законы Тёмного Кесаря. Вы подняли великий мятеж, смутив легковерных, легкомысленных и трусливых французов. Ваши солдаты оказывали вооружённое сопротивление римским гарнизонам!

— Да какое сопротивление? — удивилась Аннушка. — Мы просто лупили их в хвост и в гриву: на войне как на войне. А ваши хвалёные кондотьеры уже настолько обленились, что даже мечами-то отмахивались по-бабьи! И вовсе мои французики не трусливые, хоть и думают всё время только об одном, — она зарумянилась. — Но моя невинность была для них залогом победы! Им просто совестно было отступать в присутствии женщины — поэтому они и сметали всё на своём пути!

— Совестно? — возвёл брови Великий Инквизитор. — Да ведь наш Князь-Папа не спит ночей, освобождая несчастное человечество от стыда, совести и тому подобных предрассудков! И я, убогий, неустанно тружусь на том же благородном поприще! Ещё неизвестно, куда бы пришла Европа, отягощённая запретными и тлетворными суевериями! Правда, кое-куда проникают их ядовитые миазмы...

Он некоторое время сидел, задумавшись, потом протянул руку и взял со стола свиток. Потом водрузил на горбатый нос очки, отчего его глаза стали ещё лучистее.

— Впрочем, давайте по порядку, — сказал он и

уткнулся в свиток. — Почему ты, дева Иоанна, носила мужское платье?

— Ну вы, месье Фома, и спросили! Вы без штанов-то пробовали на коне скакать? Вы без доспехов-то в битву хаживали? Вы среди грубых мужланов жили?

— Но вы ведь раскаиваетесь, бедное дитя?

— Ни в чем я не раскаиваюсь! Я же не могла их бросить! Они же вбили себе в головы, что я должна спасти прекрасную Францию! А мне жалко, что ли? Ну, конечно, трудно приходилось, слезы по ночам глотала, всё тело горело... Потом-то обвыкла... Разве у вас женщины никогда не переодеваются в мужчин?

— Разве что для интрижки или на карнавале, — сказал Торквемада. — Но при этом они исполняют далеко не мужские обязанности... Вы понимаете, что вы наделали?

— Ничего не наделала, — с достоинством сказала Аннушка. — Лишь то, что велел мне долг.

Великий Инквизитор снова сверился со списком.

— Утверждала ли ты, дева Иоанна, что слышала голоса, приказывавшие тебе поднять мятеж?

— И вы про то же! Конечно, слышала, и всякий человек слышит в голове голоса. У нас они мыслями называются, а у вас? Или вы полагаете, что дядя чужой руководит всеми поступками людей?

Торквемада всплеснул пухлыми ладошками:

— Дядя чужой? Вот как? Наш Кесарь, человекачества создатель, Европы объединитель — дядя

чужой? Да ведь он всякому смертному должен быть ближе и родней отца и матери! Без него вообще бы ничего не было!

— Чего — ничего?

— Да нашего мира! — закричал старичок. — Кесарь взял на себя всю ответственность, облегчил ваше сознание от ненужных подробностей, отягощающих человека! Он избавил мир от чумы, холеры и непогоды! От неурожаев и чудовищ! Никто не смеет даже умереть без ведома его и без пользы делу! А вы, вместо того, чтобы мирно пребывать себе в счастливом блаженном неведении, противитесь его воле! Вы, твари из пробырки несчастного ремесленника! Плесень земная!

Когда оскорбляют за компанию со всем человечеством, можно и потерпеть.

Аннушка и стерпела — что на дурака обижаться?

— Месье Фома, — ласково сказала она. — Вы больны. С моим дедом то же самое было в преклонные лета: курицу зарезать — и то с копьем ходил! Вам бы на печку, к старушке под бочок, чтобы внуки старость вашу покоили... А вы девушек пугаете! Только не думается мне, что ваш Кесарь людей от чего-то избавил: в жизни всякого хватает...

— Вот такие, как вы, и погубят мир! — вскричал Великий Инквизитор, и глаза его похолодели, помутнели, потемнели — так что девушка по-настоящему испугалась, но не за себя.

— Водички испейте, месье Фома! Вам совсем худо!

Но Торквемада уже не слушал её.

— Сначала женщина переодевается мужчи-

ной, — сказал он явно самому себе. — Потом солнце останавливается в небе. Потом проливаются неурочные дожди. Потом выходят из берегов реки и моря. Потом по земле бегут трещины, города и деревни валятся в бездну... Но я на страже! Я всегда на страже! Я и прежде был на страже, только служил не тому, кому надо! Я пёс кесарев!

— Нашли чем хвастаться, — хмыкнула Аннушка. — Я поняла: вы вроде старосты деревенского. Старосте всё равно — добрый барин или лютый, а людям при нём всё равно плохо, он их мучит и гнетёт...

Сравнение с деревенским старостой привело Великого Инквизитора в великое же замешательство. Он обхватил голову руками и стал раскачиваться на своём кожаном табурете.

— Ты не могла сама догадаться, — прошипел он. — Ты, тупая самка! Ты не та, за которую себя выдаёшь! Я понял, кто ты! Ведьма! Самая главная из всех ведьм Европы! Что, мона Лукреция, попались? Как могли вы обмануть своего любимого брата? Он так переживал вашу мнимую смерть! Так тосковал! Будто мало у него было иных, высших забот! Он целый месяц возлагал на себя руки от отчаяния: вешался, топился, вскрывал вены... Но не надейтесь на милость Кесаря, ибо любовь его переродилась в ненависть, и никого он не уничтожит с таким наслаждением, как вас! Надо же — умерла родами! Так мы и поверили!

— Вас этак удар хватит, месье Фома, — сказала Аннушка, сохраняя хладнокровие: всё равно ведь отсюда не убежишь. А с умалишёнными ей в де-

ревне приходилось возиться... — Брат у меня был, старший. Только он был не Кесарь поганый, а лихой воин. Он и голову сложил в бою, с того ба-тюшка и запил...

— Запомни, — Фома Торквемада приблизил своё уже не искажённое благообразием лицо к девушке. — Мне не страшен никакой недуг, ибо даже волос с головы моей не упадёт без воли Тёмного Кесаря! Я, конечно, мог бы уничтожить вас, мона Лукреция, и без ведома моего владыки, и он бы только похвалил меня за это. Но мне нужно ваше признание в преступлениях — кстати, оно уже составлено по всей форме. Недостаёт лишь вашей подписи — ну, не вашей, конечно, а той, чьё имя вы приняли. Французишки не уймутся, пока её не увидят...

— Вот идиот, — с наслаждением произнесла Аннушка. — Лукрецию какую-то придумал. Да на что мне чужое имя, когда и своё хоть куда! И родами я не помру: я девка здоровая! Я хоть десяток нарожаю, лишь бы хорошему человеку! А подпись — подпись ведь и подделать можно!

Великий Инквизитор воздел руки к потолку, на котором заплесала чёрная его тень. Некоторое время он в бессилии потрясал кулачками, потом внезапно успокоился.

— А ведь и правда, — сказал он. — Как это я сразу не догадался? Глупая девчонка — пусть даже ты и не Лукреция. Допустим. Но ты же просто не понимаешь моей миссии, не понимаешь, что такое Инквизиция. Или ты и впрямь не сестра Кесаря? Та-то прекрасно всё понимала. Нам не нуж-

ны формальные признания, раскаяния и отречения. Это было бы слишком просто. Нет, нам с Кесарем желательно, чтобы возомнившие о себе гомункулы и люди умирали, чистосердечно признавая все вменённые им вины и проступки. Так было всегда, даже в те далёкие времена, когда... Впрочем, коли ты Лукреция, то и так знаешь, а коли дева Иоанна — то всё равно не поймёшь. Сейчас придут палачи, и ты будешь вопить о пощаде, только не будет тебе пощады... А я буду внимать и наслаждаться... Как раньше... Как всегда...

— А, месье Фома, понятно: вам в молодые годы девки не поддавались! — радостно воскликнула Аннушка. — Вот вы и злитесь. Сами виноваты, упустили время. Стишки надо было читать, подвиги свершать, пряниками угощать, семечками... Одеваться понаряднее — разве мало дур на свете? Я и сама, врать не стану, такая, только вот суженый мой...

— Палач твой суженый! — воскликнул Торквемада и поднялся.

— Да ещё похвалит ли Кесарь? — и девушка неожиданно для себя подмигнула толстячку. — Не обидится ли? Всё-таки сестрица! Не хвост собачий! Да разве ты осмелишься?

Великий Инквизитор застыл, не решаясь сделать шаг.

— Ну, ведьма! — сказал он наконец. — Ладно, оставайся тут. Даже если обернёшься птицей, всё равно не вылетишь на волю. Я доложу, если Кесарь меня примет. Но не было бы тебе хуже!

— Хуже твоей рожи не может и быть, — вздох-

нула девушка. — А Кесарь, сказывают, пригожий, хоть и злодей.

Дверь в камеру со страшным скрипом отворилась.

— Я не велел... — начал Торквемада, но замолчал.

Вместо палача или стражника в камеру влетел уже знакомый гадкий белый нетопырь, покружил под потолком и уселся на стол. Потом изгоняюще махнул перепончатым крылом.

— Понял, — поклонился Великий Инквизитор и попятился к выходу, не проронив более ни слова.

ГЛАВА 54

Ночевали прямо в зале на лавках — расходиться по спальням хоть в одиночестве, хоть попарно, никому не хотелось. Всё-таки страшновато, мало ли что мудрец успокоил. Вдруг тут ещё какое чудо водится, о котором дырявая голова забыла? Только панычей отволокли в кладовку со скелетами. Ничевок вызвался сторожить, но ему отказали.

— Тогда я у порога кладовки лягу, — решительно сказал он. — Мимо меня не проскользнёшь! А то они вам ночью головы-то отчекрыжат!

И сразу же захрапел, едва лохматая его головёнка коснулась узла с демонической сумой.

Лука вздохнул.

— И чего скитаемся? — вдруг спросил он. — Чего мятёмся? Как же мне теперь спасти Аннушку, коли я не ведаю, где она? Не лучше ль успокоиться и принять свою участь безропотно?

— Нельзя, — сказал арап. — Посуди сам, душа моя, не возвращаться же нам в любезное отечество? Нам там с ходу головы пооткручивают, а тебя ещё к тому же...

— Замолкни! И без твоих подковырок тошно!

— Прости, атаман, — потупился Тиритомба. — Вот у меня — своя беда. Вирши перестали слагаться, а что я без них?

— Это потому, что жизнь наша сделалась сложнее и заумней самых прехитрых стихов, — сказал Радищев. — Давай спать. Может, за ночь наш синьор Джанфранко ещё что-нибудь вспомнит — самое главное.

— Я не нуждаюсь в отдыхе, — напомнил о себе итальянский мудрец. — Я нынче и в голове-то уже не слишком нуждаюсь. Пропадёт моя голова — стало быть, туда ей и дорога. Жалкая органика, не более того. А я найду подходящий кусок мрамора и сделаю себе новую, покраше и помудрее: ведь благородный каррарский мрамор куда лучше простой глины...

— А что же с миром-то будет? — возмутился Лука. — Кто Кесаря повергнет? Кто людям настоящую жизнь вернёт?

— Это уже не моя забота...

— А чья? — вскочил на ноги атаман. — Вы, маэстро, напортачили — и в кусты? Чем можно убить вашего проклятого Чезаре? Как вернуть белый свет к прежнему состоянию?

— А стоит ли? — грустно просвистел умный горшок. — Вы, к счастью, и представления не имеете, чем был прежний мир...

— Имею! Мне дон Агилера всё-всё рассказал! Мир был огромный! Земля была шаровидной — греки не ошибались! Это вы с вашим дружком сплющили её в позорный блин! Хуже, чем плохо!

— Не блин, а куполообразный сегмент, юный невежда! И много ли счастья было людям в необъятности мира? Рано или поздно они открыли бы Новый Свет и прочие континенты с островами. И снова зашли бы в тупик! Чезаре Борджа стал не худшим из властителей, случались и пострашнее, только той силы у них не было...

— Да слышал я уже эти сказки про Кесаря, павшего было на поле брани, и про чудесное преобразование его. Раз однажды можно было его убить, значит, попробовать стоит!

— Не советую... Он не умрёт. Он частенько играет со смертью, но она не властна над ним. Он может погибнуть только совершенно особым способом, неприемлемым для прочих людей...

— Что же это за способ? — Лука подошёл к мудрецу с целью потрясти его за грудки, но одумался, чтя исчезнувшие вместе с головой седины.

— Если я назову его, это нам ничего не даст, — сказал синьор Джанфранко и сел, прислонившись к стене. — Сие зависит лишь от его злой натуры. Да, я создал для него этот мир. Пусть он неполон и несовершенен. Зато в нём нет ни моровых поветрий, ни землетрясений, ни ураганов. Крыс, кстати, тоже нет...

— Крыс?

— Были такие юркие грызуны, едва не выморившие Европу. Они переносили Чёрную Смерть.

Вы же, счастливы, мучаетесь разве что от простуды да ещё сами себя истребляете! Как встарь! Я учредил в этом мире дивную погоду, споспешествующую урожаю и людскому здоровью. Цезаре нужно было много... хм... людей. Я дал вам календарь. Я возжёт в небе солнце и луну...

— А звёзды? Как со звёздами-то быть?

— О мадонна! Да зачем вам звёзды? Света от них было немного, и служили они только шарлатанам...

— Звёзды... — мечтательно произнёс Тиритомба. — Лука мне рассказывал... Какой простор для поэтического воображения! Значит, и Орион, и Дева, и Стрелец были не просто мифическими фигурами? Да я отдал бы весь этот мир за одну-единственную звезду!

— Со звёздами получилась промашка, — досадливо сказал Джанфранко. — Слишком много расчётов. С вашими звёздами я бы до сих пор ковырялся под куполом, как бедняга Буонаротти: шея сделалась бы кривой, глаза ослепли... А ведь он расписывал лишь небольшой куполок! И я решил, что мой мир будет более рациональным, упорядоченным...

— Дядюшка, а зачем это вам было нужно? — спросил Тиритомба. — Пусть бы Тёмный Кесарь со своей злою силой сам бы и старался...

Горшок хмыкнул.

— Да ведь Цезаре, в сущности, невежда. Он умел только воевать, но и этому, пожалуй, сейчас разучился. Ему и убогой хижины не построить! Руки не тем концом приделаны! А передо мной

открылся простор для деятельности! Какой мастер смог бы отказаться от такого заказа? Вот вы, мой вдохновенный мавр, пренебрегли бы возможностью создать бессмертное творение?

— От моих несовершенных виршей хотя бы люди не страдают, — сказал Тиритомба. — Люди послушают, улыбнутся и хотя бы на миг забудут о своих горестях... Или погрустят немного вместе со мной, а не в одиночку... Великие поэты рождаются из праха дурных виршеплётов, потому что им неоткуда больше рождаться!

— Бросьте вы, — раздражённо сказал Джанфранко да Чертальдо. — Вон в Европе сейчас во все нет никаких поэтов, и ничего — живут счастливо, не зная войн и мятежей... Ведь и Буонаротти слагал сонеты! Но если бы он вдруг, паче чаяния, перехватил мой заказ... О, это был бы сущий ад! Человек потерялся бы среди его гигантов с искажёнными мукой телами! А понадейся Чезаре на Леонардо... Вот уж кто истинно бросил бы дело на полпути!

— Так ведь и вы, маэстро, не довели мир до ума...

— Я же не бог! — яростно свистнул Джанфранко. — Создателя нельзя торопить! Нельзя говорить ему под руку! Чезаре просто представить себе не мог Мироздание во всей его сложности и многообразии, у него недоставало фантазии! Я был ограничен, поскольку он был ещё более ограничен... Ему хватило бы и плоскости. И без того он не знает, что делать с остальными землями и народами, недоступными его куцему воображению!

А вы растёте сами по себе, как сорная трава! Что происходит в Катае? Бред, описанный Марко Поло? Там делают шелк, скажете вы. Да, эту ткань доставляют к нам через десятки руки, и это всё. Разведчики оттуда не возвращаются. Кто правит Индией? Торговцы пряностями? Что за учителя сидят на снежных вершинах Гималаев? Да и ваша хваленая Великая Тартария... Ни то, ни сё...

— Отчизну в обиду не дам, — предупредил Радищев.

— Молчите, жалкий андрогин! Меньше надо было верить в колдунов и ведьм, тогда бы ваше убогое хозяйство осталось при вас. Бессильные, нелепые существа! Я призвал вас к жизни, я начертил на картах мира все географические названия... Но карты составлял не я! Я не в ответе! Это всё он, Чезаре! Ему хотелось быть властелином мира. Когда-нибудь он им и станет... И упрётся своим тупым лбом в хрустальный купол небес... О, это будет месть, какой не знал никто из смертных и бессмертных!

— А не надо было связываться с кем попало, — сказал Радищев и вдруг вспомнил Брыластого с Киластым.

— Вы полагаете, юная Анита? А искушение? Впрочем, я уже говорил об этом. И мне всё равно, что будет дальше. Я устал от своего детища. Пусть синьор Борджа пытается мою бедную голову — авось она ему что-нибудь подскажет, куда не сгнила...

— Это вас совесть мучит, синьор Джанфранко, — сказал арап. — Вы преобразовали мир любопытства ради, во имя тщеславия, но вас никто

не знает. Вернее, немного знают — но как преступника, находящегося в международном розыске. Мало ли таких было и ещё будет! Но вы так и не объяснили, что произошло между вами и Тёмным Кесарем, а думается мне, что в том и загвоздка...

— Ему думается! — вздрогнул плечами итальянский механик. — Ему думается! Да во всем мире думается только одному человеку — мне!

— И всё-таки!

Горшок вздохнул.

— Женщина, — тихо сказал он. — От них все несчастья. И не спрашивайте меня о подробностях.

— Лукреция, — безжалостно уточнил Лука. — Ничего, мы её найдём. Сперва, конечно, Аннушку, а потом и её. Вы вернёте ей молодость и будете счастливы — как наш англичанин с нашей фрау, которые спят, утомлённые страстью... Храпят при этом немилосердно, как бы они нашего приёмыша не разбудили...

— О! — воскликнул Джанфранко. — Вот вам и надежда! Мальчик подрастёт, переймёт от меня всю сумму знаний, выработанных человечеством...

— Всю? — усомнился поэт.

— Всю! А другой и не надо! Он подкрутит гайки и болты, проверит схемы, заменит износившиеся детали и, может статься, учредит над вашими головами и звёздное небо — только в исправленном виде...

Но Лука его уже не слышал. Он как-то разом опрокинулся в сон, сквозь который сперва проби-

вался голос Тиритомбы, задававший бесконечные вопросы синьору Джанфранко, а потом вдруг атаману привиделся мир, устроенный по разумению Ничевока, так что вместо сна вышел самый натуральный ночной кошмар.

Странное выражение — ночной кошмар. Как будто дневные бывают!

ГЛАВА 55

Оказалось, ещё как бывают!

Лука ещё пребывал среди свистулек, бирюлек, тележек, дохлых кошек, замученных лягушек, кубарей, городошных бит и прочих радостей малолетства, когда услышал хоть и приглушенный, но явственный детский плач.

Атаман вскочил так быстро, что золотистый сарафан треснул по шву в самом неподходящем месте, и, не обуваясь, кинулся в сторону комнаты, отведённой под тюрьму.

Дверь была нараспашку, и солнечный свет проник в зловещую келью, полную костей и черепов. Плач доносился из этой кучи.

Атаман разбросал всякие там рёбра и облёгчённо вздохнул: Ничевок был всего лишь крепко связан шнурами, употреблёнными для порки, а изо рта у него торчал кусок лилового кардинальского чулка. Лука вытащил тряпку, и рыдания тут же сменились самой отборной бранью, которую даже разбойники употребляют лишь в особых случаях. Видно, частенько приходилось одноглазому кузнецу Челобану попадать молотом по пальцам в присутствии наследника!

— ...ихнего папу! — благополучно закончил Ничевок свою инвективу. — Тётя Аня, это всё они! Их надо было как следует связать, а ещё лучше — как я предлагал! Но кто меня, малютку, слушает?

Тут уж проснулись все. Фрау Карла закудахта-ла над бедным киндером, развязывая шнуры и ласково напевая что-то про немецкую ёлочку-танненбаум. Её бравый любовник помчался искать беглецов, вырывая двери и заглядывая во все помещения.

— Эх, синьор Джанфранко, — только и сказал Тиритомба.

Горшок не знал, куда нарисованные глаза девать.

— Я полагал... Я надеялся...

— Да дрыхли вы без задних ног, маэстро! Тоже мне — сну он неподвластен!

— Я и не спал, синьор поэт! Просто мысли мои унеслись далеко-далеко...

— Ну и что там, вдалеке? — спросил арап, надеясь на какое-нибудь, хоть завалящее, откровение.

— Такая же гадость, — сказал итальянец. — Поделом мне. Я чуть было не потерял своего лучшего ученика...

Вернулся разочарованный лорд Рипли.

— Ищи их теперь, — сплюнул он. — Тайный вход-то мы не закрыли! Мерзавцы, должно быть, успели пробежать половину Франции!

— Никуда они не убежали: у меня не больно-то побегаешь, — важно сказал Ничевок. — Сперва гомункулы хотели надо мной надругать-

ся... Вязать надо было крепче, разведчик хренов! Но шалишь! Дедушкины портки с меня никому не содрать! Я на сумку навалился, словно защищаю её! Визжу — даже охрип! Ну, они сдуру и решили, что настоящее золото там. Сами коварные, вот и думают, что все люди такие же...

— Стало быть, они... их... — остолбенел атаман.

— Ещё спорили, как деньги делить будут, — сказал Ничевок. — Но мой Детрофундис дело своё туго знает: сутки не кормленный!

— И... что?

— И всё! Он их двоих зараз к себе утянул: никто никому уступать не хотел! А у меня рот заткнут, предупредить не могу, — ученик чародея лицемерно развёл ручонками. — Сами виноваты. А демон хвалил их, понравились. Добавки просил... Да я уже сам почти что развязался...

— А ты куда смотрел? — укоризненно сказал атаман в сумку.

Детрофундис бубнил что-то неразборчивое.

— Он не виноват, — заступился за любимца Ничевок. — Он по-за сумкой не существует: измерение не то. Ничего! Предатели с возу — дедушке легче! Деда не молоденький у нас!

— Видите, как ловко сей юный гений управляется со стихиялями и элементариями! — сказал синьор Джанфранко. — В верные руки передаю я ремесло демиурга!

По атласной спине атамана пробежали мурашки от этих слов.

Тем временем фрау Карла и лорд Рипли, нахально раздевшись, в дальнем углу обливали друг

дружку ледяной водой, потом принялись прыгать и скакать, изображая смертельные удары. Лука отвернулся.

— Атаман, может, тебя тоже окатить? — спросил с надеждой Тиритомба. — Тело твоё белое беречь надобно! Я бы его похолодил, полелеял!

Лука поэтической вольности и не заметил.

— Не время о внешности думать! Пора спасать Аннушку и весь мир заодно!

— Ничего, подождёт твой мир, не треснет — сказал Ничевок. — Сперва надо перекусить...

— И куда в тебя лезет! — изумился Лука.

— Не твоё ем, — заявил ребёнок. — Мне расти надо. Деда, может, выпьешь маленько?

— Что ты! — воскликнул арап. — Синьор Джанфранко и так не может привести мысли в порядок. Он мне ночью такого наплёл... Я только и понял, что в начале было слово. Жаль, не разобрал какое! Я давно хотел сложить бессмертную поэму из одного-единственного слова, все перебрал, сколько есть их, — не подходят! Экспрессии нет, подлинного чувства не хватает!

А Ничевок уже вёл наставника своего к столу, сажал в кресло. Потом по-хозяйски снял с плеч корчагу, поставил её на стол и налил жидкости из графина. Все в ужасе наблюдали за делами мальчика.

Ничевок покрутил корчагу, ополаскивая, а потом с видимым сожалением выплеснул вино на пол.

— Ничего, и на вашу долю осталось! — утешил он спутников и вернул горшок на место. Горшок вдруг начал вращаться вокруг шеи синьора Джан-

франко да Чертальдо с невиданной скоростью, так что лопоухий ученик даже напугался: не переборщил ли?

Маэстро руками остановил вращение и сказал почти человеческим уже голосом:

— Поистине, интуиция ребёнка безмерна! Крепкое вино убило внутри сосуда моих мыслей все невидимые глазу образования, и я будто заново родился! Теперь я знаю, куда идти и что делать!

— Вот и батюшка так, — важно сказал Ничевок. — С утра ничего не соображает, пока не поправится.

Но для начала всё-таки решили привести в порядок и себя, и мысли.

Присели, как перед дорогой. Но ведь дорога и предстояла!

— Пойдемте, — сказал синьор Джанфранко. — Пора.

Они долго шли по коридорам, пока не оказались возле распахнутой маленькой железной двери.

— Значит, не нужно искать и ключ...

— Деда, да вот же он валяется! — подскочил Ничевок.

Маэстро повертел серебряный ключик в руках и снова бросил на пол.

Все смотрели на Джанфранко с ожиданием.

— Давайте прощаться, — сказал он.

— Как? Разве вы не пойдёте с нами? — в ужасе воскликнул Лука.

— Я пойду своею дорогой, а вы — каждый своей. Этот выход ведёт в разные места, и что ждёт там каждого из нас — неведомо...

— Как это неведомо, маэстро, когда вы же сами это создали? — не поверил Тиритомба.

— Да, я создал всё, в том числе и так называемый генератор случайных чисел — просто для того, чтобы жизнь не была механически однообразной. Я не знаю, будет пропускать эта дверь каждого поодиночке или позволит кому-то из вас не разлучаться...

Лорд и фрау при этих словах крепко обнялись, а Ничевок в страхе подбежал к названному дедушке.

— А я? Как же я? Ты меня бросишь, что ли? А Сорбонна?

— Коли суждено — ты останешься со мной. Но, скорее всего, мы расстанемся... Поэтому приказываю сумку с демоном отдать мальчику — пусть у него будет хоть какая-то защита...

— Да я и так Депрофундиса не отдам! Он, чай, не котёнок! — сказал Ничевок и заплакал. — Как я теперь... Без вас-то... Тётя Анечка, прости, что грубил... Арапчик... Тётя Карла... Дядя разведчик... Дедушка...

Лука стоял как пришибленный. Что теперь он сможет один? И ещё ребёнка втянули...

— Но мы ведь встретимся? — робко сказал поэт.

Джанфранко да Чертальдо рассмеялся.

— Конечно, встретимся, — сказал он. — Потому что иначе всякое расставание теряет смысл.

Лука помотал головой. Косы его рассыпались. Он снова почувствовал себя атаманом.

— Значит, так, — сказал он. — Торопиться не-

куда. В замке всего навалом. Теперь каждый за себя — значит, подготовиться нужно как следует...

— Какая ты хозяйственная, душа моя Радисhev! — сказал Тиритомба.

Лука хотел осерчать, но передумал.

— На прощанье поцелую, — пообещал он.

Вдруг под сводами замка прокричала какая-то ночная птица.

Звуки тоски и печали односложны и пронзительны...

Красноярск, 2002—2004 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1.	4
ГЛАВА 2.	11
ГЛАВА 3.	15
ГЛАВА 4.	26
ГЛАВА 5.	30
ГЛАВА 6.	36
ГЛАВА 7.	42
ГЛАВА 8.	48
ГЛАВА 9.	57
ГЛАВА 10.	66
ГЛАВА 11.	69
ГЛАВА 12.	74
ГЛАВА 13.	78
ГЛАВА 14.	87
ГЛАВА 15.	91
ГЛАВА 16.	96
ГЛАВА 17.	103
ГЛАВА 18.	109
ГЛАВА 19.	116
ГЛАВА 20.	125
ГЛАВА 21.	132
ГЛАВА 22.	138
ГЛАВА 23.	142
ГЛАВА 24.	148

ГЛАВА 25	153
ГЛАВА 26	157
ГЛАВА 27	162
ГЛАВА 28	176
ГЛАВА 29	182
ГЛАВА 30	188
ГЛАВА 31	192
ГЛАВА 32	196
ГЛАВА 33	201
ГЛАВА 34	206
ГЛАВА 35 ..	215
ГЛАВА 36	223
ГЛАВА 37	228
ГЛАВА 38 ..	235
ГЛАВА 39 ..	247
ГЛАВА 40	254
ГЛАВА 41	259
ГЛАВА 42 ..	265
ГЛАВА 43 ..	273
ГЛАВА 44 ..	282
ГЛАВА 45 ..	293
ГЛАВА 46 ..	300
ГЛАВА 47	311
ГЛАВА 48	315
ГЛАВА 49	322
ГЛАВА 50	329
ГЛАВА 51 ...	335
ГЛАВА 52	344
ГЛАВА 53 ..	355
ГЛАВА 54 ..	365
ГЛАВА 55	372

Литературно-художественное издание
Успенский Михаил Глебович
НЕВИННАЯ ДЕВУШКА С МЕШКОМ ЗОЛОТА

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *И. Андронати*
Художественный редактор *С. Лях*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Л. Панина*
Корректор *И. Анина*

В оформлении переплета использована работа художника
И. Варавина

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.*

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-81, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Миурунский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanco.ru e-mail: kanco@eksmo-sale.ru

*Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:*

Центральный магазин — Москва, Суваревская пл., 12
(м. «Суваревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 837-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-84.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

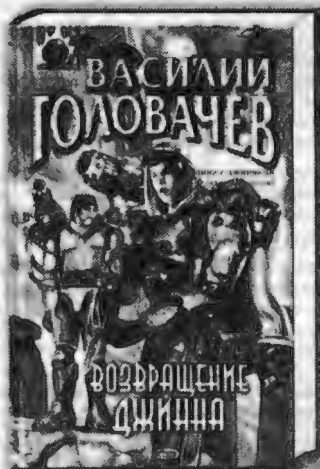
Подписано в печать с готовых монтажей 8.07.2005.
Формат 84х108 1/16. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 13,8.
Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 4502421.

Отпечатано на ФГУИПП «Нижполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКСМО» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

Лауреат
престижных
литературных премий,
звезда российской
фантастики.

Новый фантастический
роман в серии
"Абсолютное оружие"!

«ВОЗВРАЩЕНИЕ
ДЖИННА»

Издательство «Эксмо» представляет

АЛЕКС ОРЛОВ

В СЕРИИ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Алекс Орлов —
знаменитый писатель-фантаст!

Книги Орлова мгновенно
становятся бестселлерами!

Многочисленные фэны
называют Орлова «русским
Эмоном Гамильтоном»!

Роман «База 24»
и его продолжение
«Штурм базы» написаны
в традиционном
для автора жанре —
«фантастический боевик»!

Также в серии:
«Атака теней»,
«Тени войны»,
«Двойник императора»,
«Особый курьер»

СЕРИЯ

«РУССКАЯ ФАНТАСТИКА»

**ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ!**

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

А. Громов «Феодал»

Д. Янковский «Нелинейная зависимость»

В. Бурцев «Пленных не брать!», «Зеркало Иблиса»

А. Плеханов «Неестественный отбор»

**В некотором весьма странном царстве
новоиспеченный и крайне неопытный
царь по пьянке взял да и побился об
заклад с иноземным супостатом, что
нравственность и законопослушность
его подданных достигли столь небыва-
лых высот, что даже невинная девушка
с мешком золота способна без ущерба
для обоих указанных сокровищ
добраться до Рима – куда, как
известно, ведут все дороги.**

**И добро бы на деньги, дурак, спорил,
а то ведь на все царство оптом, вместе
с независимостью, самоопределени-
ем и народным самосознанием. Надо
теперь как-то выкручиваться. Собрать
золото, налаживать в путь невинную
девушку под недреманным
оком международных
наблюдателей...**

**Чудеса, чудовища, мудрые и весьма
жизненные наблюдения, царство
Антихриста, путешествия и
приключения, а также
«наше всё» – прилагаются.**

